АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ

«Я»

Мои путевые записи

Встречи с беженцами из Африки,
Камбоджи, Пакистана и Эквадора

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Актриса Анджелина Джоли — сексуальная красавица нашего времени — хорошо знакома российскому зрителю. Значительно менее она известна ему в другой своей ипостаси — Посла Доброй Воли Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев. Между тем, в этом качестве Джоли за последние годы посетила множество стран: Эквадор, Сьерра-Леоне, Танзанию, Косово, Кению, Намибию, Камбоджу, Пакистан, Таиланд. Побывала актриса и в России — на Северном Кавказе, в Ингушетии и Северной Осетии. Своими впечатлениями от поездок Джоли поделилась уже с большой разноязычной аудиторией. Теперь ее «Путевые записи» станут доступны и русским почитателям таланта голливудской знаменитости.

- Анджелина Джоли
  - Посвящение
  - Предисловие верховного комиссара ООН по делам беженцев
  - Вступление
  - Миссия в Африку
    -
    - Вторник, 20 февраля
    - Среда, 21 февраля
    - Четверг, 22 февраля
    - Пятница, 23 февраля
    - Суббота, 24 февраля
    - Субботний вечер в доме для гостей УВКБ ООН
    - Воскресенье, 25 февраля
    - Приют Святого Михаила ЮНИСЕФ Помощи Детям и Движение защиты Семей (ДЗС)
    - Понедельник, 26 февраля — 07:00 утра, разговор за завтраком
    - Форум, посвященный американским женщинам-педагогам (FAWE — Forum for African Women Educationalists)
    - Транзитная станция Джуи
    - Ватерлоо (транзитная станция)
    - Ужин в доме УВКБ ООН
    - Вторник, 27 февраля
    - «Парни с Запада»
    - Среда, 28 февраля
    - Четверг, 1 марта

- Пятница, 2 марта
- Суббота, 3 марта
- Воскресенье, 4 марта
- Понедельник, 5 марта 8:40 вечера Рейс 242 из Швейцарии, авиакомпания Swissair
- Вторник, 6 марта
- Среда, 7 марта
- Лагерь Ньяругусу (Беженцы из Конго)
- Геноцид 1994 года в Руанде
- Четверг, 8 марта
- Лагерь Мтабила
- Детское отделение
- Офис защиты
- Восстановление
- Ланч в «Гостинице Шератон»
- Пятница, 9 марта

○ Миссия в Камбоджу

-
- Понедельник, 16 июля
- Женева, вторник, 17 июля
- Штаб-квартира HALO
- Пятница, 20 июля
- HALO
- Суббота, 21 июля
- Воскресенье, 22 июля
- Путешествие на лодке в Баттамбанг
- Баттамбанг
- Самлот
- Понедельник, 23 июля
- 6 вечера
- Ужин
- Вторник, 24 июля
- Баттамбанг, вечер вторника
- Среда, 25 июля, 7 часов утра
- Факты
- В среду вечером
- Четверг, 26 июля
- Ужин с сотрудниками УВКБ ООН
- Пятница, 27 июля

○ Миссия в Пакистан

-
- Пятница, 17 августа
- Суббота, 18 августа
- Понедельник, 20 августа

        - Офис УВКБ ООН в Исламабаде
        - 10 утра
        - 12:30 дня
        - Городские беженцы
        - Реабилитационный и обучающий центр Сач
        - 7 вечера
        - Вторник, 21 августа — 6 утра. По дороге в лагерь Джалозай
        - Лагерь Джалозай. Инструктаж на месте
        - Организация «Международное убежище» (МУ)
        - Центр профессионального обучения
        - Клуб молодежи и Женский комитет социального обеспечения
        - 3 часа дня
        - Среда, 22 августа
        - Центр для беспризорников и нищих женщин
        - Лагерь Насир Баг
        - Школа в лагере
        - Сайед Джамалуддин
        - Четверг, 23 августа
        - Брифинг в Кветте
        - Лагерь беженцев Нью Саранан
        - 4:30 вечера, полевой офис УВКБ ООН
        - Лагерь беженцев Суркаб
        - Пятница, 24 августа
        - Поселение беженцев Лоралай
        - Городские беженцы в городе Кветта
        - Суббота, 25 августа
        - Служба здравоохранения Ага Хан
        - Воскресенье, 26 августа
        - Постскриптум
    - Миссия в Эквадор
        -
        - Четверг, 6 июня, 7 часов утра
        - Пятница, 7 июня, 7:15 утра
        - Суббота, 8 июня
        - 2:45 дня
        - Воскресенье, 9 июня
        - Аэропорт
    - Заключение
    - Фотографии
    - Карты
- notes
    - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12

Анджелина Джоли
Мои путевые записи

Посвящение

Соотношение сотрудников организации УВКБ ООН к числу лиц, требующих помощи, составляет 1 к 3 582. 1 сотрудник на 3 582 нуждающихся в помощи…

Эта книга посвящена им: их тяжелой работе, их полной преданности своему делу, их самоотдаче и их глубокому уважению к своим коллегам.

Также я посвящаю эту книгу всем тем мужчинам, женщинам и детям, которые когда-то были беженцами или являются ими сейчас, тем, кто выстоял в поразительных трудностях, и тем, кого нет, тем, кто погиб, сражаясь за свою свободу.

Все эти люди дали мне бесценный жизненный опыт, и за это я безмерно им благодарна.

Предисловие верховного комиссара ООН по делам беженцев

Штаб-квартира управления верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) была основана в 1951 году для защиты лиц, вынужденных покинуть свои дома из-за преследования или войны. За последние пять с лишним десятилетий УВКБ ООН оказало помощь примерно 50 миллионам мужчин, женщин и детей и помогло им начать жизнь заново.

Наши задачи огромны, и они не могли бы быть реализованы без помощи людей, посвятивших себя этой проблеме в разных уголках мира. Именно таким выдающимся человеком является Анджелина Джоли.

27 августа 2001 года я объявил Анджелину Джоли Послом Доброй Воли УВКБ ООН. Но еще до принятия этой роли она проявила глубокий интерес к проблеме беженцев и посетила их лагеря в Сьерра-Леоне, Камбодже и Пакистане.

В 2002 и 2003 годах Анджелина побывала в лагерях беженцев в Намибии, Таиланде, Эквадоре, Танзании, Шри-Ланке, Косово и Ингушетии, где тесно работала с сотрудниками ООН. Ее впечатления нашли отражение в личных дневниках, которые она вела во время своих поездок. Она планирует продолжить свои визиты в лагеря беженцев.

Со времени назначения Анджелины Джоли на должность Посла Доброй Воли она превзошла все мои ожидания, став партнером и коллегой в наших усилиях найти решение проблемы беженцев по всему миру. Прежде всего она привлекала внимание общественности к судьбам этих людей, заставив мир прислушиваться к этой острой проблеме. Интерес Анджелины в оказании помощи беженцам, ее личное великодушие и ее искреннее сочувствие людям вдохновляют всех нас.

Рууд Любберс

Верховный комиссар ООН по делам беженцев

Вступление

Меня попросили написать предисловие к моим дневникам, чтобы объяснить, почему моя жизнь приняла такое направление и почему я решила начать заниматься проблемой беженцев.

Сколько бы я не пыталась найти ответы, одно я знаю точно: я навсегда изменилась.

Я благодарна судьбе за то, что она дала мне возможность идти по этому пути, благодарна всем тем удивительным людям, с которыми я встречалась, за невероятный опят, который я получила.

Я искренне верю, что если все мы будем знать о том, что происходит, мы не останемся равнодушными.

Поэтому вопрос заключается не в том, «как» или «почему» я выбрала для себя этот путь. Вопрос в том, как я могла его не выбрать?!

В сечении многих ночей я не спала, читая статьи и статистические данные о национальных и мировых трагедиях.

Об УВКБ ООН я прочла следующее:

— на сегодняшний день в мире существует более двадцати миллионов беженцев;

— одна шестая часть населения Земли живет менее чем на один доллар в день;

— 1,1 миллиарда людей не имеют постоянного доступа к чистой питьевой воде;

— треть населения Земли не имеет электричества;

— более ста миллионов детей не имеют возможности ходить в школу;

— один из шести детей в Африке умирает, не достигнув возраста 5 лет.

Я узнала о различных организациях, занимающихся гуманитарной деятельностью. Находясь в Англии, я много читала о ситуации в Сьерра-Леоне.

Но когда я вернулась в Штаты, мне стало сложно следить за развитием ситуации, поэтому я позвонила в представительство УВКБ ООН в США с просьбой помочь мне понять происходящее в мире. Три недели спустя я посетила Сьерра-Леоне.

Я не знаю, какой окажется эта книга и как ее воспримут читатели: я ведь не писатель. Это мои дневники. В них представлен всего лишь беглый взгляд на мир, который я только начинаю понимать.

Миссия в Африку

С 22 февраля по 9 марта 2001 года я совершила поездку в Сьерра-Леоне и Танзанию с целью ознакомиться с положением беженцев, находящихся в ведении Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), и оказать им помощь.

Вторник, 20 февраля

Я на борту самолета, летящего в Африку. В Париже мы сделаем двухчасовую пересадку и оттуда полетим в Абиджан, Кот-д'Ивуар.

Это начало моего путешествия и этого дневника. Я не знаю, кому я его пишу — себе, наверное, или каждому человеку, кто бы он ни был. Я пишу не тем, кто случайно может прочитать эти страницы, но тем, о которых буду рассказывать.

Я действительно хочу помочь. Я не думаю, что чем-то отличаюсь от других людей, и думаю, что все мы хотим иметь шанс на достойную жизнь. И каждый из нас хотел бы верить в то, что, окажись он в беде, кто-то придет ему на помощь.

Я пока не знаю, какие результаты принесет эта поездка. Пока я каждый день продолжала узнавать все больше и больше о мире, о других странах, я поняла, как много мне было неизвестно.

Я изучила большое количество материалов, говорила со многими людьми в Вашингтоне в Управлении Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), старалась, как можно больше читать. Официальная статистика меня шокировала, а некоторые статьи заставляли сжиматься сердце; я читала, и мне становилось действительно плохо, иногда меня мучили кошмары.

Я не понимаю, почему об одних вещах говорят, а о других умалчивают.

Я не знаю, почему уверена, что могу что-то изменить, но одно я знаю точно: я хочу изменить мир к лучшему.

Я не была уверена, что должна ехать, я до сих пор не уверена, но (возможно, для кого-то это прозвучит фальшиво) я подумала о тех людях, у которых нет выбора.

Некоторые мои друзья считают, я сошла с ума, если хочу покинуть тепло и уют своего дома. Они спрашивали меня: «Почему ты не можешь помогать им отсюда? Зачем тебе куда-то ехать, с кем-то встречаться?» Я не знала, как им ответить, но я не думаю, что поступила глупо и безрассудно.

Мой отец пытался помешать моей поездке. Он даже звонил в представительство УВКБ ООН в США, но поскольку я уже взрослая, он не мог меня остановить. Вначале я была зла на него, но потом я поняла, почему он вел себя так: он мой отец и любит меня, поэтому пытается защитить. В конце концов, мы обнялись и улыбнулись друг другу.

Что касается моей мамы, то она смотрела на меня, как на маленькую девочку, и улыбалась сквозь слезы. На прощание она

обняла меня и передала слова моего брата Джемми: «Скажи Энджи, что я люблю ее, и передай, чтобы она помнила, что если вдруг она испугается, разозлится или ей будет грустно, пусть посмотрит на ночное небо, найдет вторую звезду справа и следует ей до самого утра». Это отрывок из Питера Пэна, одной из наших любимых сказок.

Я думаю о тех людях, о которых я так много читала, о том, что они разлучены со своими семьями и родными. У них нет дома. У них на глазах погибают те, кого они любили. Они сами погибают. И у них нет выбора.

Я не знаю, как будет там, куда я еду, но я с нетерпением жду встречи с этими людьми.

Моя первая остановка в Париже на несколько часов. Оттуда я продолжу свой путь в Африку.

Среда, 21 февраля

В самолете ко мне подошел мужчина в красивом голубом костюме и с улыбкой поинтересовался, не журналист ли я. Я сказала, что просто американка, которая хочет узнать об Африке. «Это хорошо», — ответил он.

Он выглядел важной персоной, окруженный другими мужчинами в костюме, которые уважительно приветствовали его. Когда он сошел с самолета с группой сопровождающих, два человека в военной форме — один спереди, другой сзади — присоединились к нему Репортеры сделали несколько снимков, когда он здоровался за руку с человеком, который, должно быть, тоже был важной персоной.

Я описываю все это потому, что. Когда в самолете этот человек спросил меня, куда я лечу, и я ответила, что в Сьерра-Леоне, он сказал, что побаивается этого места.

Когда мы приземлились в Кот-д'Ивуаре, а аэропорту меня встретил очень приятный человек из отделения УВКБ ООН. Его зовут Херв. Он говорит по-французски и немного по-английски, я же говорю на английском, и лишь немного на французском. Но это не помешало нашему общению. Я очень скоро поняла, что улыбки и жесты — это все, что порой нужно. Поскольку мой багаж задерживался, мы стояли какое-то время молча, ожидая его.

Чемоданы всех пассажиров открывали и досматривали. Бросалось в глаза то, что военных было больше, чем гражданских.

К нам присоединился еще один сотрудник УВКБ ООН. В машине мы разговаривали с ними о том, как Сьерра-Леоне переживает гражданскую войну.

Когда задумаешься, то осознаешь, как важны для этих людей помощь и поддержка.

И если мы будем видеть в людях Африки своих союзников и партнеров, будем помогать обустроить их жизнь, это только поможет нам.

Я узнала, что Соединенные Штаты предоставляют большую помощь, это не остается не замеченным. Но в расчете на душу населения, по сравнению с другими странами, наш вклад гораздо меньше.

С человеческой точки зрения, мне кажется, что людям необходимо постоянно напоминать о таких важных и неприкасаемых вещах, как, например, равенство.

Поистине, наша помощь хороша тогда, когда в ней нуждаются. Очень легко опоздать, упустить необратимое.

Во время холодной войны Африка была разделена. В 60-х годах она добилась независимости, но когда холодная война закончилась, Африке потребовалась помощь в укреплении демократических начинаний. Необходимо было поддержать тех, кто боролся за свободу, в которую верит каждый из нас.

Я смотрела видеоматериал о Сьерра-Леоне. Показывали марш за демократию, который проходил несколько лет назад. Я сейчас уже не помню точную дату, но это было до того, как начались самые ожесточенные бои. И если бы мы предложили тогда свою помощь, возможно, сейчас все было бы по-другому.

Жаль, что мы часто забываем, что отцы-основатели США были беженцами, а первые люди, поселившиеся в Америке, иммигрировали из других стран.

Человек, который встретил меня в аэропорту, рассказывал о своем пребывании в Америке. Мы роба были согласны с тем, что в американские СМИ поступает мало информации и что люди мало осведомлены о том, что происходит в действительности. Тем не менее, к чести простых американцев, даже та далеко не полная информация, которую они получают, вызывает у них сострадание. В большинстве случаев они искренне хотят помочь.

Он рассказал мне, что однажды на Рождество был в Канзасе, штат Миссури.

Я подумала о том, что этот занятой человек нашел время для того, чтобы посетить нашу страну, потому что он «хотел понимать Америку немного лучше».

Лишь немногие из нас были в Мали, той стране в Африке, откуда он родом, и, возможно, поэтому он был так приветлив и общителен, — он просто хотел поделиться со мной любовью к своей стране. Может быть, благодаря мне он сможет привлечь немного больше внимания к ее проблемам.

По прибытии в Абиджан на побережье Ивори я поселилась в местном отеле, который, должно быть, когда-то знавал лучшие времена. Но все равно он оказался лучше, чем я ожидала. Оставаться в этом месте надолго мне как-то не хотелось, хотя я знала, что это мое пребывание здесь займет несколько дней. Я приехала в Абиджан, чтобы встретиться с людьми из УВКБ ООН. В субботу я уезжаю во Фритаун в Сьерра-Леоне, что бы встретиться с беженцами.

Надо признаться, что я ценю горячий душ и хороший сон и, зная, что все это у меня сегодня будет, я чувствую себя благодарной небесам.

Четверг, 22 февраля

Сейчас я сижу в кресле в офисе УВКБ ООН в Абиджане. У меня очень насыщенное утро.

Я открыла для себя многое из того, чего не понимала раньше. Но все равно остается еще очень много вещей, которые я не понимаю. Самое главное — я осознала, что очень мало знаю об этих людях.

Надо мной висит плакат УВКБ ООН с надписью:

Для того, чтобы стать беженцем, многого не нужно.

Достаточно цвета вашей кожи или вероисповедания.

Мне разрешили присутствовать на собеседованиях с людьми, ищущими убежище. Они здесь для того, чтобы обратиться с просьбой о предоставлении убежища на территориях других государств, за пределами родины.

Представители УВКБ ООН внимательно выслушивают их истории и проверяют достоверность информации. Если они будут в состоянии помочь этим людям, то сделают все возможное. Вначале они должны определить, могут ли этих людей признать беженцами, а следовательно, признать легитимность их просьб о предоставлении убежища.

Обращающиеся за статусом беженца вынуждены доказать, что их потребность к защите и помощи является обоснованной. Не все страны имеют возможность удовлетворить их обращения.

Молодая пара, с которой сегодня разговаривали представители ООН, потеряла двух своих детей. Мужчине 30 лет, его жене 25 — так же, как и мне.

Но выглядели они намного старше. Они устали, их тела истощены, в глазах печаль и отчаяние. Они говорят по-французски и немного по-английски и кажутся очень образованными людьми.

Чувствовалось, что они даже попытались сделать так, чтобы я не чувствовала себя скованной.

Я была представлена им как американка, которая приехала в Африку для того, чтобы изучить и понять их проблемы, дабы потом попытаться рассказать о сложившейся ситуации своим гражданам в США.

Я была рада, что они поняли меня и мои устремления. Но после того, как я выслушала их историю, я почувствовала себя, с одной стороны, полной решимости действовать, а с другой стороны, абсолютно беспомощной.

Сильные, умные люди. С такими людьми, с такими природными условиями и ресурсами их страна могла бы

процветать.

Иногда может показаться, что деятельность таких органов, как УВКБ ООН и многих других, малопродуктивна из-за непрекращающихся несчастий. Но, изучив материалы о беженцах, осознавая всю проделанную работу по оказанию им помощи, я поняла, что мои новые коллеги полностью отдают себя работе.

И мы не должны забывать об этом.

Я уверена, что без их вмешательства у беженцев не было бы никакой надежды. Большинство из них были бы мертвы. И был бы хаос.

Конечно, мы должны продолжать оказывать помощь и поддержку странам Африки которые принимают беженцев, дают им новый дом.

Беженцы будут прибывать в наши страны до тех пор, пока мы не поможем установить порядок и укрепить те страны, которые эти люди вынуждены были покинуть.

Пятница, 23 февраля

На следующий день в другом отделе офиса я познакомилась с Лоли, которая должна была научить меня массе новых вещей. Лоли — человек удивительной энергии, энтузиазма и с приятным смехом.

Я узнала о новых компьютерных технологиях, которые позволяют вести учет, идентифицировать и выдавать удостоверения личности беженцам о пожертвованиях в виде оборудования и о новых разработках, которые действительно могут сделать работу более эффективной.

Во время кризиса в Косово компания Microsoft пожертвовала сто аппаратов, изготовляющих удостоверения личности. Но тем не менее требуется большое число специалистов для работы и обслуживания этой техники. Поразительно, о скольких вещах необходимо похлопотать. Сейчас разрабатывается специальная программа обучения. Для ее реализации потребуются средства.

Находясь здесь, ты осознаешь, насколько, оказывается, важны эти идентификационные карточки. Фактически эти карточки являются гарантией безопасности беженцев.

Вы можете себе представить, что значит находиться в ситуации, когда ты не можешь доказать, кто ты, и нет никаких доказательств правильности твоего имени или страны, семейного положения или возраста?

Подростки, не имеющие документов, подтверждающих статус беженца, могут быть насильственно направлены в армию или для выполнения опасных работ. Детей могут исключить из школ или запретить посещать их, забывая о том, что у каждого ребенка есть право на безопасность и образование.

В обеденный перерыв я пошла в небольшой магазинчик, чтобы купить сувениры. Пока я стояла на одном месте, я почувствовала какой-то зуд на лодыжках. Оказалось, меня искусали насекомые, настолько мелкие, что я едва смогла их разглядеть.

В некоторых районах запах был просто отвратительный. Мне стало не по себе.

Но у этих людей поразительная воля к жизни. Они не жалуются, ничего не просят.

Наши представления об этой стране неверны: в действительности, это цивилизованные, сильные, гордые, потрясающие люди, а их агрессивное поведение зачастую является проявлением инстинкта выживания. У них нет времени на легкомысленное и беспечное поведение.

Написав это, я поймала себя на мысли, что пишу так, будто изучаю людей в зоопарке. Я чувствую себя глупо. Самонадеянно с моей стороны думать, что я поняла этих людей и суть их борьбы.

Но я и приехала в Кот-д'Ивуар для того, чтобы ознакомиться и узнать их. Это первое и пока единственное место в Африке, где я побывала. Я еще даже не видела палаточных лагерей.

Здесь так много детей школьного возраста. Мальчики носят бежевую форму, рубашки с короткими рукавами и брюки. У девочек белые блузки и голубые юбки.

В местных магазинах полно золота и слоновой кости, есть даже бриллианты. И все это свалено на столах в маленькие кучки. Между тем полы ужасно грязные.

Женщина из УВКБ ООН предложила мне посмотреть окрестности.

Я согласилась. Прогуливаясь, мы встретили ее дочь с друзьями. Им всем по четырнадцать лет, они ходят в международную школу. Они жили уже во многих странах, говорят на нескольких языках. Интересные ребята.

Они мечтают о будущем. И выглядят они намного старше, чем их сверстники Соединенных Штатах.

Они неплохо разбираются в политике. Одна девочка спросила меня, что я думаю о новом президенте США Джордже Буше.

Они увлечены кино и, кажется, много об этом знают. Я надеюсь, что они смотрят хорошие фильмы, равно как просто смешные или глупые. Здесь им также важно смеяться, как и всем детям во всем мире.

Суббота, 24 февраля

Мы ждем, пока наш самолет до Сьерра-Леоне заправится и пока проверят наши паспорта. Лоли едет со мной.

Только что они взвесили мой багаж и меня… восемь килограмм… четыре килограмма… и мой вес пятьдесят пять килограмм (что бы это значило? Я не знаю). Мужчина в рваных сандалиях подтолкнул пластиковые весы (поверьте, вы бы не хотели иметь подобные у себя дома, в ванной). На них было изображение двух розовых кроликов, уже довольно потертое. Наш багаж, после того как взвесили каждый чемодан, сваливается в кучу. Я не представляю, как они потом разбираются в этом.

Вокруг меня много людей разных национальностей. Обращает на себя внимание красивая африканская женщина в традиционной одежде.

Самолет готов, но нас предупредили, что лучше сейчас принять душ, потому что такая возможность представится не скоро. Лоли и я решили последовать совету. Остальные остались ждать под палящим солнцем. Никто не садился в самолет. Потом я поняла почему — дамы вперед.

Все говорят: «Доброго пути» и «Удачи».

Сейчас я уже в самолете — заняли место без кондиционера.

Мы еще не тронулись с места, но на мне уже выступил пот. Я слизнула его с верхней губы.

Все вокруг улыбаются, разговаривают друг с другом, обмениваются любезностями и говорят о том, кто чем занимается в жизни.

Они обратили внимание на мою татуировку на запястье.

Тогда мне рассказали, как власти проводили акцию по выявлению мятежников, претендующих на статус беженцев. Эти люди пытаются обманом отнять даже ту малую часть помощи, которая оказывается нуждающимся.

Какая-то женщина сказала, что видела много людей, которых держали в течении нескольких дней до установления личности.

Она спросила, почему их подозревают.

«У них на руках татуировки!» (это распространенный родовой обычай в Гвинее и Сьерра — Леоне.)

Нас рассмешила мысль о том, что власти могут принять меня за мятежника. Однако это заставляет задуматься над тем, насколько характеризуют нас те символы, которые мы по разным причинам татуируем на своем теле. Кого-то они пугают, у кого-то вызывают насмешки.

Я думаю о своих татуировках. Почему я сделала их?

Инициалы моего брата, цитата о свободе моего любимого писателя.

Мы только что приземлились: надо взять кого-то на борт. Сейчас нас в самолете семеро.

Воздух стал немного прохладнее, день просто великолепный. Мы вышли из самолета, чтобы немного размяться.

Когда я вернулась, на борту находилось два новых пассажира — мужчина, сидевший впереди, и женщина, которая заняла место рядом со мной. По-видимому, я им не очень понравилась — мне так показалось, судя по их отстраненному виду. Мы не представились друг другу. Замкнутое поведение мужчины даже немного испугало меня, неужели мне придется с ним работать? После мне стало стыдно, что я так о них подумала. Мне повезло, что я оказалась в их компании.

Спустя какое-то время мужчина повернулся ко мне и объяснил, что он был взят в плен мятежниками Монровии и Либерии и находился там в течении шести дней. До последней минуты плена он боялся самого худшего. Он рассказал о долгих часах своего ареста в аэропорту.

Когда он, его жена и я наконец разговорились, я обнаружила, что они добрые и отзывчивые люди. Ушло чувство страха, которое в начале нашего знакомства я ошибочно приняла за отстраненность и замкнутость.

Мы приземлились на той же земле, где мужчину держали в плену.

Большинство людей в этой стране прошли через такое, что я не могу себе даже вообразить!

Когда я вышла из самолета, мне сказали, что у этого места нет практически никакой надежды на восстановление: все вокруг было сожжено и разрушено.

Иногда, когда мятежники уходят, они берут заложников только для того, чтобы те помогали им нести награбленные вещи.

Все вокруг было таким красивым — земля, озера, леса — настолько, насколько хватало взгляда.

Единственная авиация, которая базируется в этом аэропорту, — военные вертолеты.

Наконец мы приехали во Фритаун. Пока машина везла нас по улицам, мы обсуждали ситуацию в городе, последствия того, что Революционный единый фронт (РЕФ) назвал «проект: ни одного живого существа».

Я увидела сотни людей, шедших по улицам, держась за руки — они выжили.

На машинах краской написано: ГОСПОДЬ ВСЕМОГУЩ и ЛЮБОВЬ К КАЖДОМУ — НЕТ НЕНАВИСТИ.

Кажется, что эти люди — последние, кто мог бы верить в это после случившегося, но вместе с тем ты осознаешь, что они знают нечто, чего не знаешь ты, потому что они прошли через ад.

Странный обычай: в последнюю субботу каждого месяца все должны оставаться дома и делать уборку до 10 утра. Если до этого времени вы будете замечены вне дома, то должны объяснить, почему вам нужно было гулять по улицам.

Субботний вечер в доме для гостей УВКБ ООН

Битое стекло торчит из цементных стен, окружающих дом.

Наш грузовик останавливается, и охрана открывает деревянные ворота.

Во дворе находится маленькое здание грязно-белого цвета с потрескавшейся краской и несколько машин, стоящих за воротами!

Большинство обитателей приветствует меня улыбками, а некоторые пристально разглядывают.

Я разместилась в комнате номер 1, судя по прибитому к моей двери обрывку бумаги. Я думаю, что они предоставили мне лучшее, что у них есть.

Вода из душа еле текла. Комната могла бы считаться бедненькой, если не убогой с точки зрения людей моего круга, но люди, которые живут здесь, сочли бы ее дворцом.

Я благодарна небесам!

Обед был в восемь. Два сотрудника УВКБ ООН и я сели за стол и говорили о войне, жизни и о том, как выжить в таких условиях. Они многое мне рассказали. Жаль, что я не могла записывать за ними каждое слово.

Телевизор, находившийся внизу, показывал только один канал. Если повезет, можно поймать CNN, но сегодня не наш день.

Время здесь течет совершенно по другому. Внимание акцентировано на выживании. Ты просто живешь и наслаждаешься каждым днем и людьми вокруг тебя настолько, насколько можешь.

Люди сопереживают.

Я упомянула о том, что здесь недостает каких-то удобств, не потому, что мне их недостает, а потому, что вижу, как живут работающие здесь люди.

Мало кто из них делает себе поблажки. Конечно, в любом сообществе есть люди, которые могли бы быть лучше. Отдельные неправительственные организации (НПО) и работники ООН иногда, кажется, находятся в каком-то странном соперничестве.

Они помогают друг другу, но, несмотря на это, часто и жестко критикуют друг друга.

Но я верю, что они хорошие люди: не может быть плохим человек, который посвятил свою жизнь такой работе.

Воскресенье, 25 февраля

Мне приснился странный сон, достаточно страшный, чтобы его можно было назвать кошмаром.

Меня держали на контрольном пункте, когда я стояла на тротуаре рядом со многими другими женщинами. Я пыталась понять, что происходит. У меня было чувство, что я нахожусь в одном из тех мест, где внезапно может разразится насилие, которое заставит людей бежать — со своими пожитками или без ничего — даже без своих семей.

Я снова попыталась уснуть, но ворочаюсь уже где-то около часа.

Кричат петухи.

Кажется, что это место отражает эхом каждый звук. Я могу слышать шаги и скрип половиц. Я слышу крик какого-то животного, но не могу понять, какого именно, возможно, это обезьяна.

Пытаюсь полежать с закрытыми глазами. Еще чуть-чуть.

Сегодня воскресенье, и никаких мероприятий не планировалось до окончания времени, отведенного на воскресные молитвы.

Я только что вернулась с прогулки. Я решила, что пройдусь немного после завтрака, посмотрю окрестности. Мне сказали, что эта территория безопасна.

Выйдя на улицу, я сняла свои солнечные очки. Хотя и солнце и слепило, я хотела, чтобы люди видели мои глаза: так легче понять, что я не представляю никакой угрозы.

На мне не было никаких украшений не потому, что я боялась кражи, а потому, что вокруг находились люди, у которых почти ничего не было.

Очень скоро мои ботинки и штаны стали красными от глины.

Один из охранников УВКБ ООН, сьерра-леонец по имени Вильям, предложил мне показать окрестности (военные бараки и больницу). Это было интересно. Мы пошли вверх по улице и натолкнулись на Джорджа.

Где- то в течении года Джордж работал в КВКБ ООН, он готовил пищу. Это хорошая работа, но все же она не позволяет зарабатывать достаточно денег, чтобы обеспечить себя, не говоря уже о семье.

Но он не жаловался. Единственное, о чем сожалели оба, это о прошлых временах, когда это место было очень красивым.

Теперь все вокруг наполнено страданием и отчаянием. Они надеются, что когда-нибудь все измениться к лучшему и жизнь

здесь вернется на круги своя.

Но после увиденного очень сложно сохранить веру в надежду.

Я спросила Джорджа о его семье. Он сказал, что его мать только что переехала из лагеря беженцев в Гвинее. Я спросила, все ли у нее в порядке. Он ответил, что сейчас она чувствует себя намного лучше, но недавно простыла, так как там, где ей приходится сейчас жить, она спит на полу.

Джорджа взяли в плен повстанцы.

«Они пришли ночью, — сказал он. — Мы пытались бежать. Моя мать очень беспокоилась обо мне».

У Джорджа трое детей.

«Одного из них я пока еще и не увидел», — сказал он.

Мы прошли мимо больницы. Это очень старое, маленькое здание, выцветшее и обветшалое.

Здесь стоят две палатки Красного Креста. Я думаю, что в каждой из них могло бы поместиться около пяти кроватей. Возможно, причина, по которой их там не было, заключалась в том, что без них на полу может разместиться гораздо больше людей.

Сегодня на улице можно встретить много людей, большинство из которых, должно быть, в своих лучших воскресных костюмах, ярких и чистых.

Я не представляю себе, откуда у них такая одежда, но эта воскресная традиция очень важна для них. Все выглядят очень красиво.

Мы продолжали свой путь по пыльной дороге через скалы, водоемы и ручейки, которые, судя по ужасному запаху, текли из сточных труб.

Я услышала песнопения и барабанный бой. Вильям и Джордж указали на церковь.

Это было маленькое цементное здание, выложенное камнями. Я заглянула внутрь и увидела людей, которые ритмично двигались под бой барабанов. Люди выглядят так красиво во время молитвы!

С тех пор как я здесь, я впервые начала плакать. Но, сдержавшись, я пошла дальше.

Маленькие дети шли рядом со мной. Я улыбалась им, а они отвечали мне самыми очаровательными и большими улыбками, которые я когда-либо видела.

Один малыш спросил меня очень серьезным тоном, даже вызывающе дерзко: «Ты кто?»

«Энджи»

Он хихикнул, засмеялся и убежал.

Приют Святого Михаила ЮНИСЕФ Помощи Детям и Движение защиты Семей (ДЗС)

Мне дали подержать на руках малыша. Никакие слова не могли выразить то, что я чувствовала.

Позже маленький ребенок вложил мою руку в руку другой женщины (американской сотрудницы НПО).

УВКБ ООН сотрудничает с ДЗС, чтобы помочь детям, выходцам из Сьерра-Леоне, вернуться домой, в свои семьи, с которыми они были разлучены.

Молодой африканец-менеджер помогал обустроить место. Он был поддержкой для остальных, попечителем и явным лидером. У него очень добрые глаза.

Я задала ему несколько вопросов, таких, какие обычно задают, чтобы узнать человека. Что он любит? Какая у него семья? Я хотела узнать, кто он.

У него есть семья. Многие из его братьев и сестер учатся в университете в Италии. Он любит путешествовать, но чувствует, что он нужен здесь и что действительно может сделать что-то доброе.

Скоро у него будет отпуск, и он хочет пойти на курсы по консультированию жертв, получивших увечья. Он хочет помогать детям беженцев и сиротам, а также детям-солдатам, ставшим инвалидами. Об этом мало кто думает.

«Может, они думают, что те придут в норму сами по себе?»

Он объяснил мне, как проводят консультации в других странах мира; когда кому-то действительно требуется помощь, ее предоставляют.

В Африке ты можешь надеется на помощь и поддержку, если являешься частью местного общества.

Я встретила мальчика, которому только что установили протез ноги. Он слушал новости, стоя у маленького радиоприемника. Мне сказали, что он один из выдающихся студентов. Он ходит уже вполне хорошо.

Мальчик лет одиннадцати дал «пять» монахине, которая показывала нам окрестности. «Привет, сестренка!»

УВКБ ООН вместе с приютом Святого Михаила пытаются помочь в мониторинге перемещения людей с целью воссоединения разлученных семей.

Какие-либо международные новости здесь практически недоступны. Все, о чем ты тут слышишь, это об ужасе, царящим вокруг.

Если бы писали только о войнах и о самых плохих представлениях этого континента, то люди вряд ли были бы склонны вкладывать деньги в развитие Африки.

Это огромная проблема, всепоглощающая. И что же делать? Люди здесь становятся чрезмерно зависимыми и не хотят покидать лагеря беженцев. И я могу понять почему. Их родина опустошена и опасна. И нет еды, нет работы, нет дома.

Поскольку было воскресенье и у нас был выходной, к концу дня мы поехали к воде. Здесь такие белые берега! Какой восхитительный вид — белый песок, небесно-голубая вода в окантовке гор, покрытых пышной зеленью.

Говорят, когда первые поселенцы приехали сюда, звук волн был просто оглушающий, как рычание львов, поэтому эта земля и была названа Сьерра-Леоне.

Понедельник, 26 февраля — 07:00 утра, разговор за завтраком

С каждым днем я, кажется, узнаю все больше и больше. В странах, где нет алмазов, у людей нет шансов получить хорошее оружие.

Некоторые правительства или частные лица обогащаются за счет торговли с РЕФ.

США и другие страны должны помогать армии Сьерра-Леоне, так же как британская армия и S.A.S. [1] помогают сейчас тренировать сьерра-леонцев, обучая методам защиты от мятежников.

Форум, посвященный американским женщинам-педагогам (FAWE — Forum for African Women Educationalists)

Девушкам дают образование и обучают каким-то навыкам. Им помогают стать самостоятельными.

Большинство из этих молодых женщин в прошлом были похищены и изнасилованы. Я вхожу в маленькую комнатку.

Две женщины присматривают примерно за дюжиной малышей.

У детей нет игрушек.

Они сидят на полу. Какие красивые лица.

Как только я подошла ближе, один малыш начал плакать, практически кричать. Женщина извинилась, сказала, что «он напуган из-за цвета вашей кожи». Когда я была в классе, меня представили как Посла Доброй Воли ООН по делам беженцев. Майя, женщина, сопровождавшая меня, была представлена как офицер защиты УВКБ ООН.

Все девушки были очень гостеприимны.

Потом им объяснили, что помимо того, что я Посол Доброй Воли, я актриса из Калифорнии. Женщина, которая управляет школой, сказала им, что я приехала сюда с целью узнать как можно больше о них для того, чтобы помочь и оказать поддержку их программам.

Они едва знают какие-то фильмы. Вообще-то, я не очень хотела, чтобы было известно, что я актриса. То, что я делаю, скорее всего покажется им странным ремеслом.

Иногда то, что я актриса, мне тоже кажется странным, но в тот день я была счастлива что занимаюсь этим.

Через некоторое время мы начали общаться уже без переводчика. Креольский немного похож на очень быстрый, сконцентрированный английский.

Они попросили у меня мой адрес. На секунду я задумалась о осторожности в предоставлении своей частной информации, как мне рекомендовали в Штатах. Но они делятся со мной, поэтому я тоже поделилась с ними.

Я так хочу, чтобы эти молодые девушки добились чего-то в жизни. А еще я хочу быть им другом. Я прошла к доске и написала мелом свое имя и частный адрес.

Одна девочка, взяв меня за руку, медленно сказала: «Я бы хотела быть твоим другом».

И она написала свое имя, чтобы потом я поняла, от кого

пришло письмо.

Транзитная станция Джуи

Транзитная станция Джуи находится всего в семи милях от центра Фритауна, столицы этой страны. Основанная в 2000 году, транзитная станция была одним из временных поселений, которое было устроено УВКБ ООН во Фритауне для репатриации беженцев из Сьерра-Леоне в Гвинею.

Мятежники РЕФ из Сьерра-Леоне пересекли границу и атаковали Гвинею, гвинейцы напали на сьерра-леонских беженцев, которых подозревали в укрывании повстанцев РЕФ и в попытке дестабилизировать ситуацию в стране.

Многие беженцы из Сьерра-Леоне были избиты, их насильно заставили вернуться на родину, несмотря на то, что там все еще свирепствовала война. Многие из них не могли вернуться в свои дома.

Для спасения беженцев УВКБ ООН оперативно учредило две общественные комунны — Локомассама и Барри — в северной и южной провинциях. Но прибывающим на кораблях из Гвинеи беженцам необходимо было где-то временно останавливаться для реабилитации после долгого путешествия и принятия решения о том, куда направится дальше, исходя о полученной информации о судьбе их семей.

В Джуи, как и на других транзитных станциях, возвратившимся беженцам предоставлялась такая возможность. Формально возвратившиеся могли оставаться на транзитной станции не более пяти дней, но около 2 000 человек нашли там пристанище до июня 2002 года.

Транзитная станция находится рядом с деревней Джуи, где живут около 6 000 сьерра-леонцев. Здесь есть начальная и средняя школы, а также Институт изучения Библии. Беженцы отправляют своих детей в эти школы на время нахождения на транзитной станции. В деревне есть также медицинский центр, питьевая вода.

Пластиковые палатки, грязные полы. Люди бродят вокруг, не в состоянии себе помочь. Не могут поехать домой.

Человек подбежал к сотруднику УВКБ ООН, жестами натруженных рук он просит подойти их как можно скорее.

Объяснили, что мужчина хочет, чтобы мы посмотрели его больного мальчика.

Я встретилась взглядом с этим мальчиком. Он выглядел лет на двенадцать, но, возможно ему было шестнадцать. Очень сложно определить возраст из-за недоедания, которое изуродовало его организм. Он был очень болен.

Я держалась в стороне, меня он не знал. Доктор осматривал его.

Мальчик был молод, но осознавал все, что с ним происходи. У него парализованы ноги. Его живот и ребра казались слишком большими. Его позвоночник был сильно поврежден. Болезнь пожирала его тело. Позже мне сказали, что, вероятно, это последствия огнестрельного ранения и неудачной операции.

В больницу его не приняли. Там недостаточно средств, чтобы заботиться о нем.

Я никогда не смогу забыть его лицо. Я никогда не забуду то, как он передвигал свои ноги руками.

УВКБ ООН работает в Африке для того, чтобы помочь этим несчастным людям, для того, чтобы оказать им поддержку. Однако проблема нехватки финансирования стоит очень остро.

Я спросила молодую женщину «Что вы хотите, чтобы люди узнали?»

— Мы продолжаем жить в страхе. Мы боимся, что наших девушек будут похищать и насиловать. Мы боимся, что наших мальчиков будут забирать на войну. Мы хотим, чтобы эта война кончилась.

Работник УВКБ ООН спросил «Как вы думаете, Америка может помочь?»

Молодая женщина быстро ответила «Да, они могущественны. Мы хотим вернуться домой. Нашим детям надо ходить в школу. Нам необходима еда».

Если бы только Америка была такой, какой они ее считают! Возможно, тогда все было бы по иному.

Кто- то спросил руководителя: «Как вам живется в лагерях?» «Лагерь есть лагерь»

Мне сказали, что финансирование уменьшается, поскольку УВКБ ООН вынуждено расширять территорию оказания помощи в условиях ограниченного бюджета. Страны, предоставляющие убежище, такие, как Гвинея, испытывают существенные затруднения.

УВКБ ООН занимается сейчас транспортировкой международно перемещенных лиц (Internally Displaced Persons — IDPs) наравне с беженцами.

Многие другие организации поставлены на долгосрочное постоянное финансирование. УВКБ ООН — лишь на временное. Они не могут рассчитывать на долгосрочное субсидирование; поэтому сложно разработать и реализовать эффективные программы.

Они не знают даже, поступит ли финансирование на ближайшие месяцы. А тем временем число нуждающихся в

помощи только растет. Проблема (нужда) не исчезает.

Я встретила работника УВКБ ООН из Иордании. Он говорил о строительстве центра типа FAWE для женщин в лагерях беженцев или для жителей этого района.

Ватерлоо (транзитная станция)

Дети здесь хватают себя за руки и идут рядом, улыбаются и поют. У них нет ничего. Они носят рваные, грязные одежды, но все же они улыбаются.

Дети бегут на встречу. Они так счастливы иметь хотя бы то немногое, что у них есть сейчас они больше не одни, они не боятся за свою безопасность. Многим из них пришлось преодолеть большие расстояния, несколько дней без еды и воды.

Их крошечные ручки прикасаются к моим рукам дети держат каждый мой палец. Другие хватают мои запястья, локти, всю руку. Я практически не могу идти. Я хотела взять всех, каждого из них к себе домой.

Они увидели мои татуировки. Они показались им смешными. Они спросили: «Кто наколол это тебе?»

Пожилая женщина с рюкзаком на плечах начала рассказывать мне свою историю. Пока она говорила, она сняла со спины рюкзак в котором была ее внучка, и начала кормить ребенка грудью. Ее дочь, мать ребенка, подозревалась в принадлежности к мятежникам в Гвинее из-за ее племенных татуировок. Ее убили.

Внезапно один из мужчин, с которым я пришла, протянул руку: «Нам пора идти. Пойдемте, пожалуйста».

Я услышала какой-то шум, взволнованные голоса.

Это был спор на счет перемещений в другой лагерь. Беженцы не хотели уходить. Мне сказали, что некоторые беженцы даже требовали, чтобы их посылали в другие лагеря, потому что там, возможно, они смогут найти своих родных мы прошли мимо спорящих к машине.

Я заметила мужчину, который в отчаянии прильнул к стене. Внезапно он начал бить по стене кулаками, как будто пытался разрушить ее.

Мы были уже в машине. Мой компаньон закричал «Закройте свою дверь!»

Я не была испугана. Мне было очень грустно из-за того, что беженцы часто винят в этом работников УВКБ ООН.

Ситуация осложняется тем, что в этом уравнении много неизвестных, которые к тому же крайне непостоянны. Число беженцев меняется быстро и непредсказуемо. Соответственно, меняется структура необходимой медицинской помощи, даже элементарной вакцинации, меняются потребности в численности учебных мест в школах.

На текущий момент в помощи нуждаются 22 миллиона беженцев. Два месяца назад я ничего об этом не знала.

Мы должны помогать людям, которые вынуждены бежать и скрываться, чтобы выжить, но проблема будет только увеличиваться и усложняться до тех пор, пока мы не решим проблему в корне, пока мы не оставим войны.

Многие дети на транзитной станции Ватерлоо больны чесоткой. Но я лучше заражусь, чем уберу свои руки от этих малышей.

Чесотка — только одна из болезней, распространенных среди детей в лагере. Бытовые условия желают оставлять лучшего. По правде говоря, условия просто ужасные. Я уверена, что соприкоснулась только с верхушкой айсберга.

Я только что вошла обратно в свою комнату. Вымыла руки и лицо, поймав себя на том, что пристально разглядываю свои ладони.

Позже посетила ампутационный пункт, поддерживаемый неправительственными организациями. Он переполнен пострадавшими беженцами.

Я сижу над своими записями уже несколько минут, не зная, что писать.

Хотя нет, знаю. Я очень рассержена. Я ненавижу людей, которые сделали все это. Я ненавижу то, что все тут страдают — ампутированные, беженцы, перемещенные лица, люди, истерзанные бестолковой войной. Практически у всех выживших кто-то из родных или близких убит либо искалечен. Та мирная жизнь, которая была у них до прихода РЕФ, теперь исчезла, и, кажется, безвозвратно.

Я не понимаю, почему этот абсурд длится так долго. Как мы, американцы, можем утверждать, что мы помогаем этим нуждающимся странам, когда я вижу, что все эти люди живут здесь с уверенностью, что нет ни справедливости, ни мира.

И как, вы скажете, убедить беженцев начать строить свою жизнь заново, когда они уверены в том, что мятежники снова все разграбят и отнимут за считанные дни?

Мужчина с ампутированной рукой рассказал мне, как это произошло. «Тем, кому повезет, делают ампутацию. Нам повезло, мы остались в живых, но в большинстве раненые погибают из-за потери крови или инфекции».

Среди ампутированных самой маленькой — год. Ей было три месяца, когда изнасиловали ее маму, а ей отрезали руку.

Так много пострадавших людей.

Один местный молодой человек рассказал мне свою историю. Он был предпринимателем. «Теперь я сплю на земле. У меня недостаточно пищи, но я благодарен за то, что я жив, хотя жаль, что никогда не могу вернуться домой. Будет ли у меня когда-

нибудь опять собственное дело?»

У него был взгляд, который я не могу забыть — дрожащий, отчаянный, травмированный болью.

Мужчина без кистей рук понимал, что здесь я для того, чтобы попытаться помочь. Я была представлена ему как американка, приехавшая для того, чтобы собрать достоверную информацию о ситуации и рассказать о ней своим согражданам.

О да, я очень хочу этого. Я должна сделать это.

Я ни в чем так сильно не хотела преуспеть в моей жизни, как в этом. Мужчина протянул мне руку и улыбнулся. Я пожала его запястье.

Мне было неловко находится в присутствии таких мужественных людей.

Ужин в доме УВКБ ООН

Сегодня на ужин у нас была рыба и салат.

Это большая роскошь. Я была благодарна за ужин, но мне было трудно есть. Я чувствовала себя такой опустошенной.

Мы проговорили два с половиной часа. Каждый рассказывал о своем проекте, о событиях, очевидцем которых ему приходилось быть.

Обсуждалось много проблем — слишком много для меня, чтобы сделать заметки обо всем. К счастью, все это тщательно документируется УВКБ ООН.

Мужчина из Иордании сказал: «С любовью и терпимостью все возможно».

Это такое непередаваемое чувство общаться с людьми — разного возраста, пола, национальности, — каждый из которых имеет свои мотивы для работы в УВКБ ООН.

Некоторые из них сами однажды были беженцами.

Мы вспоминаем больного мальчика, которого я видела на транзитной станции Джуи. Кто-то сказал: «Мальчик со спокойным лицом».

«Возможно, это и не было огнестрельное ранение», — добавил другой. — «Возможно, это от ушиба».

Одна из женщин за столом сказала: «Он не выживет».

Меня поразило это, я не знала, что сказать.

Огромное количество людей в лагерях умирает без должного медицинского ухода. Нам необходимо заручиться большой поддержкой из Женевы (УВКБ ООН). Это требует много времени.

Мне объяснили, что в лагерях есть и другие жертвы, о которых, как правило, не говорят. Я никогда не читала и не слышала о том, что мне рассказали. Многих беженцев мятежники заставляли ампутировать конечности знакомым или близким людям. К их головам приставляли пистолеты, давали ржавые ножи или осколки стекол и заставляли отрезать кисти, ступни или руки и ноги тех людей, которых они знают, часто членов их же семей. Никакого наркоза. [2].

После этого люди сходят с ума. Они больше не способны адекватно воспринимать происходящее вокруг. Шок и чувство вины становятся невыносимыми. Наверное, нет никаких медицинских методов, которые могут помочь им. А в условиях недостаточности средств на оказание помощи больным физически, о лечении душевнобольных беженцев с тяжелейшими психологическими и эмоциональными травмами никто и не задумывается.

Я вижу, как беженцы заботятся друг о друге.

Я хочу еще написать что-то перед сном, но я не могу. Я слишком потрясена увиденным.

Вторник, 27 февраля

В 7 часов утра в дверь постучали — настойчиво и громко. Я немного устала. Я беспокоилась, что меня будут мучить кошмары. Но — нет, к счастью, усталость взяла свое, и мне ничего не снилось.

Я просидела в Офисе около двух с половиной часов, проверяя информацию и проводя встречи, пытаясь понять, кто и чем занимается, какие организации присутствуют в регионе.

Сегодня мы встречаем корабль, на котором беженцы должны будут вернуться в Сьерра-Леоне. Мы отвезем их в лагерь около Кенемы, который станет их новым домом.

Корабль задерживается. Наконец крикнули: «Пора двигаться!» Я схватила свой рюкзак. Прошло еще полчаса. Нам вручили маленькую сумку с основным походным оборудованием — «На случай, если что-нибудь произойдет…»

Наша машина все утро простояла в каком-то подобии гаража, на ремонте. Ремонт не получился, машина до сих пор не готова.

На все здесь уходит так много времени! Регистрация беженцев, которые сойдут на берег, также займет немало времени.

Представители многих правительственных и неправительственных организаций находились там же, в доке, по три-четыре человека от каждой организации.

Международная медицинская организация (International Medical Corps); Красный Крест (Red Cross); Спасите детей (Save the Children);

УВКБ ООН;

Видение мира (World Vision);

Международная организация миграции (International Organization for Migration). С самого утра беженцы терпеливо ожидали в доках под палящим солнцем, получив пайки в виде маленьких кусочков хлеба и сардин.

Я спросила, как долго продлится их сегодняшнее утреннее путешествие. «Одиннадцать часов!»

Хотя море и было спокойнее, чем обычно, многих детей укачало. На корабле прибыло двести два человека.

Какая-то женщина пришла сюда сегодня в надежде найти среди пассажиров своего мужа. Не нашла. Ей посоветовали проверить на регистрации. Это маленький столик в углу дока — единственное место в тени.

Мы едем по улицам, и практически при каждой остановке машину обступают нищие.

Среди них есть слепые и покалеченные дети — инвалиды на всю жизнь. Я спросила, можно ли дать им денег. «Нет, только не в этом людном месте. Сюда сбегутся все. Рискуем создать проблемы».

В этом путешествии участвуют более 200 человек. За нами едут два грузовика со всеми нашими вещами. Эти две машины типа U — Haul везут все, что накопили эти люди за всю жизнь. Больше у этих двухсот человек ничего нет.

Я не понимаю, как эти люди выдержали столь длительное путешествие из Гвинеи. Не представляю, как они вообще сумели добраться сюда.

На транзитной станции Ватерлоо мы берем еще беженцев. Итого сейчас насчитывается 387 человек. Заезжаем в город, чтобы купить все необходимое.

Эти люди возвращаются домой. Быть беженцами в Гвинее сейчас не менее опасно, чем вернуться на разоренную войнами родину.

Они возвращаются на родину, чтобы жить в лагерях.

Выбора нет — их дома разрушены, места, где они жили, сейчас захвачены мятежниками.

Им придется жить в лагерях, довольствуясь малым, не имея никакой уверенности в том, что те, кто разрушили их дома, убивали, насиловали и калечили их семьи и друзей, не повторят все это снова. Если им суждено умереть, они хотят умереть на родной земле.

Я не могу себе представить, что они чувствуют.

В битком набитых грузовиках они едут по разрушенным улицам, где раньше кипела свободная и счастливая жизнь.

Шесть грузовиков, полных людей.

Два грузовика поменьше, со всем их имуществом.

Наш грузовик замыкает колонну для защиты и поддержки.

Сейчас мы вырвались вперед колонны, чтобы показывать дорогу. Мы — единственный сопровождающий их конвой, обеспечивающий защиту, и каждые полчаса мы проверяем всех, курсируя вдоль колонны.

Только что нам сообщили, что мы не запаслись водой. Сотрудница УВКБ ООН пытается связаться с нами по рации и дать указание, где можно найти воду по пути. Связь плохая.

Нам сказали, что на место назначения прибудем после заката, потому что уехали мы позже, чем планировалось.

Коллеги еще раз спросили меня, уверена ли я, что все еще хочу ехать.

Они сказали, что нет причин для беспокойства, но они бы предпочли, чтобы я сошла на предпоследней остановке перед

пунктом назначения. Они сказали, что так им будет намного удобнее.

Я не хочу рисковать, понимая, что коллеги из УВКБ ООН чрезмерно напряжены. Мы договорились принять решение, когда приедем туда. Заодно и выясним, где мы можем вместе остановиться.

Только что к нам присоединился еще один автомобиль конвоя. Наш водитель дал им знак замкнуть колонну.

УВКБ ООН находится здесь для того, чтобы обеспечить беспрепятственное прохождение колонны сквозь дорожные контрольно-пропускные пункты и блокпосты.

Сейчас мы продвигаемся по местности, которую британцы недавно помогали освобождать от мятежников.

«Парни с Запада»

«Парни с Запада» — это группа бывших солдат, которые в мае 1997 года поддержали военный переворот, в результате которого был свергнут президент Ахмад Тиджан Кабба. Они скрывались в лесах, объединившись с солдатами действующей армии Сьерра-Леоне (АСЛ), когда при активном участии Группы экономического общественного мониторинга (ГЭОМ) международные силы восстановили в должности свергнутого президента Ахмада Тиджана Кабба.

Однако «Парни с Запада» и не думали сдаваться. При их участии были созданы хорошо организованные военные подразделения, которые в результате успешной интервенционной операции 6 января 1999 года взяли под свой контроль более половины Фритауна. При штурме города погибло более 5000 человек, городу и его обитателям был нанесен ущерб, составивший многие миллионы долларов. Дома, инфраструктура, частная собственность были разрушены. После того как войска ГЭОМ освободили город от мятежников, «Парни с Запада» снова скрылись в лесах. Их базой стала местность в районе акра Хиллс, в 50 километрах от Фритауна.

Долгое время они промышляли бандитизмом, нападая на гражданские и военные машины, что создавало крайне напряженную ситуацию с транспортными коммуникациями, особенно в районе вдоль главных магистралей, ведущих к Фритауну. Последней каплей, переполнившей чашу терпения беспредела «Парней с Запада», был захват нескольких британских военных и сопровождающих офицеров армии Сьерра-Леоне. Когда все переговоры о безопасном освобождении пленников оказались тщетными, британцы развернули в джунглях агрессивную авиадесантную операцию по уничтожению «Парней с Запада».

Сейчас мы едем по проселочной дороге. Идем на восток. Жестами указываем следующим за нами грузовикам, чтобы они прибавили скорость, а то что-то наш обоз растянулся.

Я видела человека, бредущего вдоль дороги. На нем были шорты, сам он весь в пыли. При этом держал на весу пулемет и кричал что-то самому себе, никак не реагируя на нас. Странный странник.

Повсюду остовы сожженных домов, разбитые и перевернутые легковые автомобили и грузовики.

Все это на фоне красивых густых джунглей.

Время от времени попадаются маленькие домики, наполовину сгоревшие, наполовину отстроенные заново с

помощью древесины и глины.

По дороге попадались старые пустые школы и церкви со стенами, изрешеченными пулями.

Нужно спешить. Если мы подъедем к лагерю после восьми вечера, то нас могут попросту не впустить на его территорию. Порядки тут если есть, то суровые.

По лицам было видно, что многие огорчены спешкой, которая не позволяла толком рассмотреть, что происходит вокруг.

«Извините, но спешим ради безопасности вас и ваших детей. Чем раньше мы туда приедем, тем быстрее вы сможете поесть и отдохнуть. Мы ведь не хотим долго путешествовать в темноте?»

Они все поняли, конечно. Хотя кажется, что нет конца их тяжелому путешествию. Конца ему пока не видно. Ну, хорошо хоть так, лишь бы были живы.

Мы в пути уже два с половиной часа. Один из грузовиков с вещами только что сломался. Теперь приходится перегружать во второй грузовик все, что было в первом.

Не знаю, как они собираются засунуть все в один грузовик, он уже и так перегружен вещами. Непростая задача.

Так и вышло — процесс перегрузки всего багажа в один грузовик оказался долгим. Ребята пытаются загрузить весь скарб сверху, привязывая его веревками.

Я никогда не смогу выразить или объяснить, что это за люди, через что они проходят или почему это так важно, чтобы мы им помогали.

Я достала видеокамеру и предложила нашим пассажирам высказаться. Идея им понравилась.

Они не верят прессе, не хотят, чтобы СМИ сами решали, что важно, а что нет. Они хотят сами расставить акценты. Справедливо.

Когда я ехала сюда, я думала, что мне будет плохо от всего того, что я увижу.

Но вместо этого я увидела волю к жизни, улыбающиеся лица изнуренных, но непобежденных и трудолюбивых людей, детей, гуляющих, держась за руки. Я испытываю благоговение перед ними.

Благоговение перед их волей. Благоговение перед их надеждой.

Мы остановились, чтобы высадить несколько людей в каком-то безлюдном месте. Еда, кажется, находится в грузовике, который едет далеко позади колонны.

Делаем привал. Сейчас два часа после полудня, и жара стоит невыносимая. Я вижу, как многие беженцы суетятся, носят хворост и какой-то хлам, пытаясь обустроить это случайное

место. Я не знаю, как у них хватает сил.

Мне только что объяснили типовой распорядок дня беженца. Утро обычно начинается с подготовки к завтраку: сбор воды и дров, приготовление пищи (если она есть), потом сам завтрак, после него мытье посуды и уборка территории, а потом зарабатывают на обед — они пытаются либо продать что-то из имеющихся пожитков, либо смастерить что-нибудь, кто что может.

В полдень опять носят воду и дрова, готовят обед.

После обеда цикл повторяется.

Каждый день посвящен выживанию. Не у всех получается.

Проблема не только в недоедании. В этом году УВКБ ООН потеряло четырех своих сотрудников.

Каждую неделю в мире убивают одного гуманитарного работника. Сложно обеспечить им безопасность и защиту.

Вообще, УВКБ ООН имеет один из самых высоких показателей по числу разводов, самоубийств и депрессий. Работа вредная.

При въезде в так называемый «район 91» висит знак:

«ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОТРЕЗАЙТЕ НАМ РУКИ! ДАВАЙТЕ ЛУЧШЕ СОЕДИНИМ ИХ!»

Нам надо добраться до местного базара, чтобы купить сардин и хлеба. Наши запасы не покрывают и половины потребностей.

Медсестра нервничает — у нее мизерный набор лекарств, а мальчику в третьем грузовике стало плохо. Пока непонятно, что с ним.

УВКБ ООН само нуждается в помощи для содержания большего количества докторов и медсестер, на закупку достаточного количества медикаментов. Здесь редко делают простые хирургические операции, а операций, увы, много.

Я сейчас рядом с Ньямбе, сотрудницей УВКБ ООН, которая большую часть времени везде сопровождает меня. Она впервые работает в качестве сопровождающей, к тому же это ее первый визит в лагерь, находящийся так далеко от транзитной станции.

Мы пошли разыскивать лекарства. По пути натолкнулись на солдат ООН, расположившихся в этом районе. Оказалось, что они из Бангладеш.

Один из солдат довольно равнодушно отнесся к нашей просьбе о помощи с медикаментами: «Идите и найдите НПО». От такой холодной реакции мы растерялись, подавленно оглянулись на пыльные дороги, на нищих местных Жителей города, на небольшие хижины.

«А где ближайшее НПО?» Солдат развел руками без особого интереса.

Тут в дело включилась Ньямбе, которая оправилась от растерянности быстрее, чем я, и довольно убедительно разъяснила солдату, что все мы являемся братьями и сестрами под общим флагом ООН.

Они спросили, врачи ли мы.

Мы объяснили: «Нет, просто сотрудники». Солдаты о чем-то посовещались и все-таки выдали небольшую сумку с лекарствами от боли и обезвоживания. Обед. Начали раздавать пищу. Теперь мы проверяем наши сумки.

Главы семейств подходят к нам, чтобы получить дополнительные пайки на тех, кто не значится в регистрационных списках. В такой ситуации только специальная желтая карточка предъявителя позволит ему получить булочку хлеба и половину банки сардин. Таков местный рацион одного взрослого человека. Один человек — одна желтая карточка.

Солнце садится. Понятно, что мы не доберемся до нашего места назначения сегодня — в здешних местах передвигаться в темноте опасно, тем более караваном типа нашего. Пытаемся связаться с администрацией лагеря Бо, который расположен примерно на час пути ближе, чтоб заночевать у них. Перед сном придется еще приготовить и раздать наборы сухого пайка нашим 400 подопечным.

На втором грузовике спустила шина. Как только заменим колесо, двинемся дальше. Первый грузовик днем раньше остался где-то позади из-за технических неполадок.

Пока ничего интересного не происходит. Никто даже не делает фотографий для CNN.

Выдвигаемся.

Сейчас 7:40 вечера. На улице темно, хоть глаз выколи, движемся очень медленно. Навстречу нашему авто подбегает человек из грузовика, идущего впереди, жестами просит нас остановиться. Съезжаем на обочину дороги и останавливаемся.

«Что случилось?»

«У нашего грузовика фары не работают». Переставляем грузовик в конец колонны и продолжаем движение.

На контрольном пункте молодые парни машут нам, приказывая остановиться. Они светят фонарями внутрь нашего грузовика, задерживают лучи на наших лицах. Внимательно разглядывают нас, а потом разрешают ехать дальше.

Сейчас 9:30 вечера. Мы прибыли в Бо. Мы проведем здесь ночь, а в 7 утра снова двинемся в путь.

Мы встретились с Мухаммадом, который здесь работает. Мы помогли ему приготовить три больших миски пшеницы и три больших миски бобов.

Вместе с женщиной, которая явно была лидером группы, мы начали раздавать еду. Прошло какое-то время, пока все беженцы вышли из грузовиков, все были очень голодны.

Я представляю себе, как плохо они, должно быть, себя чувствовали. Меня саму тошнило. Наверное, меня бы вырвало во время поездки, но, поскольку по дороге не было никаких уборных, то я ела только хлеб и ничего не пила. Оказывается, правильно сделала.

Я пыталась помочь, раздавая кружки и ложки. Железных мисок не хватало, поэтому после того, как одни люди поели, мы сразу же вымыли все тарелки, чтобы использовать их вновь.

Первыми были накормлены дети, затем женщины, и, наконец, мужчины. Кто-то обратился ко мне «памви», что означает «белый человек». Кто-то назвал меня «сестрой».

Они были добры ко мне, зная о том, что я здесь для того, чтобы помочь.

Другие люди на их месте, наверное, злились бы, толкались и скандалили — слишком тяжелы были их испытания, чтобы еще стоять и ждать медленно движущейся очереди за едой.

Пройдя сквозь столько мучений и трагедий за все годы своих скитаний, сейчас люди не шумели и не злились, а, наоборот, терпеливо помогали мне разобраться, что к чему.

Ньямбе и я отправились ночевать в ближайший отель. Я чувствовала, что это незаслуженная привилегия. Но я так устала. И я с глубокой благодарностью воспользовалась этой возможностью.

Нам дали номера с вентиляторами, но мой не работает. За окном я слышу голоса людей и едва различимые звуки американской музыки 80-х. Только что я увидела жирного прыгающего паука.

Когда-то поверхность кровати была пластиковой, но сейчас почти вся обивка содрана. На кровати нет простыней, только матрац.

Мне уже нравится эта комната. Человек, который проводил меня в номер, улыбнулся, когда открыл дверь, и сказал: «Отлично! Хорошо!» Затем он показал мне туалет и с широкой гордой улыбкой сказал: «Смотри!» И спустил воду.

Минуту назад он вернулся, чтобы дать мне спички и свечу.

С часу ночи до 4.30 утра здесь нет электричества.

Ньямбе вошла ко мне в комнату, и мы поделили остатки буханки хлеба. Было слишком жарко, чтобы есть, поэтому я предусмотрительно оставила свою половину на завтрак.

Среда, 28 февраля

6:17 утра. Мы снова на ногах и почти готовы идти по направлению к нашей цели — Кенеме.

Я плохо спала. Было очень жарко, и мешал постоянный шум. Я думала о том, насколько лучше мои условия по сравнению с условиями беженцев. Я думала о том, как матери и их дети чувствуют себя ночью. Были слышен плач малышей, несколько детских голосов. Я удивлялась, почему лишь несколько детей плакали. Может быть, они уже привыкли к этим ужасным условиям, или, что, к сожалению, более вероятно, они слишком устали, чтобы плакать.

Сегодня утром я обнаружила отверстие, сделанное, видимо, лезвием большого ножа в своей двери. Ньямбе сказала, что она видела его еще вчера, когда стучалась ко мне.

Интересно, а как же право на неприкосновенность личной жизни? Но на самом деле мне все равно. Сейчас слишком рано, и я рада снова быть в пути.

Нужно сказать, что многие сотрудники УВКБ работают у себя на родине, в местных отделениях, поэтому создается такое впечатление, что отделениям активно помогают местные жители. Зачастую так оно и есть, но не всегда.

В этих местах вынужденно присутствует много зарубежных организаций. Например, значительную активность проявляет Норвежский совет по делам беженцев.

Ну, вот мы и прибыли. Люди, приехавшие раньше, выбежали навстречу нашим грузовикам в надежде найти друзей или членов своих семей. И правда, некоторые радостно закричали: они признали своих друзей.

Каждой семье в лагере выделяется небольшой участок земли и чемоданчик с инструментами, чтобы они могли самостоятельно начать строиться.

Беженцам сложно начинать обустройство самим. А наличие собственного дома важно, поскольку делает человека более независимым.

Было бы здорово организовать какие-то семинары, чтобы обучить их садоводству, чтобы они сами могли выращивать себе пищу.

Эта новая местность для беженцев существует всего несколько недель, и здесь построено уже много глиняных и деревянных хижин.

В офисе я увидела около семи человек с огромными тюками. Некоторые женщины были беременны. Мне сказали, что эти

женщины одни из тысяч, которые приехали из Гвинеи. Они пришли пешком, и им необходимо медицинское наблюдение, регистрация и размещение в лагере.

Сейчас мы в аэропорту, ждем самолета, чтобы вернуться назад. Это маленькое белое здание, окруженное военным палаточным лагерем.

Африканские войска носят береты ООН и изображение своего флага на униформе.

Только что прибыли на вертолетах британские войска в полном обмундировании, с большими сумками и оружием. Они бегут стройными шеренгами от вертолетов по направлению к грузовикам, садятся в них.

Нам говорили, что наш самолет уже прибыл, но это не так. Поэтому мы ждем, пытаясь спрятаться от палящего солнца.

Мы поинтересовались, сколько нам еще ждать. Час. Мы все хотели есть или хотя бы выпить кофе, поэтому мы решили поехать в ближайшее кафе. Оно было маленьким, грязным и… замечательным. Смесь американского и китайского. Меню были очень потрепанными, и я с трудом могла различить слова. Мы сделали заказ и начали обсуждать наши проблемы. Только мы начали разговор, как через две минуты мы услышали звук самолета, шедшего на посадку, и вынуждены были бежать. Мы смеялись.

Задержки рейсов местной авиакомпании были вызваны разгоревшимися военными действиями. Но этот все-таки прилетел. Около десяти человек забрались в салон. Уф — тут очень жарко! Играла какая-то музыка, которую я даже не могу описать. Я думаю, что слова были на французском. Начавши раз играть, она уже не прекращалась.

Когда мы наконец вернулись, было уже почти 2 часа дня. По дороге я наблюдала за людьми. Сейчас я лучше понимаю смысл их борьбы.

Я посмотрела в окно.

Красота храбрости этих людей проецируется в очень многих проявлениях, случайных эпизодах. На этот раз это был маленький мальчик, который нес на голове кувшин с водой. Он босой. На улице очень жарко, и я уверена, что ему еще далеко идти. И много позже, после того как я уеду — или тогда, когда кто-то будет читать эти строки, — он все еще будет делать то же самое и многое другое — чтобы выжить. Он всего лишь маленький мальчик. И сегодня он один из счастливчиков. Потому что он не в армии. У него есть доступ к воде. Никто не отрезает ему ноги или руки. Несмотря на то, что он очень худой, он выглядит вполне здоровым.

В офис вошел фотограф и сразу начал расспрашивать о том, что где происходит. Он хотел получить информацию о том, как попасть в наиболее конфликтные районы.

Мы объяснили ему, что это довольно сложно — дороги небезопасны, даже продовольствие поставляется с перебоями.

Тем не менее мы попытались разработать оптимальный маршрут для его экспедиции. Действительно хотелось ему помочь. Он приехал сюда с целью рассказать миру о том, что происходит, через визуальные средства, ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Я уверена, что большинство фотографий, которые он сделает, запечатлеют то, что многие из нас не хотят видеть, хотя должны. Он поинтересовался, откуда я. «Из Америки».

«О! Я работаю фотографом уже десять лет. Американская пресса не покупает такого рода снимки. Другие страны покупают».

Сегодня вечером у меня запланирован ужин с мистером Арнольдом Акоджено, представителем УВКБ ООН в Сьерра-Леоне. Он собирается помочь мне понять ситуацию в этой стране — что делается, что должно быть сделано, политические нюансы.

Готовясь к встрече, я безуспешно пыталась счистить грязь со своих ботинок и переодеться в чистые брюки. Бесполезная трата времени. Ладно, пусть будет так, как есть. Ведь и так понятно, почему моя одежда в таком состоянии, так что не стыдно.

Сейчас я даже не ощущаю в себе сил сделать что-то конкретное и полезное, но пытаюсь начать в этом направлении. Отрадно то, что я чувствую в себе силы оказывать все больше и больше помощи в будущем. Я чувствую это.

По дороге на ужин мне сказали, что мистер Акоджено опоздает. «Образовались проблемы. Полиция получила информацию о том, что завтра планируется демонстрация».

Добравшись до его дома, я встретила мужчину с фонариком в руке, он проводил меня внутрь.

Двор был окружен большим забором, над которым возвышались кольца колючей проволоки высотой фута в два.

В доме все окна были защищены загородками из разнотипных металлов или пластмасс. Чувствовалась незатейливая попытка дизайнера хоть как-то минимизировать сходство этих конструкций с решетками.

Чем больше я узнаю о людях здесь, тем больше я понимаю, насколько велики риски, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни.

Сегодня был последний день срока нынешнего правительства. Некоторые люди хотят смены кабинета и политики. Некоторые

просто хотят захватить власть. Мой собеседник точно не уверен, кто будет принимать участие в завтрашней демонстрации, но он упомянул, что, возможно, будет участвовать РЕФ.

Во время последней демонстрации погибло девятнадцать человек. В этот день он застрял в своем офисе. Кажется, он сказал: «С 10 утра до 4 дня». И когда, наконец, автомобиль, который был послан за ним, уже почти приехал, автомобиль захватили демонстранты.

Он сказал мне, что после той демонстрации они думали перебраться в более безопасный офис. Другие организации ООН вскоре покинули тот район, но арендодатель пригрозил штрафом в сумме $ 55 000 за досрочное расторжение договора. Подумав, они решили, что могут использовать эти деньги на более важные нужды, чем собственная безопасность.

Но больше всего он рассказывал о том, какие замечательные у него сотрудники. Они преданы своему делу настолько, что будут продолжать работать несмотря ни на что.

Работающие здесь сотрудники не рискуют привозить сюда свои семьи. До прошлого Рождества такая практика существовала, но в связи с усугублением ситуации все родственники сотрудников были эвакуированы. Поэтому многие уже давно не видели свои семьи.

Завтра все будут оставаться внутри здания, за исключением случаев, когда нахождение вне офиса обусловлено служебными обязанностями. Например, три сотрудника должны будут встречать группу беженцев, которые прибывают в порт из Гвинеи. Автобусы для перевозки беженцев уже заказаны. У ООН есть свои грузовики, но символика ООН может вызвать агрессивную реакцию демонстрантов. Возможны эксцессы.

Планировалось, что я буду помогать в регистрации прибывающей группы, но теперь меня вежливо попросили оставаться в офисе.

Американское посольство является одной из предполагаемых мишеней.

Нигерия, Соединенные Штаты и Англия поддерживали существующее правительство. Я надеюсь, что я правильно поняла все приведенные факты.

Я напугана. Я знаю, что все будет хорошо, однако, поскольку я совсем не разбираюсь еще во всех хитросплетениях текущей ситуации, то я, конечно, должна ожидать чего угодно.

Наверное, это глупо, но, пожалуй, я упакую свой рюкзак, перед тем как пойду спать, на случай если придется бежать. Хорошо, что я измучена и сразу смогу уснуть.

На завтра у меня намечена встреча — обед с Джозефом

Мелрозом, послом США в Сьерра-Леоне. Также я планирую встретиться с представителями нескольких НПО [3].

Я не уверена, что может случиться. Я даже не знаю, что уже происходит в данный момент.

Четверг, 1 марта

9:30 утра — никаких новостей.

Зашел человек, чтобы установить радиосвязь.

За завтраком мы на тему о грядущих событиях сегодняшнего дня не разговаривали.

Мы показывали друг другу фото своих семей, рассказывали о них истории.

10:20. Все выглядит так, будто ничего и не случится. Но никто не выйдет из офиса в течение еще нескольких часов, из предосторожности.

Может быть, тот факт, что власти были готовы, предотвратил беспорядки. Военные охраняли ключевые объекты с раннего утра.

Мне надо пойти в город и взять деньги из Вестерн Юнион [4].

Мы поехали на машине Ньямбе, без опознавательных знаков УВКБ ООН. Нас остановили полицейские и проверили.

Мы были в Вестерн Юнион на пятнадцать минут раньше открытия, и они не пустили нас внутрь. У них тут строгие порядки. Большинство их персонала также дожидалось открытия офиса у закрытых дверей.

Сотрудники УВКБ ООН, которые встречали утром беженцев на причале, благополучно вернулись и сообщили, что прибыло около 485 человек.

Прибывшие беженцы останутся на транзитной станции до завтра, а затем уедут с сопровождением. Они возвращаются домой.

Судя по всему, демонстрация начнется в 3 дня. Говорят, что полиция уже пресекает попытки массовых скоплений. Также говорят, что демонстрация начнется около американского посольства. А у меня там назначена встреча в полдень.

Мы пытались связаться с посольством, чтобы подтвердить назначенную встречу с послом Мелрозом, но нам ответили, что у нас неправильный номер. Возможно, это ради безопасности, потому что, когда мы проверили, номер оказался правильным.

Я рядом с посольством. Замечаю в окнах дырки от пуль. Здесь когда-то стреляли, люди прятались внутри. К счастью, здесь много этажей.

Около посольства чрезвычайно много охраны. Почему-то я подумала, что это все равно что посетить свой собственный дом. Свою страну. Но я совсем себя так не чувствовала. Меня долго держали снаружи, в то время как проверяли удостоверение Ньямбе и расспрашивали ее. Потом меня попросили войти. Охрана высыпала содержимое моей сумки и занесла данные в

компьютер. Теперь я должна была пройти через металлодетектор. Как только я оказалась внутри, все стали очень приветливыми.

Мы говорили о тех 400 ампутированных инвалидах в лагере, которых я видела, и еще больше в лагерях Бо и Кенема. Большинство из них держатся вместе, но для них нет никакой поддержки или финансирования.

Мне сказали, что недавно прибыли двое новых ампутированных. За последний год не было ни одного случая насильственной ампутации. Казалось, что все прекратилось. Но примерно во время праздника Рамадан пострадали двое: полуторагодовалый ребенок и еще один лет восьми.

Им отрезали руки.

Да что же это такое?! Как можно это объяснить?!

Какое-то время мы молчали. Затем посол сказал: «Это все очень печально. Такова жизнь. Но всегда можно сделать что-то, чтобы изменить мир к лучшему».

Позже я присутствовала на встрече, где обсуждались поставки продовольствия и медикаментов. Поскольку финансирования не хватает, необходимо перепланировать кучу вещей. Сейчас многое будет зависеть от НПО и других подразделений ООН.

Мы должны найти компромиссы. Жизни многих людей зависят от каждого принимаемого здесь решения. Каждый раз, когда мы отказываемся от реализации той или иной программы, кто-то страдает.

Число прибывающих беженцев так велико! 400 человек в день. Сможем ли мы справиться с еще большим количеством? Где мы сможем их разместить?

Уже и сами беженцы не рады вновь прибывающим собратьям. Им становится очень тесно. Они вынуждены делить пищу, даже драться за нее. Это звучит жестоко, но это выживание.

Я начинаю чувствовать отчаяние и разочарование в словах коллег, но они продолжают пытаться найти конструктивные решения.

В помещении нет кондиционеров, мы открыли окна. Теперь каждый должен говорить очень громко, так как снаружи то и дело грохочут грузовики.

Позади меня — стол с фотографиями четырех сотрудников УВКБ ООН, которые были убиты в 2000 году при исполнении служебных обязанностей. Они выглядят очень добрыми. Милые, открытые лица.

Мы крайне полезно провели время за ужином с Джозефом Мелрозом. Другие Официальные лица НПО также присутствовали на ужине, большинство из них работает с УВКБ ООН. Мы проговорили всю ночь о разных странах и ситуациях в них.

Мы даже умудрились пошутить и посмеяться. Я не знаю, о чем я должна, а о чем не должна написать. Прозвучало много разных мнений. Могу лишь сказать, что я ощутила, насколько сильно каждый присутствующий в комнате предан своему делу и искренне старается найти решения.

Понять или объяснить РЕФ, договориться с ними очень сложно. Никто не верит, что РЕФ просто так решил подарить «зеленый коридор» [5] от Гвинеи до Сьерра-Леоне, пролегающий через контролируемую ими территорию. Какие реальные мотивы стоят за этим?

Грабить караван с продовольствием?

Брать заложников?

Прикрываться живыми людьми?

Поскольку это не дает им никаких других видимых выгод, зачем им это? Окончательного ответа мы не нашли.

Следующая проблема. Финансирование для беженцев поступило, но большая часть предназначена для финансирования тех районов, с поддержкой которых все и так уже относительно благополучно. Получается диспропорция в некоторых лагерях поддержки более чем достаточно, тогда как другие районы едва что-то получают.

При этом организации не имеют права самостоятельно перераспределять средства.

Ампутированные получили много поддержки и освещение в прессе. Замечательно, что о людях заботятся и оказывают финансовую помощь.

Теперь я знаю, что не все из тех, кто был ранен в ходе военных действий, даже не ампутированные, были прямыми жертвами пыток самих мятежников. Мне рассказывали, что мятежники заставляли многих врачей под дулом пистолета отрезать конечности и калечить людей. Если б они не подчинились этим зверским, бесчеловечным приказам, то они и их семьи были бы убиты.

Лагеря в районах, пострадавших от войны, определенно нуждаются в большем финансировании.

Я сижу здесь, пишу эти строки, и мне трудно поверить, что завтра я уезжаю из Сьерра-Леоне.

Пятница, 2 марта

Я на борту самолета, вылетающего из Фритауна, Сьерра-Леоне, в Кот-д'Ивуар, где я должна буду провести одну ночь.

Сама не знаю, какие чувства испытываю.

В самолете я познакомилась с женщиной, которая путешествует со своей дочерью. Она поблагодарила меня за то, что я приехала в их страну. «Нам очень приятно, что кто-то о нас думает». Она работает с УВКБ ООН и так же была в Гвинее.

Я хотела поблагодарить ее за ее мужество. Я хотела поблагодарить эту страну за то, что она приняла меня и позволила узнать так много нового о ней и ее удивительных людях.

Но я не могла говорить. Я боялась, что не смогу сдержать слез.

Когда я уезжала из Сьерра-Леоне, люди говорили мне: «Пожалуйста, оставайся на связи. Мы надеемся, что ты не забудешь о нас». Это было сказано с улыбками, дружелюбно. Конечно, я никогда не забуду, но многие забывают.

Во всем мире так много мест, где нужна помощь. Я даже была удивлена, услышав о проблемах в Эфиопии. Я обрадовалась, когда узнала, что ситуация в этой стране улучшилась. Я думала, что самое плохое осталось позади, потому что несколько лет назад по всему миру прошло много новостей об улучшении положения. Увеличились объемы финансовой помощи и осведомленность людей во всем мире о ситуации в Эфиопии. А потом оказалось, что все это только иллюзия, которая исчезла в одно мгновение. Я повторяю про себя: то, что мы не слышим и не знаем о проблемах, не означает их отсутствие. Судя по всему, в мире происходит куда больше критических событий, чем те, о которых нам сообщают.

Нам следует смотреть глубже и внимательнее, догадываться о чем-то самим…

В чем заключается проблема?

Чем мы можем помочь ее разрешению?

Когда мы сошли с самолета, пилот сказал, что в Конакри, столице Гвинеи, произошел мощный взрыв.

Случайность или нападение? Пока непонятно.

Многие люди на самолете сами из Конакри. Их предупреждали о возможном теракте.

Только секунду назад мы увлеченно разговаривали и были рады благополучному приземлению, но вдруг в салоне воцарилось молчание. Пассажиры начали медленно выходить из

самолета.

Я стою в очереди на паспортном контроле. Многие разговаривают по своим мобильным телефонам. Не совсем понимаю, о чем говорят, поскольку недостаточно хорошо знаю французский. Но по взволнованной интонации можно догадаться, что обсуждают что-то важное.

Наконец сделали объявления, что произошел несчастный случай — взрыв на складе военной амуниции.

Человеческих жертв, кажется, нет.

Несколько часов спустя я осталась одна. Меня тошнит. Не знаю, может быть, потому что я съела что-нибудь плохое, или потому что я расстроена.

Из отеля я сразу позвонила домой, но сработал автоответчик. Я оставила сообщение, а потом заплакала. Ничего не могу с собой поделать. Минутная слабость.

Меня очень беспокоит все, что я видела. И я подумала, что если я так напугана, то что же творится в душах всех этих храбрых женщин, которых война заставила покинуть собственные дома. Некоторые из них не видели своих мужей и детей многие годы. У меня перед глазами стоят их добрые, но такие грустные лица.

Я вспомнила того маленького мальчика с милым лицом, который получил тяжелые спинно-мозговые ранения. Он больше никогда не будет ходить. Я отдыхаю в уютном отеле, а он остался в углу на том грязном полу.

Я ни разу не плакала за то время, когда была в Сьерра-Леоне. Сегодня я, кажется, буду плакать всю ночь.

Уже завтра я увижу новые лица. Завтра я должна буду сделать еще больше. Сегодня вечером я больше не хочу продолжать свой дневник. Я не хочу больше. Я ужасно себя чувствую.

Суббота, 3 марта

Я на пути в Цюрих, в Швейцарию. Моя следующая остановка в Танзании, но я не могу полететь туда из Кот-д'Ивуар напрямую, поэтому останусь в Цюрихе еще на две ночи. Мы прошли, наверное, пять охранных пунктов. Чемоданы каждого пассажира проверялись и просвечивались около взлетно-посадочной полосы. Людей сканировали металлоискателями. Интересно, о чем так беспокоится охрана?

Воскресенье, 4 марта

В Цюрихе я остановилась в Долдер Гранд Отель на берегу озера. Здесь пахнет апельсинами и ванилью. Идет снег.

Я увидела молодого парня в лобби и подумала о грязном африканском мальчике, несшем на голове воду, вспотевшем и изо всех сил старавшемся сохранить равновесие.

Оба такие невинные, милые, маленькие мальчики в разных частях света, и они вырастут по-разному.

Кто решает, где нам родиться, в какой среде и почему? Я ужасно хочу спать. Я и не знала, что так устала.

Понедельник, 5 марта 8:40 вечера Рейс 242 из Швейцарии, авиакомпания Swissair

Я уезжаю из Цюриха и направляюсь в Дар-эс-Салам, Танзания.

Вторник, 6 марта

Еще до рассвета мы приготовились к пересадке на второй самолет, но у них нет радиопоисковой системы, поэтому мы не знали точно, во сколько отбытие.

В ожидании посадки я знакомилась с новыми людьми, когда вдруг сотрудник УВКБ ООН стремительно подбежал ко мне… «Мы должны бежать, скорее!» Человек, который взял наши билеты, сделал нам замечание за опоздание. Я извинилась. Признаться, я думала, что он не впустит нас.

Это был очень старый самолет с пропеллерами. Полет, который обычно занимает тридцать минут, занял три часа. Мы приземлились на грязной полосе, окруженной прекрасными зелеными лугами. Солнце уже зашло.

Следующим этапом была поездка продолжительностью в два с половиной часа в штаб-квартиру, расположенную около лагеря беженцев. Меня попросили пристегнуть ремни, «чтобы не бросало по салону».

Сегодня праздник. Я не знаю, в связи с чем, но любой повод отпраздновать что-то здесь кажется хорошей идеей.

Многим непонятно, почему люди, которым едва хватает еды и припасов, чтобы выжить, продают свои вещи, чтобы купить совершенно непрактичные вещи, на свадьбу или день рождения. Но, увидев их, ты понимаешь, что ради этого они и живут. Они не делают сбережений и не ждут волшебного дня, когда все вдруг станет лучше. Они живут каждый день, ради каждого дня, так, как должен жить каждый из нас.

Мы прибыли на место, еще не уверенные в том, где остановимся, и в том, найдется ли где-нибудь для нас хоть какая-то еда.

Мы пошли на рынок. Не могу отделаться от ощущения неловкости за то, что я могу купить еду, когда большинство людей вокруг не могут позволить себе такой роскоши. Рынок был очень грязен и беден. Санитарные условия оставляют желать лучшего. Безопасно ли есть эту еду? Я купила бананов и буханку хлеба, которую при мне испек мужчина.

Очень тяжело видеть людей, которые привыкли жить в такой бедноте. Человек делал сандалии из старых покрышек.

Я подняла глаза и увидела человека, чьи руки были привязаны к козе. Толпа, примерно человек сорок, включая детей, следовала за ним. Они окружали его с двух сторон. Он был окровавленным и выглядел измученным. Я увидела, что у некоторых людей в руках были палки. Они били этого человека

по спине. Толпа ликовала. Дети смеялись. Удары сыпались на него со всех сторон. Я почувствовала тошноту.

Я отыскала своего сопровождающего. «Они бьют этого человека. Зачем? Что происходит?»

Сопровождающий спросил человека из толпы. «Он украл козу, и они ведут его в полицию».

Мы решили вернуться в отель.

Мы говорили о законе. О том, что иногда полевой суд и «законы племени» могут помочь эффективно разобраться в ситуации, но, как правило, это далеко не лучший способ.

Даже мой сопровождающий никогда раньше не видел, что бы вора наказывали таким способом.

Сейчас я нахожусь в комнате полевого офицера ООН, или в резиденции, как это здесь принято называть. Полевого офицера зовут Александра. Это очень современное помещение, как раз то, что нужно, — кровать и радио.

Внутри все было опрыскано жидкостью для отпугивания комаров. Очень сильный запах, брр.

Александра посоветовала мне не чистить зубы с водой из-под крана, она может быть грязной и коричневой. Хотя принимать душ вполне безопасно.

Александра ушла с несколькими людьми. Они оставили портативную рацию. «На случай, если понадобится помощь, набери 5354». Они не шутили, но я знала, что они бы не оставили меня одну, если бы это было опасно.

По сути, если случится что-то опасное, вряд ли у меня хватит самообладания звать на помощь.

Я разыскала место, где Александра держит кухонные ножи, и взяла один для самообороны.

Но я- то знаю, что, случись что-то серьезное, я просто убегу.

Среда, 7 марта

Еще засветло меня разбудили громкие звуки грохочущих грузовиков, кричащих петухов и поющих птиц.

Голоса, казалось, раздаются прямо за моим окном. Стены очень тонкие, поэтому отчетливо слышно все, что происходит снаружи. Я не пойму, на каком языке говорят. Прислушивалась до тех пор, пока не взошло солнце. В дверь постучали, значит, пора вставать.

Некоторые сотрудники в лагерях беженцев работают семь дней в неделю, по два месяца через каждые два месяца. Многие сотрудники УВКБ ООН заканчивают работу в удаленных районах, работают без выходных и праздников, поскольку беженцы нуждаются в постоянной защите и помощи.

Специальная процедура, которая называется Реабилитационный отпуск по собственному желанию за работу с беженцами (РОБ), направлена на снятие накапливающегося стресса у иностранных сотрудников, которые долго работают с беженцами в изоляции, в отдаленных зонах. Сочетание экстремальных факторов требует периодического отдыха для снятия физического и умственного стресса. Международные сотрудники по очереди уходят на пятидневный отдых после каждых двух месяцев работы в изолированных районах.

Другая процедура, которая называется Обязательный реабилитационный отпуск (ОРО) в обязательном порядке применяется к тем сотрудникам, которые несут службу в наиболее стрессовых и опасных зонах.

Мы с Александрой разговаривали за завтраком. На завтрак был кофе с сухим молоком, как обычно, хлеб. Она была рада, что может предложить мне джем.

Александра рассказала мне о трехлетней девочке, которая была изнасилована.

УВКБ ООН усердно изучает местные законы и делает все возможное, чтобы тот мужчина был наказан. Но на то, чтобы добиться справедливости, уйдут годы. Александра права, все это порою «очень разочаровывает».

Лагерь Ньяругусу (Беженцы из Конго)

Мы ехали по очень плохой грязной дороге, размытой дождем. Огромное количество людей застряло на пути в лагерь Ньяругусу.

Пятьдесят три тысячи беженцев, все из Конго, приехали сюда за продовольствием, которое доставляется два раза в месяц.

Каждый месяц здесь рождаются 250 детей.

Сюда привозят всех потерявшихся членов рода. Семьи снова воссоединяются. Их число постоянно растет.

Но порции пищи постоянно снижаются из-за недостатка финансирования. Система распределения очень сложная.

Моя первая работа была раздатчиком номер 4, я помогала передавать большие сумки, складывать их в кучи и раздавать группам людей.

В зоны моей ответственности вошли семьи из пяти человек. Дети распределялись в порядке от одного до десяти лет.

Мы не могли раздать масло для приготовления пищи, потому что грузовик, везший его в лагерь, застрял на размытой дороге.

Я завтракала с членами организации Христианская программа развития и помощи нуждающимся [6].

На завтрак была капуста, вода, рис и бобы. Я ужасно проголодалась.

Местные беженцы, которые смастерили инструменты, хотели показать нам представление.

Пока мы ели, мы слушали музыку.

Я увидела маленького мальчика, которому на вид было около трех или четырех лет. Он забрался на дерево, чтобы лучше видеть, что происходит в толпе.

В лагере действует программа помощи молодым беженцам, которую ведет УВКБ ООН.

Я насчитала около 200 детей, но это был день раздачи пищи.

Дети, которых я встретила, были добры и гостеприимны. Они начали танцевать. Мне сказали: «Они спокойно могут протанцевать весь день». Вдруг мне помахали, чтобы я присоединилась к ним. Я так и сделала. Казалось, что дети нашли меня чрезвычайно приятной.

Потом мне объявили, что дети беженцев вместе с членами УВКБ ООН и CORD и со мной готовят спектакль о больных ВИЧ и СПИДом.

Во время пьесы осведомленные работники вручали детям презервативы и говорили им: «Вы должны использовать их, если не проходили тесты. Тестирование и презервативы доступны во всех молодежных центрах».

Трое молодых парней с полосами белой краски на волосах и с макияжем пожилых людей вышли, хромая, опираясь на деревянные палки. Все смеялись, когда актеры жаловались и вели себя, как старые больные люди.

Это было великолепно.

По сюжету пьесы отец пытается запретить своей дочери встречаться с одним молодым человеком. Но она пренебрегает запретами отца и позже обнаруживает, что раньше у этого паренька была девушка, которая оказалась больна СПИДом.

Беженцы сами разработали дизайн и изготовили майки с призывами быть более осторожными в этих вопросах. Они подарили мне одну. Дети смеялись, когда я начала натягивать ее через голову и застряла. Потом они аплодировали и обнимали меня, когда я наконец с ней справилась.

Наша следующая остановка была у строящегося здания из кирпича и глины. Я попыталась немного помочь, но поняла, что это очень тяжелая и требующая сноровки работа.

Я сказала одному из рабочих о том, как я восхищаюсь тем, что он работает здесь целый день, каждый день. Он, сказал: «Да, это нелегкая работа, но это для детей, поэтому я хорошо себя чувствую».

Я пишу это, пока стоим на грязной дороге, которая оказалась перекрыта трактором, который пытается вытащи застрявший в грязи автобус.

Все дети выстроились в линию, чтобы посмотреть. Они смеются. Похоже, вытащить автобус уже невозможно.

Люди вылезают из окон автобуса и разбредаются по джунглям. Некоторые остаются, в надежде заработать немного денег, толкая автобус.

Когда мы попытались объехать автобус, то мы сами застряли в грязи. К счастью, подъехал еще один трактор, который и вытащил нас.

На дороге нам встречались путешествующие автостопом. Наш водитель сказал: «Простите, у них может быть оружие, мы не можем взять их с собой».

В США такая реплика показалась бы необычной.

Вот мы и приехали. Я наблюдаю за беженцами. Мы разговорились. Заиграла музыка, и мы, дурачась, начали танцевать. Кажется, я завожу друзей.

Однажды кто-то сказал: «За час игры ты можешь узнать о человеке больше, чем за год разговоров».

Моя практика подтвердила это в очередной раз.

Они спросили у меня мой адрес. Мы обещали держать связь.

Самое печальное то, что беженцы знают, что в ближайшее

время не смогут покинуть свой лагерь.

Дух этих людей, их воля к жизни продолжают удивлять меня. Как жаль, что я не могу найти более подходящего слова. Скорее, они меня вдохновляют, для меня большая честь быть с ними в это время.

Я вернулась в комнату, в которой спала.

Я измотана и очень грязная.

Горячая вода здесь обеспечивается солнечной энергией, а сейчас нет солнца, поэтому душ будет холодным.

Также уже темнеет, и до 19.30 не будет света. Здесь нет электричества с 00.00 до 7.30 и с 16.00 до 19.30.

По этому поводу мы с Александрой смеялись: «Это то, что у нас гарантированно есть!»

Видимо, она права. Хоть сегодня и был такой трудный день, я чувствую себя хорошо. Общение с этими людьми в этой стране сделали мой день одним из самых счастливых дней в моей жизни.

Но я помню, что нахожусь здесь не надолго. И у меня есть выбор. Постоянно я живу очень далеко отсюда, с удобствами.

Я восхищаюсь теми людьми, которые здесь работают, у большинства из них под глазами темные круги. Они всегда думают о том, как решить проблемы, как лучше помочь.

Иногда, как сегодня, они говорят о вещах, очевидцами которых сами являлись.

Геноцид 1994 года в Руанде

Сотни тысяч беженцев шли через мост, который соединяет Руанду и Танзанию. Сама река была полна мертвых тел, около 40 000 погибших. Поначалу они пытались вытащить тела, но их было слишком много. Сейчас это огромная река мертвых.

Конечно, в 1994 году Англия и США поддерживали этих людей в их желании вернуться домой. Верили в то, что в Руанде воцарился мир.

Хотя они и знали, что возвращаются домой, многие делали это под давлением. Хотя они и верили в то, что им не причинят никакого вреда, все равно это не было добровольной репатриацией, как в Сьерра-Леоне.

Но возвращаться в Руанду было далеко не безопасно.

Миллионы людей погибли во время геноцида.

Александра помогла мне разогреть немного овощей и риса. Сегодня ночью она останется дома. Она устала, пришлось очень много ездить. Она ждет не дождется своего семидневного отпуска.

У них есть возможность поехать в Дар-эс-Салам в Танзании или в Найроби в Кении. А я-то думала, что они поедут домой или хотя бы туда, где нет лагерей беженцев. Туда, где действительно нет изоляции.

Но Александра привыкла быть рядом с офисом: у нее все еще много работы, которую нужно сделать.

А пока она будет рада сходить в магазин и купить еду. Я так испорчена. Даже во время своего визита я ела больше, чем могли позволить себе беженцы. А сейчас я жду не дождусь возвращения домой, к наполненным супермаркетам и прочей роскоши привычной жизни.

Я С трепетом жду того момента, когда снова буду со своей семьей, чтобы знать, что они в безопасности и что у них есть все, в чем они нуждаются.

Я не могу себе представить, что чувствует отец или мать, муж или жена, когда те люди, которых они любят больше всех на свете, страдают, а они ничего не могут сделать…

Когда мать не может накормить ребенка… Когда отец не может обеспечить свою семью… Когда муж не может защитить свою жену…

Сегодняшний день Александра провела, делая свидетельства о рождении для более 400 детей, которые родились в лагере. Она работает совместно с Красным Крестом. Сейчас всего восемь часов, но я собираюсь скоро лечь спать.

Не только потому, что я устала, а еще и потому, что мне сейчас просто нечего делать. Я уже прочитала все, что привезла с собой. Я заметила, что книги Александры все на голландском, так что, увы, я не смогу их читать.

Прошло два часа с того момента, как я поставила точку в конце последнего абзаца. Решено — буду спать.

Все это время мы разговаривали с Александрой. Мы говорили обо всем, в том числе об опасных ситуациях, с которыми она сталкивалась в работе.

Лежу в кровати в одежде и обуви на случай, если придется бежать. Друга Александры, тоже сотрудника УВКБ ООН, убили, — жестоко забили. Мы говорили о том, что сейчас для беженцев не хватает мыла.

Впредь норма будет урезана на 20%. Всемирная продовольственная программа (другая организация ООН, ответственная за снабжение бедственных территорий едой) тоже испытывает финансовые трудности.

В этом никто не виноват, но это огорчает, и сложно объяснить людям, которые сейчас получают то, что с натяжкой можно назвать минимальной нормой: базовый набор питательных компонентов в объеме, равном количеству калорий для того, чтобы оставаться живыми. Скоро они будут получать только 80 процентов от того, что есть у них сейчас.

Мы говорили и о женщинах, у которых нет гигиенических прокладок. Александра мне сказала, что в тюрьмах с этим еще хуже. Там женщины заперты в клетках, как животные, и не могут даже помыться.

Четверг, 8 марта

Проснулась от дождя; холодный, мокрый день.

Дороги, доставка пищи, что будет с лагерями во время дождя?

Планировалось, что в субботу меня заберет частный самолет студии, поскольку я должна вернуться домой на премьеру фильма и пресс-конференцию. Но только что мне сообщили, что никакой самолет не прилетит, потому что премьеру отменили.

Отлично. Голливуд в своем репертуаре.

На этом самолете я должна была попасть домой.

У меня остались минимальные запасы чистой одежды, немного наличных денег и лекарств.

При этом у меня нет ни малейшего представления о том, как вернуться назад в Лос-Анджелес.

Здесь летают только местные малые самолеты, один раз за несколько дней, к тому же они делают много долгих остановок в пути. Даже при полетах на близкие расстояния плановые посадки на час могут превратиться в целый день ожидания. Коллеги пытались найти мне место на завтрашнем рейсе, но самолет переполнен. Я должна лететь в Цюрих и Амстердам, а оттуда уже в Лос-Анджелес.

Офис УВКБ ООН в Дар-эс-Саламе попытается помочь мне с билетами, но я уверена, что у них есть более важные дела.

Да, премьера была единственная надежда, и она не реализовалась. «Добирайся домой как знаешь, крошка».

Лагерь Мтабила

Здесь около 95 000 беженцев, большинство бурундианцы.

УВКБ ООН привез меня в центр медицины и питания, организованный в лагере Красным Крестом.

Мое первое задание на сегодня заключается в расфасовке медицинского порошка в терапевтическом центре.

До пяти лет — дополнительное питание.

Беременным — спланированное.

Я старалась делать работу аккуратно, чтобы не насыпать меньше полной ложки.

Они должны осматривать детей, чтобы удостовериться, что они нормально растут и не теряют вес. Новорожденных взвешивают, измеряют рост и делают прививки. Один малыш испугался и написал на стол, на котором его осматривали. Мать вытерла стол своей одеждой. Мыла нет. Быть живым и при этом соблюдать гигиену очень трудно здесь для каждого.

Кухня представляет собой очень маленькую комнату с тремя огромными глиняными горшками, стоящими на дровяной печке.

Смотреть трудно, дым от печек разъедает глаза.

Я помогала приготовить молоко для матерей. Его доставляют в сухом виде в больших мешках. С помощью маленького кувшина я набрала два литра кипящей горячей воды (отмерила настолько точно, на сколько смогла) и вылила ее в старое, потрепанное ведро из зеленого пластика. Очень сложно сделать так, чтобы горячая вода не обожгла руки.

Жду, пока остынет. Горячая вода разрушит протеины, содержащиеся в молоке, поэтому разводить порошок нужно только в теплой или холодной воде.

Детское отделение

Вдоль каждой стены расставлены в ряд по пятнадцать маленьких деревянных кроватей. Над каждой кроватью висит полог от комаров, чьи укусы могут привести к малярии. Большинство пологов дырявые. Малярия очень распространенная здесь болезнь, которую практически невозможно избежать. Другая большая проблема — диарея. Для новорожденных и маленьких детей обезвоживание смертельно опасно.

Я все время брызгаю на себя спрей, но комары все равно кусают, и не только по ночам. К счастью, у меня сохранилось несколько таблеток от малярии. Пилюли не спасают от малярии, но помогают предотвратить тяжелые последствия болезни, если она наступит.

Младший брат восьмилетней девочки приютился у нее на коленях. Они сидели на последней кровати. Мальчик был укутан. Он потерял 200 грамм. У него диарея и, возможно, глисты.

Эта маленькая девочка видела, как ее родителей и старшего брата жестоко убили. Каким-то образом ей удалось сбежать со своим младшим братом. Малыш ужасно худой. Я не думаю, что он выживет. Но он — это все, что ее волнует. Он — это ее единственная семья.

Каждого трогает вид этих детей. Одна из медсестер тихо вышла из комнаты и начала плакать. Один из мужчин проводил ее на улицу.

Маленькая девочка ни разу не посмотрела никому в глаза. Она выглядела очень милой. Она просто сидела и смотрела в окно, прижавшись щекой к голове своего брата.

Она была слишком истощена, чтобы плакать.

Офис защиты

Я познакомилась с группой из восьми мальчиков от 13 до 16 лет.

Один из мальчиков, Мисаго, говорил о нападении мятежников 12 февраля 2001 года. Многие были убиты и серьезно ранены. На них напали посреди ночи. Утром он увидел все мертвые тела.

Мисаго шел со своим другом целую неделю. Их подхватил военный грузовик.

Солдаты спросили их: «Где ваши родители?»

«Убиты».

Он говорит очень тихо. Он слышал о лагере по радио. Отец Мисаго был убит в июне 2000 года, его мать была убита шестью месяцами позже. Они жили все вместе в военном лагере, на который напали. Мисаго пересек границу и приехал сюда. Теперь он беженец.

Он прошел консультацию на регистрации в этом лагере, хотя завтра его переведут другой лагерь.

Я очень рада, что здесь ему помогут. Все его любят, в этом офисе он может быть личностью, а не просто статистической единицей. Здесь он может получить ту помощь. В которой нуждается.

Накопительные лагеря создаются правительством чтобы объединять людей в группы. Ты должен оставаться внутри лагеря, чтобы тебя по ошибке не приняли мятежника. Кажется, что они все заперты в клетке, застряли прямо в центре этой войны. Мисаго пытается найти своего брата.

Сотрудники УВКБ ООН начали обсуждать его ситуацию. В результате было принято решение, что его вместе с друзьями переведут в другой лагерь, где они смогут начать строить свой собственный дом.

Мальчики недавно покушали, так как один из сотрудников УВКБ ООН по имени Винс дал им денег на продукты из своего собственного кошелька. Пока они не могут получать пайки, так как еще не зарегистрированы. По этой же причине мальчики спали на полу в офисе.

Вошел другой мальчик. Ему было около четырнадцати или шестнадцати лет. Он путешествовал один, но, пересекая границу, встретил еще одного мальчика.

Он внимательно смотрел на меня, возможно, потому, что я была новая тут, а возможно, потому, что я изо всех сил пыталась не заплакать. Мои глаза были мокрыми. Я не знаю, сколько

историй я могу еще услышать.

«Отец?»

«Умер».

Он жил со своей бабушкой. Она была слишком стара, чтобы бежать, когда на них напали.

Оба этих мальчика были одеты в лохмотья. Их грязная одежда была в дырах, настолько больших, что спадала.

Он выглядел так, будто мог заплакать в любую минуту. Его спросили: «Что ты хочешь от УВКБ ООН?»

Он ответил: «Помогите мне найти мою бабушку».

Я ожидала от него, что он попросит еду или убежище, Что-то необходимое для него, но он хотел только ее безопасности. Он хотел увидеть свою бабушку.

Когда последний мальчик вышел, зашел еще один. Он держал руки по швам, смотрел в пол. На вид ему было около четырнадцати.

Служащие УВКБ ООН решили поговорить с главой офиса защиты, чтобы оставить всех ребят в этом лагере.

Трое мальчиков думают, что знают, в каких других лагерях беженцев смогут найти своих родных. Они должны оставаться здесь, чтобы не упустить этот шанс. Не исключено, что их родных не переместили.

Эти восемь ребят еще дети, и они должны быть помещены во временный приют. Им не надо ехать в новый лагерь, где им придется снова регистрироваться.

Служащие решили больше не беседовать с остальными ребятами. Третьему мальчику, который только что зашел, сказали, что необходимости в собеседовании нет.

Что- то было в том, как он медленно вышел из комнаты и опустил голову. Это меня очень сильно расстроило. Это было больше, чем вежливость. Он был такой покорный.

У меня было чувство, что недавно с ним жестоко обращались — мальчик был настолько подавлен, его лицо было такое грустное.

Я молюсь за то, чтобы с этими мальчиками все было в порядке. Это страшно осознавать, что их всего лишь восемь из двадцати миллионов. Какие у них шансы?

Сегодня в основном решались вопросы регистрации, в том числе мониторинг ранее принятых решений.

Хорошо осознавать то, что есть этот офис, куда люди могут пойти и где их могут услышать.

Здесь так много беженцев! Вы можете себе представить, как много вещей остаются без внимания?

УВКБ ООН работает здесь для того, чтобы защищать

человеческие права беженцев — их основные человеческие права.

Восстановление

Беженцы проходят собеседование, чтобы подать запрос на получение гражданства в другой стране. Им нужны безопасные условия жизни, чтобы начать жизнь заново. Большинство будут жить в лагерях, в надежде, что когда-нибудь настанет мир, и они смогут вернуться на свою родину.

Сейчас они чувствуют себя в ловушке, где им не позволяют быть гражданами той страны, в которой они живут.

В комнату вошла девятнадцатилетняя девушка. Ее рассказ был слишком сложным, чтобы пересказать. Во время своего рассказа она постоянно вытирала слезы. Она хочет найти свою семью. Сначала они жили вместе в лагере беженцев, но в процессе перемещений она потеряла контакт. Она думает, что ее семья переселилась в Канаду.

Вошел человек, который хотел найти свою жену и детей. Он был отделен от них в одном из лагерей, а затем их отправили в Канаду. Он знает, где они находятся сейчас, но его статус не позволяет ему присоединиться к ним.

Он достал потрепанные фотографии своей жены, которые та послала ему. Они выглядели счастливыми в своем новом доме. Он умолял, чтобы ему помогли воссоединиться с ними, и пояснял:

«Моя жена». «Мой сын».

«Моя дочь».

«Мой малыш».

Я понимаю, что если вся бюрократическая бумажная работа и обработка данных не будет выполнена верно, то этот человек не сможет вернуться к своей семье.

Пока мы ехали до нашей следующей остановки, я увидела молодых ребят, сидевших в придорожной пыли. Они сидели тихо, неподвижно. Просто смотрели на дорогу.

Я не знаю, что делать. Как-то я должна что-то сделать, чтобы помочь этим людям. Если бы вы могли встретить их, вы бы тоже захотели им помочь.

Ланч в «Гостинице Шератон»

Мы завтракали с Александрой и с несколькими другими полевыми сотрудниками. Мне кажется, что это их шутка «Гостиница Касулу Шератон». Это маленькая хижина с грязными полами. Мы ели рис и бобы… опять.

Мне нравятся эти сотрудники. Они говорят о сумасшедших ситуациях, но при этом то и дело смеются. Я думаю, что если бы они не смеялись, то попросту сошли бы с ума.

Правда в том, что многие ситуации, в которых они оказываются, по-настоящему опасны.

Это отнюдь не простая и комфортная жизнь. Но они приняли решение беспокоиться о беженцах и не хотят его менять.

В разговоре они упомянули «церковь» И «мост», но тут же добавили: «Лучше не говорить об этом». Они сказали, что все эти картины все еще стоят перед их глазами. «Иногда ты просто начинаешь плакать».

Сидя здесь с этими людьми и Александрой, я подумала о том, как я счастлива, что познакомилась с ними, просто узнала об их существовании. Я хотела найти хороших людей, работающих в хорошей организации, чтобы я могла там, начать учиться помогать. Лучшей группы я бы не нашла.

Позже я выяснила, что это за воспоминания о «церкви». Я не расспрашивала за обедом, потому что я видела, что они не хотят об этом вспоминать. Теперь я понимаю. Я спросила Александру, когда мы приехали домой.

Она обхватила руками голову, а затем посмотрела на меня. Ее не было здесь в то время, когда случился геноцид в церкви, но история не давала ей покоя.

Во время кризиса тысячи людей (столько, сколько могло поместиться внутри) прятались от мятежников в церкви, думая, что это будет единственно безопасное место — храм Божий.

Мятежники бросили внутрь гранаты. Затем они прошли по мертвым телам, протыкая их штыками, чтобы удостовериться, что все мертвы.

Член УВКБ ООН, которого я встретила сегодня днем, был одним из первых, кто их обнаружил. Одну женщину нашли живой. Мертвые тела упали на нее, защитив ее от смерти.

Когда сотрудники вошли туда, они нашли ее в шоке, ползающей среди тел в поисках кого-то. Она искала своего мужа и шестерых детей. Но больше никто не выжил. Если я была на ее месте, я бы хотела умереть. Как можно пережить такое?

Мы встретились с группой бурундийских барабанщиков. Трое

мужчин и пятеро детей. Мужчины начинают обучать следующее поколение. Они не хотят потерять свою культуру.

Звук стал громче, когда мы приблизились к ним, самый восхитительный звук — быстрый, сильный, страстный.

Мужчины и мальчики менялись местами, ударяя в барабаны и танцуя. Мне сказали, о чем они говорили. Они желали мне счастья!

Эти беженцы проходят через столько испытаний, но желают мне счастья! Они улыбаются, танцуют и желают мне счастливой жизни.

Моя жизнь настолько легче, чем их. Очень странное ощущение получать это благословение, но я принимаю его и я глубоко благодарна небесам.

Сегодня я выяснила, что будет самолет и что завтра я лечу домой.

Пятница, 9 марта

Я в машине. Мы практически готовы уехать и сесть в самолет до Дар-эс-Салама. Мне очень повезло.

Я встала в 6.20 утра. Электричества не было. Собираю вещи с фонариком. Я научилась быстро передвигаться, в темноте. Сегодня я уезжаю.

Утром очень холодно, и я думаю о том, каково сейчас беженцам в их маленьких глиняных домах, которые он сами построили.

В них нет электричества. Их обитатели не знают, сколько еды получат. Ночи могут быть такими холодными. Они должны топить дома каждый день.

Вся одежда на детях рваная. Некоторые носят всего лишь лоскутки красной ткани. Когда финансирование сократили и убрали из числа предметов первой необходимости гигиенические прокладки, женщинам раздавали куски красной ткани, чтобы они могли использовать ее во время менструального цикла. Но мне объяснили, что женщины не использовали ткань в этих целях. Они предпочли, чтобы их детям было хоть немного теплее.

Холодно и туманно. Маленький самолет, на который мы должны были сесть, три раза заходил на посадку. Мы сидим в траве на наших чемоданах и наблюдаем за тем, как, наконец, самолет приземлился в грязь.

Я очень голодна. Я перехватила остатки хлеба, когда мы выбегали из дома. Ни кофе сегодня утром, ни электричества.

Мы взлетели и прибыли как раз вовремя, чтобы успеть пересесть на второй самолет.

Я очень устала и сильно проголодалась, но, по крайней мере, теперь я знаю, когда я буду есть. Очень скоро я приму горячий душ и поем.

Я надеюсь, что никогда не забуду то, что узнала. Надеюсь, что я всегда буду ценить все, что мне даровано.

У меня и понятия не было о том, через что проходят люди в разных частях мира. Это намного хуже, чем я себе представляла, и я знаю, что только начала видеть что-то, я только начала что-то понимать.

Я провела в Дар-эс-Саламе несколько часов в ожидании рейса в Лос-Анджелес с пересадкой в Лондоне.

В голове не было никаких мыслей или чувств, кроме «продолжай двигаться».

Сейчас я лечу в Лондон на самолете Бритиш Эйруэйз. Кажется, я самый грязный человек в самолете. «Хотите газету? У

нас есть журналы. Предпочитаете Vogue или Vanity Fair?»

«Нет, спасибо».

Я говорю «да», когда мне предлагают какую-либо еду — кешью, соленые крендельки, колу с лимоном. Обычно я так не ем. Я чувствую себя как ребенок.

Только что мне дали спальные носки, с ободком вокруг, повязку на глаза, дорожный набор и костюм для сна.

Внезапно мысль о том, что надо снять свою грязную куртку, огорчила меня. Она так долго была моим одеялом. Я даже не хочу чистить ее.

Эти три недели были для меня новым миром, особенным временем. Я изменилась. Мне нравится то, кем я начинаю становиться.

Почему-то, снимая эту куртку, я почувствовала, что отдаляю себя от этих людей, мест…

Мальчик на грязном полу передвигает свои ноги руками. Восьмилетняя девочка со своим младшим братом на руках.

Человек в лагере для ампутированных, который посмотрел мне в глаза и рассказал свою историю.

Изображения, как показ слайдов, вспышки их лиц, их босых ног. Я не знаю, что чувствую. Я никогда не чувствовала так много всего. Сейчас я должна спать.

Одновременно легко и тяжело чувствовать себя виноватой, уезжая.

С этого момента, где бы я ни была, я всегда буду помнить, где находятся они.

Миссия в Камбоджу

С 16 по 27 июля 2001 года я от лица УВКБ ООН совершила поездку в Камбоджу.

Понедельник, 16 июля

И вот я снова на пути в Камбоджу, лечу через Женеву. Около часа назад я выехала из дома.

Внезапно до меня дошло, сколь безопасно я чувствовала себя дома. Теперь я знаю, что мне предстоит увидеть очень много нового, такого, о чем я и не подозреваю.

Стыдно признать, с какой готовностью и легкостью я вернулась к своей прежней жизни после поездки в Африку. Я продолжала общаться с людьми, с которыми познакомилась, пыталась помочь им на расстоянии. Но звонить, писать письма и посылать средства легко и удобно, сидя в тепле и уюте своего дома.

Может быть, думала я, мне необходимо осознать всю степень своей вины за то, что могу приезжать и уезжать когда захочу, в любое место планеты, в том числе те, где люди не имеют такой возможности. Не знаю. Одно я знаю точно. Я ценю каждую вещь, каждое мгновение своей Жизни теперь больше. Я благодарна небесам за мою жизнь.

Я признательна всем людям, с которыми меня свела судьба. Я хотела помочь им, но с каждым днем я все больше и больше понимаю, что это они помогли мне.

Я пишу при свете утреннего, только еще поднимающегося солнца. Мое окно единственное, на котором открыта занавеска, да и то только чуть-чуть. В самолете все спят.

А мне не спится. До Цюриха осталось лететь еще более 5 часов, потом еще несколько часов до Женевы.

Там я встречусь с верховным комиссаром ООН по делам беженцев. Это большая честь для меня — увидеться с человеком, который посвятил всю свою жизнь делу помощи другим. Это тот, кто помогает миллионам людей во всем, мире, кто является родителем для ребенка, заботливым учителем своего класса или просто хорошим другом — все, это одинаково важно в этой жизни. Когда говорят: «Каждый человек может изменить жизнь к лучшему», — я верю, что это так.

У меня есть много вопросов, которые я хочу задать верховному комиссару.

Как так получается, что в сегодняшнем мире со всей нашей осведомленностью, со всеми нашими возможностями и ресурсами, более 800 миллионов людей каждую ночь ложатся спать голодными?

Как долго люди из Руанды были беженцами? Сотни тысяч людей были выгнаны из своих домов и не получили должной

заботы и приюта.

Я не буду просить у него ответов. Я знаю, что УВКБ ООН имеет ограниченные ресурсы. Я знаю, что все это его огорчает, но, возможно, он поможет мне понять, как мятежники из Сьерра-Леоне могут так жестоко убивать, отрезать конечности тысячам людей и выгонять десятки тысяч из своих домов?

Почему нельзя отстранить их от власти? Кажется, какие-то шаги предпринимаются, но весь процесс выглядит так, что он затянется на многие годы, оставляя массы беженцев в их сегодняшнем положении.

Многие беженцы — жертвы войн, политического, религиозного и других форм насилия. В хаосе бегства и поиска убежища в других странах многие беженцы потеряли практически все права и материальные ценности, что является краеугольным камнем любого цивилизованного общества: дома, личные вещи, образование и медицинскую помощь, членов семьи и друзей, а порою и собственную индивидуальность.

Лагеря есть лагеря. Они предоставляют минимум, необходимый для выживания тех, кто в противном случае был бы обречен.

Стены лагерей, которые защищают беженцев, одновременно держат их взаперти. Взятая взаймы земля, на которой они находятся, окружена местными жителями, которые зачастую относятся к ним как к обузе, незваным гостям. В некоторых случаях с ними опять поступают жестоко, и они вынуждены снова переезжать. Иногда они вынуждены возвращаться в свои собственные страны прежде времени и под принуждением.

Женева, вторник, 17 июля

За моим окном чистое, голубое небо. Как только я вошла в отель, я получила факс. Он от Луонг Юнг. После того как я высказала свои симпатии относительно Камбоджи, а также опасения о минных полях, я получила письмо от Луонг, а также ее книгу «Сначала они убили моего отца». Прочитав ее, я разнервничалась. Она стала моим героем. Я связалась с Американским фондом ветеранов Вьетнама, где она является представителем Программы по борьбе с использованием противопехотных мин. Факс был о возможности посетить реабилитационную клинику Хьена Хлинга. Завтра она будет лететь на том же самолете, что и я, из Бангкока в Пномпень, столицу Камбоджи.

Она пишет: «Это так волнующе — встретиться первый раз около ворот в Таиланд».

Она рассказала мне о Баттамбанге. Это родная провинция ее бабушки и матери, так же как и место, где родились многие ее дяди, тети и кузены. Последний раз она была там, когда ей было три года.

Она также пишет о своем желании присоединиться ко мне во время моего визита в Организацию по жизнеобеспечению в зонах бедствий [7].

Трест HALO не политический, не религиозный, он не управляется и не спонсируется правительством, это просто организация, которая устраняет последствия войны.

За последние восемь лет сорок три сотрудника HALO были убиты или искалечены, но организация спасла тысячи жизней. Они занимаются только обезвреживанием мин, а не политической кампанией против их производства и использования.

Только что перевалило за 7 вечера. Последние пару часов я провела в центрах УВКБ ООН.

Я продолжаю поражаться преданности этих людей своей работе.

Меня провели в подвальное помещение. Это место, где все собираются во время чрезвычайных ситуаций, когда необходим мозговой штурм для разработки оперативного решения неожиданной проблемы. Часто у них есть всего несколько часов для того, чтобы предотвратить беду.

***

А вот и Ельба! Первый раз мы встретились с ней пять месяцев назад в Сьерра-Леоне. Тогда она показывала мне фотографии своей семьи и говорила о том, как ей хотелось бы проводить с ними больше времени.

Я помню, как она говорила мне об одном Рождестве, когда внезапно, в течение семидесяти двух часов, она должна была передислоцироваться в Африку, чтобы принять участие в составлении плана структуры и программы помощи по выходу из чрезвычайной ситуации, грозившей гуманитарным бедствием.

Сейчас она в Женеве, готовится к своей следующей поездке. Я думаю, что пока будут существовать чрезвычайные ситуации и она будет чувствовать, что может помочь, она не сможет надолго оставаться дома.

Приятно осознавать, что так можно сказать обо всех присутствующих.

Они добровольно едут в любую часть мира, чтобы помочь попавшим в беду. Они подвергают себя риску быть избитыми, похищенными или убитыми. Это произошло со многими.

Они проявляют такую же доброту ко мне, как и друг к другу, — терпимую и сострадательную. Все они были свидетелями тяжелых страданий в этом мире. Они знают тяжесть утрат и смерти, они также знают ценность дружбы и надежды. Они полагаются друг на друга в часы самых трудных испытаний.

Я встретила Кофи Аннана и с удивлением узнала, что он начинал в УВКБ ООН. Он был очень добр ко мне.

Сегодня он произносил речь в офисе. Жаль, что я пропустила ее. Все говорили о том, какое сильное впечатление она произвела на них. Все говорили о его искренности и о том, как четко и ясно он отвечал на их вопросы.

Кто- то попросил его рассказать о трудностях, которые организация испытывает сейчас. Он ответил, что сейчас финансирование сокращено на 20 процентов, хотя и до этого они получали всего лишь 2 процента от общего объема расходов ООН. А в последние годы они были вынуждены распространить программы помощи не только на беженцев, но также и внутри перемещенных лиц (Internally displaced persons (IDP) — лица, принудительно перемещаемые в пределах одного государства. От редактора перемещения внутри страны, которые затрагивают сейчас приблизительно 25 млн. человек во всем мире, все шире признаются как одно из наиболее трагических явлений современности. Такие перемещения, являющиеся зачастую следствием тяжелых переживаний, связанных с конфликтами, сопровождающимися актами насилия, грубыми нарушениями прав человека и дискриминацией, практически всегда обрекают

затрагиваемые группы населения на серьезные лишения и страдания. Они разрушают семьи, разрывают социальные и культурные связи, прерывают стабильные трудовые отношения, закрывают доступ к образованию и таким жизненно необходимым средствам, как продовольствие, жилье и медицинское обслуживание, а также подвергают ни в чем не повинных людей насилию. Независимо от того, проживают ли они в переполненных лагерях, скрываются в сельской местности от возможных преследований и насилия или вливаются в столь же бедные обездоленные общины, перемещенные внутри страны лица относятся к наиболее уязвимым категориям населения, которым крайне необходима защита и помощь.).

Он не обещал им, что ситуация улучшится. Он был признателен за их борьбу и сказал: «УВКБ ООН испытывало трудности раньше и, скорее всего, столкнется с ними опять, но, несмотря на это, мы всегда хорошо справлялись».

Я ужинала с верховным комиссаром Руудом Любберсом, его исполнительным ассистентом Шоко Шимозавой, его chef de cabinet Якубом Али Эль-Хилло, и с главой отдела частного бизнеса и взаимоотношений с общественностью Пьер-Бернардом ле Басом.

Вначале все это казалось странным, потому что я ожидала встретить кого-то, кто будет казаться очень серьезным. К моему приятному удивлению верховный комиссар был очень веселым и человечным. Он рассказывал нам истории о политической деятельности и личные истории из жизни своей семьи.

Меня поразило больше всего, с каким искренним и живым интересом он относился к каждому сидящему за столом. Он никогда не осуждал и искренне ценил все наши различия и мнения.

Я поняла много вещей — слишком много, чтобы описать все сразу, Самым интересным было то, какие разные люди были приглашены на ужин. Он сказал мне, что сделал это специально.

Я американка. Иногда я горжусь этим, иногда я стыжусь этого. Наверное, каждый думающий думает так о своей стране. Никто за столом не претендовал на знание истины. Никто не притворялся, что знает ответы. Некоторые из нас были более оптимистичны, чем остальные, но все с уважением и интересом выслушивали собеседников, и каждый учился. Это является сущностью ООН, это являлось ответом на многие вопросы.

Сегодня мы говорили об усилении эгоизма в людских сердцах. Кажется, что народы и правительства становятся более замкнутыми. Мы должны рассуждать на международном уровне. Глобально.

Я не совсем уверена, какой сегодня день.

Сегодня утром я вылетела из Женевы в Цюрих. Из Цюриха я летела около девяти часов, и скоро мы приземлимся в Бангкоке, где сейчас 6:05 утра. Там я встречусь с сотрудниками ООН и, надеюсь, с Луонг. Два часа в Бангкоке, затем в Пномпень, а оттуда в Сьем Рип.

Как только я сошла с самолета, я встретила двух полевых сотрудников УВКБ ООН, Джаханшаха и Мари-Ноэль. Они сказали, что сегодня четверг, 19 июля, и даты первых записей в этом журнале могут сбить с толку. Но я делала заметки по времени Лос-Анджелеса. В Камбодже разница во времени с Лос-Анджелесом составляет четырнадцать часов.

Я также встретила Равута, который раньше был камбоджийским беженцем, а сейчас работает с УВКБ ООН.

Мы проговорили два часа, а затем вошел незнакомый человек и дал мне записку. Луонг Юнг здесь.

Я вышла из комнаты в главный холл. Всего через мгновение наши глаза встретились. Мы улыбались, когда шли навстречу друг другу, и мы обнялись так, будто давно были знакомы.

Все в Камбодже хотят мира. Они прошли через многие страдания. Люди этой страны — удивительный пример того, к чему необходимо стремиться. Все говорят о потрясающем мужестве беженцев. Все сотрудники УВКБ ООН глубоко уважают их и очень гордятся тем, что работают с ними.

Джаханшах, Мари-Ноэль и я завтракали в комнате Кэти. Она также работает с УВКБ ООН и разговаривает на кхмерском языке. Это красивый язык. Только услышав его, я уже хочу его выучить.

Позже сегодня мы снова встретились с Луонг, чтобы лететь в офис HALO уже на другом самолете. Она сказала, что она такая «счастливая». Я не могла поверить, что слышу эти слова от женщины, у которой была чрезвычайно трудная, если не ужасающая, жизнь.

Мы приехали в отделение HALO в Сьем Рип и теперь едем к месту назначения уже в течение трех с половиной часов. У меня такое чувство, что я еду уже неделю.

Я вытащила рюкзак с кассетами, который друзья упаковали для меня. Кэти взяла Битлз 1967—1970. Равут сказал, что ему нравится Сантана. Мы улыбнулись друг другу. У нас много общего.

В фургоне они начали разговаривать об удивительных музыкантах, которые у них когда-то были в Камбодже. Об одном они сказали: «Он был, как ваш Элвис, но Пол Пот убил его».

Мы проезжаем мимо маленьких хижин, откуда выбегали цыплята. Прекрасным днем, таким, как сегодня, ты улыбаешься,

когда видишь, как играют маленькие дети.

Мы проехали мимо людей, несших воду. Они несут на плечах длинные деревянные коромысла, на обоих концах которого висят наполненные ведра.

Это место выглядит в точности, как рай, который задумал Бог — Бог, Аллах, Будда, Святой Дух.

Потом тебе открывается вся правда о том, как они живут в этих маленьких хижинах. Это все, что у них есть, и правда в том, что эти красивые джунгли, которые нас окружают, напичканы минами.

Дорога, по которой мы ехали, вела в Анг Лонг Венг. Два года назад здесь жил и умер Пол Пот, здесь его могила. Только в мае 1998 года люди вернулись сюда, в свои дома.

Штаб-квартира HALO

Выглядит, как армейские казармы.

Мэттью, глава офиса Анг Лонг Венг, приветствует нас. Он говорит нам, где находятся наши комнаты. Нас четыре женщины. У них есть четыре маленькие комнаты. Равут, Мао и остальные двенадцать мужчин спят в главной комнате на расставленных раскладушках. Это лучшее, что у них есть, и лучше, чем я ожидала. Как обычно, гуманитарные работники живут в условиях, не отличающихся от условий жизни местных жителей. Тем не менее, в отличие от местных людей, у нас тут есть туалет и душ.

На ужин у нас были рис и мясо. Во время ужина свет погас. Коллеги объяснили нам, что делят электричество с больницей и что, возможно, там сейчас делают операцию. Мы все молчали и сидели неподвижно в темноте какое-то время, пока кто-то не включил фонарь. Я услышала грозу в небе. Я также слышала гром по пути сюда. Странно, а я всегда думала, что грома не бывает без дождя.

Я первая ушла в свою комнату. Я измотана.

Сейчас я лежу в кровати и пишу все это под сеткой от комаров в комнате номер 2.

Я обнаружила, что мобильные телефоны здесь не работают. Я хотела позвонить домой или хотя бы отправить сообщение, что я приехала на место и что со мной все в порядке.

Служащий HALO сказал мне, что завтра я могу воспользоваться спутниковым телефоном, если это срочно. Надеюсь, я смогу найти другой способ. Я не хочу просить о специальных услугах для себя.

Комната, находящаяся под комнатами для гостей, выглядит как помещение для встреч. По дороге в свою комнату я не могла не заметить все эти ящики из-под мин.

Когда ты видишь их перед своими глазами, первая мысль, которая приходит в голову, это то, что они никак не могли быть изготовлены местными солдатами, хотя эти ребята тоже много импровизировали. Это оружие и взрывчатые вещества были сделаны на государственных заводах, работающих на правительства, в том числе на правительство моей страны.

Пятница, 20 июля

Я пишу в луче света, пробивающегося сквозь щели между досками в стене. Я не знаю, сколько сейчас времени. Я проснулась примерно час назад. У меня до безумия болят ступни. Каким-то образом они были покусаны через сетку несколько раз. Не хотелось бы сейчас надевать ботинки.

Я слышу звуки мотоциклов, грузовиков, свист и звон посуды. Спустя какое-то время начинают кричать петухи.

Вода в душе не холодная и не горячая. Просто бак над тобой, откуда льется вода.

На завтрак у меня был растворимый кофе и рыбный Сэндвич.

HALO

Задачи HALO — вернуть разминированные участки земли обратно местным сообществам для возделывания. HALO — это неправительственная организация Великобритании, центр которой расположен в Лондоне. Они проводят операции по обезвреживанию мин и ликвидируют невзорвавшиеся боезапасы по всему миру. Это организация не политическая, не религиозная. Они нейтральны. У них работает много местных сотрудников. В Камбодже их 900 человек.

Пятьдесят процентов подорвавшихся на минах погибают: некоторые в момент взрыва, некоторые потом от потери крови. Те, кто выживает, практически все серьезно покалечены.

Мы едем в лэндроверах HALO в Тоул Прасат, где они расчистили большую территорию. Сейчас там располагается школа и два колодца с питьевой водой.

Мы сидим на скамейках под голубым брезентом. Посередине лежит карта. Трое камбоджийцев-сотрудников HALO объясняют карту: надо очистить 56 593 квадратных метра от мин; 49 268 квадратных метров уже расчищены.

Зеленые точки на карте показывают обезвреженную территорию. Белые — еще не расчищенная территория. Красные точки — это знаки семидесяти двух найденных мин плюс сорока бомб.

Изображения черепа и двух скрещенных костей обозначают места взрывов. Сейчас на карте их три.

Они указывают на один из них: «Здесь человек потерял ногу». Потом на другой: «Здесь человек потерял глаз и руку».

Голубые кружочки обозначают колодцы.

Один мужчина говорил с нами о безопасности. Перед ним стояли оранжевые пластиковые носилки.

Нам показали четыре шеста.

Красные шесты используются для того, чтобы обозначать то место, где нашли мины. Примерно в десяти футах от нас было четыре красных шеста. Красные с белым шесты используются для указания границ. Голубые обозначают — обезврежено.

Белые — непроверенно. Затем он показывает нам некоторые главные виды защитного обмундирования.

Также он отдал серьезное распоряжение: «Если, находясь на минном поле, вы услышите взрывы, не двигайтесь».

Это поле — одно из сорока семи, которые в данный момент расчищают сотрудники HALO в Камбодже.

Мы остановились около школы, напротив бывшего минного

поля.

Школа предназначена только для первого и второго класса. Детям здесь от шести до четырнадцати лет. На 240 учеников всего лишь четыре учительницы.

Учителям здесь не платят. Если бы им платили, то в месяц их жалование составило бы около 15 долларов.

Когда эта школа строилась правительством, район не был проверен на наличие мин. Когда же сотрудники HALO проверили дорогу, по которой дети каждый день ходили в школу, они нашли на обочине пять мин в боевом состоянии.

Я оглянулась вокруг. Я вижу так много лиц. Таких прекрасных. Так много детей.

До прихода HALO все они все жили в этих минных районах.

Сегодня обнаружили две противопехотные мины. Мне разрешили взорвать одну из них с помощью тротила. Должна сказать, что это было восхитительное чувство — разрушить что-то хищное, что может причинить боль или даже убить.

После взрыва Луонг объяснила мне, почему многие беженцы, и она в том числе, во время визита в США были напуганы салютом в честь Дня независимости 4 июля.

На завтрак у нас был белый рис, мясо и овощи. Затем мы собрали вещи на ночь.

Луонг, Мэтью и я отравимся на мотоциклах в маленькую деревушку, где и переночуем.

Самый лучший способ узнать людей и землю, на которой они живут, — это провести время с местными жителями и попытаться понять, как они видят судьбу разминированных территорий.

Сначала мы пойдем в переселенный район, который расчистили сотрудники HALO. УВКБ ООН помогало восстановлению района.

Мы остановились на обочине дороги, где примерно восемь детей и две женщины набирали воду в колодце, который УВКБ ООН построило в 2000 году.

Самое удивительное — это то, что после двух лет усиленной работы неправительственных организаций, таких, как HALO, ООН, и помощи отдельных государств, наравне с тяжелой работой местных жителей, беженцы смогли начать жизнь заново.

Многие из этих людей не были дома уже двадцать пять лет.

Мы прогуливались вокруг, и все больше людей, в основном дети, обступали нас.

Мы тронулись в путь, но затем снова остановились, на этот раз в Прасат.

Это была церковь, построенная в то же время, что и Ангкор Ват. Сейчас это практически руины, поросшие растительностью.

Тем не менее, там все еще горят свечи и ладан.

Как и большинство буддийских церквей, она была обложена минами, которые совсем недавно обезвредили.

В этом районе буддийские церкви были снова разрешены только в последние два года, с тех пор как земля была отвоевана у Красных кхмеров.

Во времена Пола Пота они запретили исповедовать буддизм и пытались убить всех монахов. Мне рассказали только о сорока спасшихся, которые изменили свою внешность, чтобы их не опознали.

За старой церковью стоит недавно отреставрированная пагода. На крыше развеваются желто-оранжевые флаги молящихся.

Мы сняли ботинки и направились внутрь. Я спросила у них, можно ли нам войти. «Да, — сказали они, — мы рады посетителям».

Я помнила, что мои ступни не должны обращаться пятками к статуе Будды. Я села на коленки на коврик, так, чтобы мои ступни были подо мной.

Запах ладана и звуки пения опьяняют.

Молодые монахи в традиционных оранжевых робах с интересом выглядывают из задней комнаты. Они очень милые.

В находящейся рядом школе 27 учителей преподают 1057 ученикам.

Совсем недавно они очистили от мин территорию, рядом с которой играли дети.

Давид, который обезвреживает мины в рамках HALO, указал место, буквально за площадкой, где играют дети. Всего в 100 метрах вниз по дороге находится минное поле. Просто факт.

Около часа я и Луонг ехали на багажниках велосипедов за спиной двух сотрудников HALO.

Эти дороги расположены ближе к границе Таиланда. Но все равно дороги в плохом состоянии.

Машины не могут проехать по ним. Здесь так красиво. Я вижу много людей. Дети не выглядят истощенными.

Во время нашего путешествия я видела ампутированных, в самодельных инвалидных колясках. Человек, потерявший ногу, ехал на велосипеде. Его костыль был привязан спереди к велосипеду. Он брал его, когда надо было преодолеть трудный участок через мост или то, что должно было быть мостом. На самом деле это были просто сколоченные вместе бревна.

Я знаю, что ампутированным людям приходится очень тяжело, но я поражаюсь гордости и силе этих людей.

Мы едем на велосипедах, и я вижу, как многие мужчины и

женщины с детьми смотрят на нас из окон своих домов. Одни машут нам и улыбаются. Другие просто смотрят на нас, но я заметила, что каждый раз, когда ты улыбаешься им или машешь, они тотчас с радостью отвечают тем же.

Я думаю, что люди узнают сотрудников HALO и знают о той помощи, которую они оказывают.

Каждый раз, когда мы проезжаем мимо кого-то на дороге, пролегающей через джунгли и небольшие деревеньки, мы встречаемся с ними глазами и приветствуем друг друга. Они всегда отвечают взаимностью.

Могли бы вы себе представить, что это наша повседневная жизнь?

Могли бы вы себе представить, что здороваетесь с каждым, кого встречаете, и улыбаетесь друг другу, выказывая свое уважение?

Мы поужинали очень рано, так как нам надо было лечь спать до захода солнца и встать на рассвете.

Официантка приняла наш заказ, и мы увидели, как женщина гонялась за тощей курицей и поймала ее. Она вошла в помещение, держа птицу за лапы вниз головой в одной руке и нож мясника в другой.

Повсюду насекомые.

Мы побрызгались спреем от насекомых, но все равно во время разговора вынуждены отмахиваться от них.

Льда нет и напитки теплые.

Пол грязный. Всюду бездомные собаки.

На столе поставлен рулон туалетной бумаги. Я уже привыкла к этим «салфеткам». Мы ждем наш заказ уже где-то около часа. Очень жарко. С нас капает пот.

Кто- то за столом заметил, что нам необходимо раздобыть гамаки и сетки от комаров до того, как на улице стемнеет.

Насколько я могу судить, здесь нет туалетов и электричества. Мне дали фонарь с запасными батарейками.

Я начала осознавать, что росла в городе, никогда не занималась туризмом, и, возможно, у меня будет трудная ночь.

Я встревожена неизвестностью; мы будем в деревянной пагоде, расположенной на воде. Что если я захочу ночью в туалет?

Суббота, 21 июля

Уже утро. Солнце еще не встало, но рассвет уже забрезжил. Повесить гамаки прошлой ночью было не так-то легко. Мы включили передние фары наших велосипедов и закрепили три свечи между деревянными планками.

Мы с Луонг прошли до конца пирса по направлению к берегу. Я держала фонарь, а Луонг рулон туалетной бумаги. Мы смеялись. Было слышно, как где-то играют дети.

Мы остановились футах в десяти от дороги. Я выключила фонарь.

Когда мы возвращались, небо озарилось вспышками молний. Временами становилось светло, как при полной луне в чистом небе. На мгновение можно было различить все вокруг, а затем снова становилось темно. Грома не было, только внезапные вспышки.

Вскоре начался сильный дождь. Ребята помогли нам с Луонг перевесить наши гамаки. Был сильный ветер.

Гремело так, что казалось: крыша вот-вот рухнет на нас. Шторм начался так внезапно. Удивительно.

Всю ночь было холодно и лил дождь. Утром он все еще продолжался. Говорят, что теперь путешествовать по местным дорогам станет еще сложнее.

Я думаю о живущих здесь людях. Их дома не выглядят крепкими. Дождь, должно быть, проникает через соломенные крыши, и грязные полы, наверное, сейчас все в глине. У меня есть сетка от москитов, роскошь, которой у них нет. Но даже несмотря на сетку, я уже вся покусана москитами.

Мы надели дождевые плащи и приготовились ехать в дождь. Мне сказали, что если мосты будут недоступны, нам придется вызывать вертолет.

Дождь не прекращался, но мы продолжали ехать, упорно преодолевая препятствия.

Практически каждые пять минут нам приходилось идти пешком, потому что или мосты были поломаны, или лужи на пути были настолько глубоки, что приходилось форсировать их вброд. Я шла впереди, поэтому первая попадала в лужи. Одна была настолько глубокой, что вода достигла моих бедер. После одной лужи Луонг сняла свои ботинки и начала искать в них лягушек.

И снова начался дождь. Вода попадала мне в глаза, было трудно видеть. Нелегко носить контактные линзы, когда вода течет по твоему лицу. Я думаю о том, что если бы я жила здесь, я бы не могла носить линзы, а в такую погоду с моими очками я бы

не смогла ничего увидеть.

Мы проехали еще несколько хижин. Дети играли с собаками и курами, смеялись. Они удивительные дети.

Я видела женщину, которая несла несколько тюков, а позади нее шел мужчина на костылях.

Они оба пытались перейти грязную лужу.

Кто- то сказал: «Проверьте, нет ли у вас на ногах пиявок».

Луонг, которая была в сандалиях, а сейчас и вовсе сняла их, сказала, что с ней все в порядке. Мэтью думал, что у него пиявка на шее, но он в порядке. Водитель посоветовал мне проверить ступни, когда я разуюсь.

Я испытываю глубочайшее уважение ко всем, кто работает в HALO. Не хватает слов выразить это. Они делают все, что могут, чтобы помочь людям. Даже принимают роды! Не многие женщины успевают вовремя добраться до местной больницы.

Трудно себе представить, как, должно быть, здесь было тяжело во время войны. Как они смогли пережить все эти мучения и страдания?

Примерно через два часа езды на велосипеде нас подобрал лэндровер. Но это не спасло нас от дождя, и мы все равно промокли насквозь. На дороге много выбоин и поворотов. Я пытаюсь делать заметки в дневнике.

Я замерзла, промокла и устала, но, слава Богу, нас ждет теплый приют, полотенца и еда. Я благодарна небесам.

Кати, Мими, Равут и Мао из УВКБ ООН привезли меня посмотреть местную больницу, существующую в рамках организации «Врачи без границ».

Впервые они пришли в эти места в 1998 году, как раз после разгрома Красных кхмеров. Они пришли для оказания медицинской помощи. Первым делом починили старую заброшенную больницу.

Они начали работать здесь еще до репатриации.

В 1999 году они помогли более 3000 больных малярией. Сейчас эта система борьбы с малярией у них налажена лучше.

Так же как и сотрудники HALO, эти люди пытаются обучать местных жителей помогать самим себе. Это очень важно. Когда случаются непредвиденные бедствия в других частях мира, эти организации спешат на помощь. А здесь остаются люди, способные сами о себе позаботиться.

Однако часто происходят трагедии, когда люди пытаются самостоятельно обезвредить противопехотные мины с помощью взрывчатки для ловли рыбы.

У местных докторов нет условий, оборудования для операций, и количество лекарств минимальное. Серьезные

хирургические операции они стараются проводить в оборудованных больницах, но с такими дорогами, как сегодня, в сезон дождей, который длится много месяцев, людей перевозить невозможно.

Из- за нехватки ресурсов и финансирования воздушные перевозки практически недоступны. Иногда упоминаются тайские больницы, которые могут оказаться единственным шансом на спасение, но добраться туда крайне тяжело.

Разговор идет о ВИЧ и о том, как мало об этом знают в здешних местах. Многие организации распространяют презервативы и пытаются просветить людей.

Внимание к вопросу распространения СПИДа растет, Но доктора обращают наше внимание на то, как много людей с другими болезнями нуждаются в заботе.

Но СПИД — предмет особого внимания, несмотря на то, что в этом районе много больных туберкулезом, нуждающихся в лечении.

В больнице, которую здесь называют центром здоровья, я увидела маленькую комнатку, где проводятся неотложные операции.

Я видела деревянный стол, обшитый сверху голубым пластиком.

Мне сказали, что здесь не могут делать переливание крови. Последняя операция, которую здесь делали, была ампутация руки. Пациенту дали минимальную дозу обезболивающего.

Мы гуляли вокруг больницы. Я встретила маленькую девочку, которой около четырех лет. На глазу у нее была повязка.

Я видела истощенного мальчика. Он в больнице, потому что во время игры брат столкнул его с гамака. Из-за этого, что он был так ужасно истощен, он повредил ребра. Врачи прооперировали и поставили дренаж.

Доктора постоянно стараются припасти хотя бы минимальное количество обезболивающих средств детям. «Если у нас что-то есть, они всегда получают это первыми».

Все дети здесь выглядят намного младше, чем они есть из-за того, что они очень щупленькие. Доктор сказал мне, что целое поколение выросло меньше, чем предыдущее, из-за недостаточного питания. Вес детей зависит не от веса родителей, а от здоровья родителей и от питания в детстве.

Еще один пример того, как война продолжает откликаться на следующих поколениях.

Несколько часов спустя мы остановились, чтобы встретить недавно вернувшуюся семью. Только что мы остановились у одного дома и попросили разрешения войти. Они были очень

гостеприимными.

Они постелили для нас матрац.

В этой маленькой хижине жили мать, отец, пятеро детей и бабушка. Один из детей был глухонемой.

Их крошечный дом был построен на сваях, чтобы находиться над потоками воды во время сезона дождей.

Дети ходят в школу, которую УВКБ ООН построило во время репатриации.

У них есть небольшой участок земли, на котором они выращивают орешки кешью и рис.

Отец взял взаймы у соседа рыболовную сеть, но пока не может ловить рыбу из-за этого подъема воды.

Находясь вместе с ними, я чувствовала себя так, будто нахожусь в гостях в обыкновенной, привычной семье. Это удивительно. Разница была в том, что они проявляли друг к другу намного больше внимания и заботы.

Наступил мир, но выжить можно, только если есть еда и здоровье. Они больше не боятся врагов и войны, из-за которых постоянно приходилось бежать и переселяться.

Во время нашего визита в дом все время заходили тети, дяди, кузены и соседи, которые тихонько садились на пол в углу или стояли, прислонившись к стенам.

Все были очень вежливы. Встречаешься с ними глазами, и они всегда улыбаются тебе в ответ.

Иногда, прежде чем спросить что-то, человек выходил и садился в центре комнаты, а затем задавал вопрос.

Мы встретились со Скоттом из Проекта по восстановлению и возрождению Камбоджи, чтобы увидеть школу, которую они построили, и встретиться с представителями Местного отделения этой организации, поближе познакомиться с их работой.

У детей сегодня был выходной. Около двадцати человек находились в классной комнате и обсуждали школьные дела и нужды.

Организация активно вовлечена в развитие региона. Сейчас они хотят увеличить количество классных комнат, чтобы больше детей могли ходить в школу.

Во время встречи каждому из нас поставили кокосовые орехи с соломинкой.

Они благодарили нас за то, что мы приехали, и желали нам доброго здоровья.

Я чувствую себя счастливой, что в силу ряда обстоятельств я могу оказать помощь подобным школам.

Дисбаланс распределения благ в мире кажется мне несправедливым.

Директор школы сказал мне, что школа обслуживает две деревни, общим числом 1290 человек. Детей школьного возраста здесь 590, но школа может предоставить классные комнаты только для 370 учеников. Поэтому двести двадцать детей не ходят в школу, не хватает помещений. В каждом классе по пятьдесят учеников и всего три классные комнаты. Соответственно, учатся в несколько смен.

Среди записанных 370 учеников только 101 девочка.

Нам сказали, что из-за такой переполненности школ многих дочерей оставляют дома работать. Важнее дать образование сыновьям.

У школы очень много нужд. Там нет уборных и всего один колодец.

Колодец очень старый, и они беспокоятся о том, насколько он безопасен для детей.

Воскресенье, 22 июля

Я только что проснулась от крика петухов. Кажется, дождь наконец прекратился.

Надеюсь, что так, потому что сегодня утром нам предстоит трехчасовое путешествие на лодке в Баттамбанг.

Удивительно быть среди этих людей из HALO и УВКБ ООН. Они справляются с большим количеством вещей, но они постоянно восхищаются мужеством местных жителей, тем, что они преодолевают, чтобы выжить. Сотрудники этих организаций работают здесь для того, чтобы помочь беженцам справиться с трудностями.

Скотт, с которым мы познакомились вчера, живет здесь уже двадцать лет. Он работает в CARERE. Сейчас он женат на камбоджийской женщине, которая работает в правительстве, в комитете по проблемам женщин. У них трое детей.

Скотт работает здесь, чтобы обеспечивать образование. Он поможет мне найти несколько способов финансирования строительства двух необходимых зданий для школы. Он сказал, что у него самая замечательная работа на свете.

Гуманитарные работники не только не жалуются на трудности своей работы, но говорят, что чувствуют себя счастливыми, поскольку могут помогать ближним.

Должно быть, у меня на ступнях дюжина укусов пауков. По крайней мере, я так думаю, потому что мои ноги распухли. Это не комариные укусы, они постоянно болят. На ноге у меня появилась сыпь, и я не могу определить, что это такое.

Еда была какой-то странной. Я никогда не испытывала чувства насыщения.

Иногда день тянется долго; когда мы наконец достаем еду, ее оказывается не так уж много.

Я не очень хорошо спала. Наверное, это потому, что промокла под дождем.

Но несмотря на все эти неудобства, я никогда в жизни не чувствовала себя лучше. Находиться рядом с этими людьми — огромная честь для меня. С каждым днем я осознаю, как мне повезло в жизни.

Надеюсь, что я никогда этого не забуду и никогда ни на что не буду жаловаться. Но, черт, у меня болят ступни.

Путешествие на лодке в Баттамбанг

Мы едем по грязной дороге через рыбацкие деревушки.

Эти люди живут в таких бедных условиях, но несмотря на это, у них такая замечательная сила духа. Все работают, и их дети выглядят счастливыми.

Некоторые семьи живут в маленьких домах на лодках, другие живут в маленьких хижинах или домах на сваях.

На лодке мы проплываем мимо маленьких деревень и видим много рыбаков.

Внезапно лодка увеличила скорость. Я сидела на самой кромке борта. Мужчина, который сидел позади меня, подал знак держаться покрепче.

Я все больше и больше продолжаю влюбляться в каждого человека здесь. Они знают что-то, что мы забыли. Это чувство общности. Это чувство, когда все глубоко ценят мир и свободу.

Три часа спустя, в солнцепек и сильный ветер, мы наконец сошли на берег. Мао встретил нас на лэндровере.

Он ехал накануне, чтобы прибыть вовремя. Мы остановились на ланч.

Повар сказал нам, что ему нужно сбегать на рынок, так как у него закончились овощи. Он оставил нас и поехал на велосипеде на ближайший рынок. Не знаю, почему-то я подумала, что это здорово.

Во время ланча я спросила у Кати, сколько ей понадобилось времени, чтобы выучить кхмерский язык. Она сказала, что просто жила здесь несколько лет и слушала их речь, а также какое-то время у нее был учитель. Она очень сильно старалась. Кати говорила о том, насколько важно иметь возможность общаться с людьми на их языке. Когда ты разговариваешь с ними на их языке, тем самым ты лучше понимаешь, что именно им нужно, — в противном случае ты всегда вынужден домысливать.

Как мы можем притворяться, что знаем, что действительно хорошо для людей, пока у нас с ними не установлен прямой, ясный контакт?

Баттамбанг

Мы посетили отделение организации «Скорая помощь» (The Emergency), итальянскую неправительственную организацию.

Фактически это больница, которая используется для лечения пострадавших от гражданской войны, а также для лечения и реабилитации жертв противопехотных мин.

При больнице также есть школа для детей.

Еще две школы находились до недавнего времени в Афганистане, но одна уже закрыта движением Талибан.

В школьных кабинетах на стенах висят картины, которые нарисованы учениками. На них изображены цветы, бабочки и два автопортрета детей в инвалидных колясках.

Врач больницы, Марко, показал мне территорию. У них есть и постоянно требуют пополнения запасы крови. В комнате холодно. Кровь хранится в холодильниках. «Вы подвержены тошноте?» — спросил он меня.

«Нет».

Он повел меня в отделение реанимации.

Я хочу поблагодарить Бога за то, что здесь существует эта больница и эти доктора. Я встретилась с несколькими жертвами противопехотных мин.

Один мужчина работал в саду мотыгой, и взрыв противопехотной мины задел его лицо. Он потерял глаз и получил травму мозга. Последние два месяца врачи оперировали его челюсть. Он так счастлив, что снова может нормально есть и разговаривать.

Другой человек как будто спал, но мне объяснили, что он был в коме. У него в голове пуля.

Одну местную сотрудницу, беременную женщину, недавно застрелили. Ее муж тоже работал в больнице и первый увидел ее, когда ее привезли в больницу. Она умерла от потери крови.

Здесь так много ампутированных. Мужчина из совещательной группы по противопехотным минам осматривает ампутированных. Многие нуждаются в постоянном наблюдении, особенно дети. В силу того, что дети растут, это вызывает особенные сложности с протезированием.

Меня отвели в палату для женщин и детей.

Один маленький мальчик ехал на телеге со своим отцом, когда они наехали на противотанковую мину. Его отец погиб. Он поступил в больницу с тяжелыми увечьями и большой потерей крови. Больница нашла его мать и наняла ее няней.

Я встретилась с человеком по имени Буу Чорм. Мы показали

друг другу свои татуировки и рассказали, что они значат. Его татуировки для удачи и защиты.

Поскольку он потерял ногу, он шутит: «Возможно, мне следовало иметь больше татуировок».

Я спросила некоторых докторов, в чем они больше всего нуждаются. Я продолжала слышать все тот же ответ. Им необходимо построить новые дороги к больнице. Существует много организаций, которые пытаются помочь, но проложить один километр двухголосной асфальтовой дороги стоит более миллиона долларов.

Ранее сегодняшним утром я ныла и жаловалась на боль в ступнях, а днем я встретила человека, который потерял ногу. Он встретил меня с улыбкой и шутил с доктором.

Самлот

Мы едем в офис УВКБ ООН, где проведем несколько недель. УВКБ ООН очень помогло здесь во время репатриации, но сейчас репатриированные люди больше не являются беженцами, поэтому основной офис УВКБ закрыт. Мы разместились в комнате организации «Акция Север-Юг».

Мы остановились в комнате с тремя раскладушками. Сетки от комаров были прибиты к стенам.

В маленькой ванне стояла большая кастрюля и маленькая жестяная миска, чтобы поливать себя.

Понедельник, 23 июля

Сейчас около семи утра. Мы проснулись от криков петухов и от жарких лучей солнца. Пока я пишу, Мими и Равут собирают фрукты с дерева. Чтобы достать их, им приходится прыгать.

Первым делом мы должны посетить центр здоровья организации «Скорая помощь» в Самлоте.

Этот центр был построен в 1999 году. Война здесь к тому моменту только закончилась. В 1999 году в этой области были сотни противопехотных мин. Многие люди погибли. Еще несколько центров здоровья были построены в 2001 году.

У них до сих пор недостаточно оборудования, чтобы оказывать адекватную помощь в чрезвычайных ситуациях. Они пытаются доставить пострадавших в Баттамбанг, но дороги практически непроходимые.

Каждый месяц около 1500 человек обращаются в этот центр в Самлоте с малярией.

Глава центра здоровья сказал мне: «Иногда все, что мы можем им дать, — это наши сердца».

Я посетила отделение малярии и туберкулеза. Во время войны люди не получали вакцину от полиомиелита. Наконец вакцины стали доступны, и детей стали приводить для вакцинации. Мы едем на нашу следующую встречу. Я только что заметила знаки на дороге. На них написано «ОПАСНО — МИНЫ», и череп с двумя перекрещенными костями. Так много земли еще не очищено от мин.

Нас предупредили: «Всегда оставайтесь в грузовиках или идите след в след. Не склоняйтесь вокруг, даже если нет предупреждающих знаков».

Каждые двадцать две минуты в мире погибает или получает увечья от противопехотных мин один человек.

Мы посетили анимационный центр.

Здесь все внимание детям, которые прошли через войны. Врачи придают большое значение играм.

Внимание уделяется не только начальному образованию и прикладным навыкам, но также спорту и танцам.

Мы поиграли с детьми. Мао и Равут играли в футбол.

Мы с Кати строили домики из деревянных кубиков, соревнуясь с маленьким мальчиком, который строил свой собственный домик. Мы проиграли.

У некоторых детей светлые волосы — признак недоедания.

Один мальчик с покалеченной ступней играл со старым футбольным мячом.

Единственные игрушки, которые я там видела, — это деревянные кубики и два старых футбольных мяча, однако дети рады даже им.

Некоторые дети носят рюкзаки УВКБ ООН, которые раздавались около года назад. Я думаю, что они не расстаются с ними. Наверное, они боятся снова потерять все, что у них есть.

Пока я пишу это, меня окружили пятнадцать детей. Им любопытно наблюдать за тем как я пишу. Они хихикают. Они смотрят на мой светлый цвет кожи, на мои татуировки, на мою чистую белую майку, мои светлые глаза. Возможно, они смотрят на меня и улыбаются, потому что я левша? В конце концов я подумала, что они просто играли со мной, поскольку для них я новый гость, а они нормальные, любопытные дети.

Мы въехали в другую деревню, и я встретилась с местными людьми из управления здравоохранения Самлота. Центр «Скорой помощи» учил их делать вакцинацию.

На ланч у нас были рис, мясо и какого-то странного вида фрукты с красно-зелеными стебельками.

Мими тошнит. Я уснула всего на несколько минут и тоже не очень хорошо себя чувствую. Всякий раз, когда люди тут заболевают, им задают целый список вопросов о симптомах; я думаю, проверяют, не малярия ли это или что-нибудь еще более серьезное.

Что касается меня, то думаю, что я просто устала. Я не привыкла к таким бесконечным рабочим дням, что заставляет меня еще больше уважать всех этих людей.

Мы встретились с Сарой, директором организации «Путь развития Камбоджи» (ПРК). Они оказывают поддержку самым нуждающимся возвращенным беженцам и перемещенным лицам. Они также учат людей помогать самим себе.

Пока мы были с ПРК, я видела слепого человека с одной рукой. Он работал в саду. Потом он пытался войти в дом. Другой человек подошел к нему и направил его. У второго человека не было обеих рук, но он был зрячим. Двое людей работали вместе. Покалеченные и нуждающиеся компенсируют свои нужды, объединяясь.

У человека без рук шестеро детей, которых он должен обеспечивать. Он говорит о том, как мало риса он может выращивать. Его лицо очень милое. После того как он был беженцем, — более восьми лет в Таиланде — он снова поселился на этой земле и попытался начать все заново. Противопехотная мина взорвалась, когда он расчищал участок земли.

Его сын, маленький мальчик с большими карими глазами, сидит у отца на плечах. Он немного наклонился и улыбается.

Только трое из его детей могут ходить в школу. Он не может себе позволить обучать всех. Это стоит 1500 риель в месяц с человека, что равняется примерно тридцати американским центам.

Он продолжает говорить, а я продолжаю записывать.

Я все пристальнее смотрю в свою записную книжку, пытаясь не заплакать. Я не хочу, чтобы он был оскорблен моей жалостью к нему.

Он улыбнулся мне и попрощался. Он что-то сказал на кхмерском. Мне перевели. Он сказал: «Я не очень хорошо могу сейчас говорить. Волнение делает мой разум слабым».

Во время нашей следующей остановки мы увидели безногого человека, который работал в поле. Он снял свою шляпу и поприветствовал нас улыбкой. Он использует повозку, запряженную волами, чтобы добраться до работы. Я спросила, есть ли у него дети. Он указал на отсутствующую нижнюю часть своего тела. Он был буквально разрезан пополам. Он улыбается, будто говоря: «Все в порядке. Ничего, спрашивайте».

Мы пошли дальше в поле. Мы встретили слепого человека, чьи руки были отрезаны по локти. Поэтому он расчищает землю ногами. У его жены психические проблемы, и, когда она ушла от него, то забрала одного ребенка, оставив его с пятью. Люди помогают ему готовить на всю его семью. Он ловит рыбу, держа удочку ртом. Воля этих людей к жизни поистине удивительна…

С этим мужчиной маленький ребенок. На вид ему около пяти лет, но нам сказали, что ему девять. Он не может ходить в школу. В этой области более 800 схожих случаев подрывов на минах. Я испытываю чувство ненависти к каждому человеку или правительству, которые пытаются остановить запрет на противопехотные мины.

Мы снова сели в машину, чтобы отправиться в другой район. Равут спросил, расчищена ли там территория. Нам ответили, что нет, но они считают ее безопасной, так как там пока еще никто не взорвался.

Многие из тех, кто будет читать эти строки, скажут: «Почему они не могут разминировать свою землю? А если не могут, то почему живут там?» У них нет выбора.

Война была везде, и каждый район не может быть разминирован вовремя. Нет достаточных средств и времени.

Наиболее важно то, чтобы это не повторилось снова. Производство и использование противопехотных мин должно быть запрещено. Я надеюсь, что, когда люди прочтут это, они захотят помочь.

Мне рассказали еще об одном случае. Мужчина без ног с двумя дочерьми. Мы не могли приехать к ним, дороги были

размыты дождем. А сезон дождей только начался, эти люди должны молиться, чтобы не случилось ничего чрезвычайного. У них не будет возможности получить помощь извне.

Кто- то спросил одного из мужчин в нашей машине: «Вы были беженцем?» Он улыбнулся: «Да». Он знает, что здесь он может этим гордиться, и его за это будут уважать. Он сказал нам, что был в лагере с 1989 по 1992 год. Это было в Таиланде — лагерь «Пункт 2».

Равут сказал, что он тоже находился в «Пункте 2». Мао тоже.

«Пункт 2» — название, присвоенное лагерю беженцев организацией ООН по освобождению границ. Место, в котором собралось самое большое количество камбоджийцев после Пномпеня. Люди сбегали туда во время правления Пола Пота и Красных кхмеров. Лагерь был расположен на территории меньшей, чем четыре квадратных мили, и предположительно 220 000 камбоджийцев нашли там временное пристанище. «Пункт 2» был самым перенаселенным лагерем во всем Таиланде.

6 вечера

Мы посетили занятие вечерней школы.

«Акция Север-Юг» проводит вечерние занятия для взрослых по обучению грамоте. Мы посетили одно из таких занятий. Нас сопровождает Энн, француженка. Она управляет местным отделением этой неправительственной организации. «Акция Север-Юг» финансирует деятельность 26 учителей более чем в десяти школах.

Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) провела исследование и разработала учебный план.

Фонд ООН помощи детям (ЮНИСЕФ) помог с разработкой и изданием учебных пособий.

Энн сказала, что учителя в основном женщины. Занятия проходят по вечерам. Матери берут своих детей с собой. Дети всегда с ними.

Сегодня их учат читать, а то, что они читают, также является информацией, которая им поможет. Они повторяют за учителем на своем родном языке. Даже пройдя через столько испытаний, люди сохранили свою культуру.

Мне объяснили, что их обучают природной медицине и объясняют, чем она лучше химических препаратов.

Ужин

На ужин у нас был рис, мясо и бананы.

За столом говорили о временах правления Пол Пота с 1975 по 1979 год.

Пока они жили в лагерях, они учили английский и занимались грамматикой. Они даже могли объяснить мне разницу между «How much?» и «How many?» [8]. Я никогда не была очень сильна в грамматике. Они могли бы стать хорошими учителями.

Равут поделился историей о том, как он встретился со своей женой. Они поженились в лагере. Сейчас она работает в американском посольстве. У них двое детей, десяти и пяти лет.

Внезапно я взглянула на небо. Звезды здесь такие четкие и яркие. Месяц расположен неровно, практически лежит на спине.

Вторник, 24 июля

Сейчас 7 утра. Мы уже давно не спим. Есть в этом что-то удивительное — просыпаться рано утром и наблюдать, как начинается новый день. Мы только что позавтракали. Я была очень голодна.

Мы пили Нескафе, ели рис, сушеное мясо и рыбу. На вкус это было как жирная говядина и вяленая рыба.

Я пишу это потому, что это многое говорит об этих удивительных полевых сотрудниках. Они живут в этих районах месяцами. Они живут, лишенные домашних удобств, у них даже нет душа.

Сегодня утром я снова мылась в тазике, поливая себя водой. Купание слона! Я до сих пор не могу научиться лить на себя воду так, чтобы не разбрызгивать ее вокруг. Вчера я собиралась выкинуть лед из своего стакана, но Равут остановил меня. «Лед здесь очень дорогой. Лучше вернуть его на кухню».

Первым делом сегодня мы посетили школу.

Когда беженцы были репатриированы, в школах не было учителей. В течение многих лет люди здесь получали минимальное образование или не получали его вообще.

Учителей начали готовить сразу, чтобы те могли приступить к обучению детей как можно скорее.

«Акция Север-Юг» и УВКБ ООН вынуждены оказывать давление на правительство для аттестации местных учителей. Эти мужчины и женщины получили меньшую подготовку, чем учителя в других районах, но их признали официально и им будут платить государственное жалование. Заработная плата низкая, но это все же лучше, чем ничего.

В этой школе детям от шести до семи лет. Дети одинаковы по всему миру, такие красивые.

Удивительно наблюдать за ними, как они здесь учатся: особенно когда изучают свой язык и культуру.

В классе, переполненном учениками, мы увидели одного из учителей, который преподавал вчера на вечерних занятиях для взрослых.

Учитель крикнул что-то на кхмерском, и все дети из трех классов выбежали, улыбаясь и смеясь.

Они выстроились в ряд и приготовились к утренней зарядке. Равут, Мими, Мао, Энн, Сара и я встали в линию рядом с ними.

Во время зарядки дети вели себя очень организованно и слаженно выполняли упражнения.

Мы же постоянно путали движения, поворачивались не в ту

сторону и задевали друг друга руками.

Большинство детей смеялись над нами, некоторые застенчиво смотрели на нас любопытными глазами. Они опустили головы, возможно, пряча улыбку. Не могу сказать. Их лица выглядят счастливыми.

Так замечательно наблюдать за их счастливыми лицами. На большинстве фотографий последних лет дети Камбоджи выглядят грустными и испуганными. Плачущие, голодные, с отчаянием в глазах.

Когда сегодня утром я играла с этими детьми в окружении пышной зеленой листвы и красивого голубого неба, я чувствовала себя в раю.

Волосы маленького мальчика развеваются на ветру. Прищурившись, он смотрит на небо. Кажется, что само солнце отражается в его глазах. Он поймал мой взгляд и сразу же спрятался за деревом. Потом он выглянул. Я не могу перестать смеяться.

Сейчас мы должны встать в круг. Дети начинают петь. Я не понимаю слов, но это звучит очень мило.

Позже мне объяснили, что они пели: «Земля красивая. Берегите ее. Она для нас. Но она не безопасна. Берегитесь противопехотных мин. Если ты увидишь мину, не трогай ее».

Мы пошли туда, где играла музыка. Это были занятия танцами на открытом воздухе.

Мы немного поиграли с ними, и дети стали менее стеснительными. Казалось, они почувствовали себя в безопасности.

Во второй школе дети сидят в классных комнатах. Подъезжая, мы слышали, как они повторяют что-то за учителем. Мы заметили учителя с ампутированной ногой. Чтобы подойти к доске и нарисовать что-то на ней, он опирается на костыль.

Мне сказали, что двадцать девять из шестидесяти девяти учителей покалечены.

Все так счастливы, что есть школа, после того как они прошли через столько мук и страданий.

Кто- то сказал мне, что в Самлоте продолжают оставаться около ста мин.

К нам медленно подошла другая учительница. Она улыбается. Она вручила Энн бумагу. Я заметила, что одна нога у нее обута в сандалию, вместо другой — деревянный протез. Здесь это обычное дело. Слава Богу, пусть хоть так жертвы мин начинают возвращаться к нормальной жизни.

Листок бумаги — это приглашение в маленькую комнату с книгами. Библиотекой это не назовешь — пока еще так мало

учебников.

В одной комнате детей учат считать с помощью букетов растений.

Я наблюдаю за тем, как один из учителей возвращается в свой класс. Кажется, что его протез причиняет ему боль. Вы можете себе представить, как тяжело стоять целый день и учить детей, а вечером преподавать взрослым?

Мне жарко и некомфортно, а я-то на улице всего несколько часов.

Эти учителя проходят целые мили по плохим дорогам, чтобы добраться до школы.

Уровень медицинского обслуживания здесь оставляет желать лучшего. Особенно тяжело обстоят дела с протезами. Протезы нужно менять каждые несколько лет. Даже если это примитивные протезы, грубо вырезанные из дерева, они считаются роскошью.

В других областях, таких как Пномпень, ситуация несколько лучше, но все равно жизнь здесь тяжела и несправедлива. Эти люди так долго страдали и продолжают страдать.

В течение восьми часов мы возвращаемся в Баттамбанг.

Баттамбанг, вечер вторника

Мими и я встретились с епископом Энрике Фигаредо Си Джэй (иезуитский священник). Все здесь зовут его отец Кик. Он епископ Баттамбанга.

В 1984 году он был в лагерях, помогая камбоджийским беженцам в Таиланде. Он приехал в Камбоджу в 1988 году.

В основном он помогает жертвам противопехотных мин и больным полиомиелитом.

Он очень добрый и очаровательный.

Он носит голубую клетчатую рубашку с короткими рукавами с изображением голубя на кармане. Он гордо показал мне маленького голубя: «Маленькая девочка вышила его».

В лагерях он помогал организовывать программы для покалеченных людей. Он обучал их практическим навыкам, чтобы вернуть их к нормальной самостоятельной жизни.

Мы встретились в маленьком ресторанчике. Нам подали мороженое. Это было так здорово. Отец Кик и я ели мороженое с тертым шоколадом.

В скором времени он собирается в Никарагуа, чтобы присоединиться к тем, кто подписал договор о запрещении противопехотных мин.

Он объяснил, как я могу попасть в «Скорую помощь» и увидеть, что там происходит. Каждый день к ним поступают новые жертвы противопехотных мин. Он сказал: «Самые добрые дела творятся в самых ужасных местах».

Он рассказал мне о маленькой девочке, которая потеряла ногу, помогая своему отцу на ферме.

Когда отец Кик со своим испанским акцентом говорил об этой девочке, он вздохнул: «Это так ужасно, что хочется плакать».

Мими и я расспрашивали отца Кика о том, как он стал епископом. Он ответил: «Мне позвонили из Рима, и я подумал, что что-то натворил».

Он сказал: «Я думаю, что жизнь не только внутри церкви. Бог — он везде, во всем».

Он признался нам: «Я люблю танцевать, очень. Я разрешил традиционные танцы Камбоджи в Церкви».

Отец Кик удивительный священник. Он очень скромный, когда идет речь о его жизни.

Он упомянул человека, с которым мы должны встретиться. «Он не говорит по-английски, но вы можете посмотреть на то, что он делает. Вы увидите его семью, его жизнь. Он живет чувствами, а чувствует сердцем; это лучшее, на что способен человек. Делать

все всем своим сердцем».

Он не навязывает свою религию. Он верит, что люди Камбоджи имеют замечательную веру.

В 1984 году другой архиепископ был убит. Отец был напуган, когда его назначили на эту должность, думал, что его тоже непременно убьют.

Отец Кик говорит об учителе, у которого нет рук ниже, локтей, так что ему приходится зажимать мел обрубкам рук.

Отец Кик гордо улыбается, говоря об этом мужчине; «Удивительно. Здесь такие благородные люди. Так просто их любить».

Я также вижу, что все здесь любят отца Кика. Они знают, что им совсем не обязательно быть католиками, чтобы приходить в его церковь за поддержкой.

Я и Мими ночуем сегодня в отеле. Мы направились к нашим комнатам.

На входе в отель написано:

«НИКАКОГО ОРУЖИЯ НИКАКИХ ДУРИАНОВ» [9].

А мы сегодня как раз ходили на рынок, чтобы купить дурианов.

Потом на рынке Мао, Равут, Мари-Ноэль и я сидели на маленьких пластиковых табуретках и ели его. Мао попробовал его, и, как и большинству камбоджийцев, он ему понравился. Он сказал, что фрукт сочный. Интересно, как он смог определить его спелость.

Сегодня вечером, вернувшись в отель и поднявшись по лестнице, в холле мы почувствовали запах дуриана. Кто-то все-таки тайком пронес. Мы рассмеялись.

Среда, 25 июля, 7 часов утра

В отеле нет телефона, но мобильные телефоны работают. Пора собираться в дорогу. Мы выпили немного быстрорастворимого кофе. Все молоко здесь, как сладкий сгущенный сироп.

Но оно мне начинает нравиться.

Мы выехали в аэропорт на рейс 8.30 в Пномпень.

Наша первая встреча со Скоттом и Джоан из CARERE.

Они разработали программу по строительству новых школ. Затем я встретилась с министром образования и заместителем премьер-министра. Он признателен ООН и всем неправительственным организациям, но они делают акцент на том, чтобы работать вместе. Он верит, что богатые и бедные, мальчики и девочки, должны иметь одинаковые возможности для образования.

Так много еще всего надо сделать. Им потребуется помощь.

Мы посетили Международный центр реабилитации ветеранов, открытый в 1991 году.

Луонг является представителем организации «Мир без противопехотных мин» при Американском фонде ветеранов Вьетнама. Она встретила нас у входа и представила нас Ларри. Он американец, но живет здесь и руководит этим центром. У него двое прекрасных усыновленных камбоджийских детей: девочка и мальчик, который был с ним на нашей встрече.

Факты

Государственный департамент США (министерство иностранных дел США) предполагает, что в мире находится от 60 до 70 миллионов противопехотных мин, и треть наций мира заминированы. Чтобы причинить наибольший ущерб, враждующие стороны размещают противопехотные мины по краям дорог, около школ и сельскохозяйственных полей.

Цели реабилитационного центра:

«ДАТЬ ТЕМ, КТО ВЫЖИЛ В ВОЙНУ, ШАНС ВЫЖИТЬ В МИРЕ»

Кент Видеманн, посол США в Камбодже, присоединился к нам сегодня утром в реабилитационной клинике. Он сказал мне, что американские военные сейчас проходят обучение, чтобы помогать жертвам мин.

Группы из шести-семи докторов и сестер находятся здесь с учебным визитом. Они говорят сокращенными терминами.

НК означает ниже колена (ВК — below the knee).

ВК означает выше колена (АК — aЬoye the knee).

Легче делать НК-протезы.

Лари сказал: «Мой сын НК». После этого я поняла, что один из кедов, которые носит мальчик, одет на деревянную ногу.

В центре находится цех, который производит протезы. НК стоит $ 150, ВК около $ 200. Руки с крюками, деревянные руки.

Я видела человека на протезах ног, который тренировался с футбольным мячом.

Трехлетнему ребенку из-за инфекции ампутировали ногу. Пока кости будут расти, ему надо постоянно быть под присмотром врачей, чтобы своевременно менять протез ноги в соответствии с ростом кости.

Я встретилась с двумя жертвами, которые ослепли в результате взрыва мины. Они работают в центре, помогая делать протезы, а также вставляют спицы в колеса инвалидных колясок.

Инвалидные коляски дают людям бесплатно.

Здесь также есть маленькие ходунки для ампутированных детей.

«Мировая продовольственная программа» (МПП) поставляет в центр питание. Каждый день они проводят программу помощи в полевых лагерях.

Им необходимо, чтобы постоянно ремонтировались дороги и строились наклонные подъезды.

Каждый год США тратят три миллиона долларов на финансирование организаций по обезвреживанию мин, таких, как HALO, Совещательная группа по вопросам мин, Камбоджийский

центр по проблемам мин. Один миллион в год они тратят на реабилитационные проекты.

Камбоджа — одна из десяти беднейших стран мира. В Азии у нее самый высокий показатель смертности несовершеннолетних от СПИДа.

Я верю, что посол США обеспокоен ситуацией. Он отчаянно пытается помочь этой стране в устранении нищеты.

Позже сегодня днем Равут, Мао, Мими и я посетили Туул Сленг, Музей геноцида. В прошлом это здание было школой. Пол Пот переделал ее в тюрьму и назвал ее «5-21».

Несколько тысяч жертв находились там.

Я видела фотографию Пол Пота, сразу после фотографии с монахами, стоящими напротив стены с черепами.

Фотография Пол Пота была черно-белой. На ней можно видеть, как он отдает приказы, и, зная о том, что это были за приказы, меня начало тошнить.

Мимо нас прошел монах.

Мне показали могилы четырнадцати людей, которые были убиты незадолго до того, как ушли Красные кхмеры. Всего несколько часов, и они могли выжить.

Камеры открыты. В них ничего не меняли. В каждой камере фотография человека, которого здесь пытали. Фотографии комнат сделали сразу, когда вьетнамские солдаты нашли их. По всей тюрьме висит очень много фотографий и записей, которые можно прочитать. То, что случилось здесь, ужасно.

Пока я продолжаю писать это, я думаю: «Что я делаю?! Как я могу находиться здесь? Я не могу дышать. Я хочу закрыть дневник. Я не верю в привидения, но я боюсь этих фотографий и камер. Я не знаю, как вести себя».

Вдруг среди всего этого ужаса я почувствовала запах ладана. Мне сказали, что это молятся монахи.

Мы продолжаем идти через кельи. Я видела, как людей цепями приковывали к кроватям. На старых металлических каркасах до сих пор сохранились клеммы. Я спросила: «А как они ходили в туалет?» — «Никак, просто под себя».

Я знаю, какое чувство испытываю сейчас, — это страх. Мне страшно здесь.

Я вошла в другую комнату, полную фотографий с идентификационных карточек, отобранных у людей до того, как их начинали пытать, а затем убивали.

Равут сказал: «Я больше не хочу ничего видеть. Я боюсь увидеть фотографию своего отца. Я не уверен, в каком месте его убили, но у меня чувство, что это где-то совсем рядом».

Все лица на этих фотографиях уставшие и напуганные.

Я видела несколько фотографий, сделанных в профиль. Я спросила: «Что это прикреплено к их головам?» Равут ответил мне: «Это сверло. Они медленно сверлили людям Голову до тех пор, пока не убьют их».

Здесь так много фотографий. Молодые и старые, мужчины и женщины, дети, даже младенцы.

Здесь показаны инструменты и способы, которыми их пытали, на стенах висят фотографии людей после того, как они были убиты этими приборами. На каждой фотографии совершенно ясно показано, как именно они умерли.

Мне сказали, что в пятнадцати минутах отсюда находятся «Поля убийств».

Здесь стоит половина статуи Пол Пота с черной буквой «Х». Черная «Х» нарисована баллончиком с краской и перечеркивает камбоджийское слово. Равут сказал мне, что перечеркнутое слово означает «браво»; очевидно, Пол Пот сделал эту статую сам себе.

Балконы тюрьмы были обнесены колючей проволокой, чтобы предотвратить попытки доведенных до отчаяния людей совершить самоубийство.

Стены этих камер из кирпича и цемента. Они были построены для того, чтобы делить большие комнаты 3 х 7 футов на более мелкие. Они все пыльные и необтесанные. На стенах до сих пор сохранились кровавые пятна.

Меня неотвязно преследует желание выбраться отсюда. Затем мы прошли в комнату, где было много фотографий Пол Пота, его семьи и соратников. Я не хочу смотреть на него. Я вышла из комнаты.

На карте Равут показал мне, где Пол Пот начал геноцид и как передвигался из года в год.

Мне показали фотографию мужчины, который был известным камбоджийским певцом, наподобие нашего Элвиса Пресли, как сказал Равут, но Пол Пот убил и его.

Тут есть ящик с описанием пыток, изображенных на фотографиях. Мы все стояли в молчании напротив него очень долго.

Я видела фотографии детей, оторванных от матерей. Я видела фотографии матерей, которых убивали и которые продолжали держать своих детей на коленях. На одной из фотографий у матери в голове все еще было сверло и ребенок на коленях.

На одной стене была карта Камбоджи, сделанная из человеческих черепов. Я читаю все новые и новые страницы истреблений.

На стене висела фотография детей, которых подбрасывали в

воздух и накалывали на лезвия штыков в воздухе.

Я видела фотографии мужчин, которые держали детей за ноги и били их головами об дерево.

Я должна отсюда выбраться. Мне необходимо выйти отсюда. Я не могу дышать.

В среду вечером

Мари- Ноэль и я сказали Равуту и Мао, что хотели бы встретиться с их семьями. Мы так много о них слышали. Сегодня вечером мы были приглашены на ужин к Равуту. У него замечательная семья — прекрасная жена и две дочки, шести и одиннадцати лет. Мао тоже с нами. Он пришел со своей милой женой и их тремя детьми, которым три года, полтора и очаровательному маленькому мальчику семь месяцев.

Для меня большая честь знать этих людей. Надеюсь, что однажды мы станем близкими друзьями. Думаю, могу сказать, что мы уже друзья.

У Равута дома много книг: по праву, истории, французский и английский словари и т. д. Многие из этих книг он изучил, когда был беженцем в лагерях. Его жена также работает. Кажется, что все за столом работают с НПО или правительством. Они удивительные женщины и знают намного больше меня о многих вещах. Интересно, чего бы они могли добиться с тем образованием и с теми возможностями, которые были мне предоставлены? Они бы не теряли времени зря.

Они объяснили, что кондиционеры стоят очень дорого, поэтому они пользуются веерами. На какое-то время выключили свет, и мы зажгли свечи.

Это был прекрасный вечер.

Сначала все мы молчали, но прошло немного времени, и мы начали падать со стульев от смеха.

Дети были счастливы, играя все вместе. Я была так благодарна возможности находиться рядом с ними.

Четверг, 26 июля

Прошлой ночью мне снились кошмары, поэтому я практически не спала.

Сегодня мы посетили Службу помощи беженцам Иезуитских монахов! [10].

Когда мы вышли из машины, нас приветствовала молодая девушка по имени Сонг Косал. Вместо одной из ног у нее был протез. Она вручила мне коробку с деревянным брелком для ключей в виде птицы мира.

Она потеряла ногу, когда ей было 5 лет. Они с матерью искали хворост.

Тан Чаннарет также приветствует нас с улыбкой. Он сидит в инвалидной коляске. И друг, который практически всегда с ним, ходит на костылях. У него одна нога. Они шутят: «Мы передвигаемся с помощью одной ноги на двоих».

Большинство физически неполноценных людей работают вместе. Так веселей. Священники и монахини в JRS делают все, что могут, начиная с того, что отводят детей в школу, и заканчивая изготовлением сеток от москитов. Также они анализируют данные, чтобы оценить всеобщий прогресс Договора о запрещении противопехотных мин.

На стенах висит много прекрасных фотографий, показывающих человечность, сострадание и молитвенное созерцание.

Большинство добровольцев здесь нерелигиозные, но все они производят впечатление добрых, чутких и скромных людей.

Мы посетили Центр голубя мира, учебного места для мужчин и женщин, покалеченных противопехотными минами, войной и полиомиелитом. Раньше это был армейский центр связи.

Здесь очень много мастерских. В месяц они делают по восемьдесят инвалидных кресел. Потребность в них огромна. Кажется, что они никогда не смогут сделать достаточного количества.

Следующая мастерская — это школа шитья. Я встретила двух женщин за большим деревянным ткацким станком, они делали шарфы. Две другие женщины были заняты за своими станками, изготовляя подкладки для инвалидных колясок.

К нам присоединился испанский священник. Он рассказал нам несколько шуток и историю об одном из здешних студентов, который ужасно знал математику. Он думал, что средний размер окна 125 метров в ширину. Сейчас он один из лучших социальных работников. Он часто приводит в больницу новые жертвы

противопехотных мин.

В классе резьбы по дереву семнадцать студентов. Они делают великолепные изделия. Их обучают предпринимательству, чтобы в будущем они смогли сами зарабатывать на жизнь.

Одна студентка делает деревянный потир для епископа Кика, чтобы держать облатки для Святого Причастия.

Рядом с ней несколько милых мужчин и женщин делают деревянные статуи Будды, для резьбы по дереву у них есть лишь основной набор инструментов, но все же их мастерство поразительно. Все здания здесь оснащены специальными наклонными въездами для инвалидов.

Другие мастерские включают класс электроники, сельскохозяйственный класс и класс сварки, в котором людей обучают делать каркасы для больничных кроватей. Также здесь есть классы, в которых каждый может получить основное образование, то есть научиться читать, писать и считать.

Центр голубя мира действительно удивительное место. Я не знаю, что бы все эти люди делали без него. Внимание всех программ сосредоточено на том, чтобы обеспечить физически неполноценным людям хорошее будущее. Я только что узнала, что эта земля принадлежит правительству и что центру голубя мира разрешено находиться здесь лишь до конца этого года. В следующем году правительство может потребовать плату за аренду, и тогда программа может закрыться.

Ужин с сотрудниками УВКБ ООН

Во время этого путешествия меня попросили быть Послом Доброй Воли УВКБ ООН. Не могу выразить, как я была счастлива и какая это была честь для меня. Потом полевые сотрудники УВКБ ООН сказали мне: «Мы так счастливы быть первыми, кто поздравит вас с назначением на должность Посла Доброй Воли УВКБ ООН. Помните, мы — в 120 странах. У Вас теперь есть семья везде, куда бы вы ни поехали». Какая замечательная мысль. Разве не прекрасно, если бы весь мир был таким?

Уезжать из Камбоджи и говорить «до свидания» будет нелегко для меня. Здесь такие добрые, хорошие, трудолюбивые люди. Я буду скучать по каждому, с кем встретилась.

Сейчас я на пути в Бангкок, где я проведу ночь в отеле аэропорта. На следующее утро я возвращаюсь в Лос-Анджелес.

Пятница, 27 июля

Я проснулась вся в поту, трясясь от того же кошмара, который у меня был в Пномпене. Теперь я знаю, что это: воспоминания о том, что я видела в Музее геноцида. Я проснулась в страхе, едва могла дышать, точно так же, как в тех камерах. Мари-Ноэль сказала мне, что чувствовала себя так же, когда мы были там. Один день, проведенный в той тюрьме, продолжает мучить нас.

Так много камбоджийцев, которые будут помнить все это. Сложно представить, как нелегко им жить. Но они живут, живут с такой огромной силой воли, мужества и духа, что могут являться примером для всех нас.

Последняя фотография была сделана спустя два года после того, как был написан этот дневник о Камбодже. Моя жизнь изменилась; эта страна Камбоджа произвела на меня огромное впечатление. На этой фотографии я и мой сын Мэддокс снова возвращаемся домой, в Камбоджу. Сарат и я организовали заповедник для животных. Мы стали близкими друзьями с жертвами противопехотных мин, с которыми он познакомил меня, и сейчас мы соседи. Наши дети играют вместе. Мы также вместе работаем над жилищным и сельскохозяйственным проектами.

Для меня была большая честь, когда год назад Мун и его жена, которые поженились в лагере беженцев в Таиланде, захотели пожениться вновь, теперь на Родине, и пригласили меня на свадьбу. Они потеряли своих родителей во время войны, поэтому Мун попросил меня представлять его мать на церемонии. Я была чрезвычайно горда этим. Это был замечательный день. Традиционные камбоджийские свадьбы очень долгие и шумные. Даже в самых бедных деревнях они тщательно планируют и соблюдают все традиции.

Одна часть обряда заключалась в том, что руки жениха и невесты связывались веревкой. Мун, который потерял руки ниже локтя и зрение от взрыва мины, на протяжении всей церемонии был в солнечных очках. Когда они пытались привязать веревкой ее руки к верхним частям его рук, дети улыбались и смеялись.

Преодолев грусть и сожаления, эти люди принимают реальность своей жизни и благодарны за все, что имеют. Я горжусь тем, что могу назвать их друзьями, и буду стремиться воспитать своего сына с чувством гордости за его народ — с чувством гордости быть камбоджийцем.

Миссия в Пакистан

С 17 по 26 августа 2001 года от лица УВКБ ООН я совершила поездку в Пакистан, где посетила афганских беженцев.

Пятница, 17 августа

Завтра я еду в Пакистан. Я специально ждала до настоящего момента, чтобы начать тщательно читать о ситуации там и в соседнем Афганистане, откуда бегут люди, спасая свои жизни.

Мне немного стыдно, что я могу закрываться от проблем мира, находясь в безопасности своего дома.

В газетах я прочла несколько статей, которые, как обычно, были сфокусированы на текущих событиях. Но они не представляют всю ситуацию в развитии, в течение многих лет. Возможно, журналистам это кажется бесполезным, а что еще хуже, не очень важным.

Это недостойно новостей. События прошлого становятся просто фактами. Они становятся общепринятыми ситуациями, в которых люди этих стран просто будут жить и умирать от ужасных условий. Я прочитала о том, что практически два миллиона людей живут в Пакистане как беженцы. Они расположились вдоль границ и живут, ничего не имея.

Я прочитала о немецкой благотворительной организации, двадцать четыре сотрудника которой были арестованы Талибаном. Их офис был закрыт. Они приехали помогать беженцам, а их обвинили в распространении христианства.

Их судьбы до сих пор неизвестны. Надеюсь, что к тому времени, когда кто-нибудь будет читать эти строки, никто из них не погибнет.

Это первое путешествие, в которое мне разрешили взять с собой видеокамеру. Мне немного неловко, но я знаю, что во время моих миссий мне приходится видеть так много, что часто это сложно выразить на бумаге. Я не могу объяснить людям, что значит сидеть рядом с изувеченными мужчинами и брошенными женщинами, детьми, голодными и отчаянно пытающимися выжить, продолжающими бороться за свое достоинство, цельность и надежды. Это люди, о которых ты плачешь и которые дают тебе силу.

Они знают о жизни что-то такое, что многие из нас, слава Богу, никогда не узнают, они обращают внимание на многие вещи, о которых мы забыли. Они знают, за что быть благодарными. Они ценят важность семьи и общества. Они понимают силу веры и любви.

Я продолжаю читать статистику. Я не знаю, что писать и что я чувствую. Я не могу поверить в то, что читаю. Я не понимаю, как подобное еще возможно в наши дни.

Суббота, 18 августа

В 8.40 вечера я улетаю в Лондон, лететь 10 часов. Затем двухчасовая остановка.

Потом я вылетаю в Исламабад, до которого восемь с половиной часов.

Понедельник, 20 августа

Когда мы начали заходить на посадку в Исламабаде, из громкоговорителей раздалось: «Примите антималярийные таблетки. Фотографировать Пакистан с воздуха не разрешается. Провозить алкоголь запрещено».

В 4.32 утра я прибыла в Пакистан, в Исламабад.

Около ворот я встретила Юсуфа Хассана, сотрудника УВКБ ООН. Он родом из Кении.

Он сказал: «Мужчины не будут пожимать женщинам руку. Лучше не встречаться глазами с мужчинами. Накройте голову платком. Потом мы купим вам необходимые вещи. Нас постоянно будет сопровождать вооруженный сотрудник в штатском».

Услышав все это, я спрашиваю себя, почему я здесь?

Но я знаю ответ:

• чтобы лучше понимать;

• чтобы затем рассказать об этом людям.

Мне сказали, что УВКБ ООН в Афганистане не разрешается нанимать на работу женщин, и мужчинам позволен лишь минимальный контакт с женщинами, поэтому оказывать помощь бывает затруднительно. Сейчас я со всех сторон окружена охраной, которая очень обходительна со мной, а еще я ношу паранджу. Я уже чувствую себя неловко, будто принцесса под охраной. Я привыкла к свободе и независимости.

Офис УВКБ ООН в Исламабаде

Все в офисе УВКБ ООН добры и гостеприимны.

Когда-то это здание было складом. Здесь очень много картотек, наполненных документами беженцев.

На сегодняшний день Пакистан дал убежище более двум миллионам афганских беженцев. Мне сказали то, о чем необходимо помнить: «Здесь нет мира».

Многие беженцы прожили здесь двадцать два года с тех пор, как Россия захватила Афганистан в 1979 году. Сзади здание офиса было обнесено заборами с колючей проволокой. Всего нескольким людям разрешено заходить внутрь. Я вижу очереди женщин. Мужчины кричат. Я встретилась глазами с каким-то мужчиной. Он выглядел сердитым. Мне сказали, что бывали случаи, когда разгневанные, разочарованные беженцы врывались внутрь.

Работники УВКБ ООН могут провести только около двадцати консультаций за день. Это кажется очень мало, если думать о 2,3 миллионах беженцев в этой стране, но спасение двадцати семей ежедневно — это огромное достижение.

Регистрация — это первый шаг к тому, чтобы быть услышанным, это шанс на лучшую жизнь.

10 утра

Меня отвезли на рынок, чтобы докупить недостающую одежду, которую я должна носить во время своего пребывания здесь.

Одна из работ, которой занимаются дети беженцев здесь и по всему миру, — собирать мусор и пытаться найти какие-то полезные вещи.

Мы остановились на красный свет. Мальчик лет шести постучал в мое окно. Он показывает мне свою ампутированную руку. Мне сказали, чтобы я не давала денег просящим. По возможности лучше вместо денег давать еду. Многих детей родители заставляют просить милостыню.

Около половины населения Пакистана каждый вечер ложатся спать голодными.

Этот ребенок смотрит мне прямо в глаза. Он всего лишь маленький мальчик. Я передала ему что-то через окно. На следующем светофоре к нашей машине подошел пожилой мужчина на костылях.

Очень жарко и людно. Я не представляю, как люди работают при такой жаре целый день, и все, кажется, работают очень усердно.

При такой сильной жаре мне сложно представить, как можно обойтись без воды, но при засухе, продолжающейся здесь и в соседних районах, доступ к воде очень ограничен.

У Пакистана очень декоративная культура. Здесь очень красивые автобусы с причудливыми и яркими украшениями. К ним прикреплены железные скульптуры и различные рисунки. Одежда намного более яркая, чем я себе представляла, хотя они очень скромны: одежда прячет почти все тело.

Первое место, где мы остановились, был обувной магазин.

Вся обувь ручной работы, и я до сих пор не уверена, где правый, где левый туфель. Некоторые туфли выглядят в точности, как из сказки об Аладдине, с украшенными золотом и серебром мысками, загнутыми кверху.

Когда мы вернулись, я приняла душ и попыталась вздремнуть, но не смогла. Я попыталась позвонить домой, но никто не взял трубку.

Я узнала, что ни одна страна в мире не хочет оказывать Афганистану помощь из-за Талибана, и очень трудно провезти гуманитарную помощь через кордоны Талибана тем невинным жителям, которые отчаянно в ней нуждаются. Не говоря о потребностях в еде и воде, здесь существуют противопехотные

мины, которые необходимо обезвреживать. Страдает так много невинных людей.

Я встретилась с Аббас Сарфраз Ханом, министром по делам беженцев.

Я не знала, куда мне сесть, надо ли покрывать голову или нет? Я слышала, что у него достаточно западное мировоззрение. Он учился в колледже в Бостоне, жил в Лондоне. Он предложил мне напитки. Я ответила: «Нет, Спасибо». Монсеррат, сотрудник УВКБ ООН, шепнула мне: «Закажи что-нибудь, например, зеленый чай».

Министр говорил о:

• поколениях без образования;

• недостатке информации и неполном освещении событий западной прессой;

• недостаточности финансирования.

Перед отъездом я почувствовала облегчение, когда он пожал мне руку. Я до последнего момента не была уверена, нормально ли прошла наша встреча.

Как типичная американка, я думаю, что не была воспитана так, чтобы всерьез задумываться о том, что происходит за пределами моей страны, чтобы пытаться узнать и ценить культуры других стран. И Америка не одинока этом, многие страны не обращают внимания на другие культуры.

12:30 дня

Мы едем в приют для пакистанских и афганских женщин. Здесь они также могут получить консультацию в случаях домашнего насилия.

Палатки представляют собой вбитые палки с натянутым сверху полотном. Эти временные постройки используются всеми бедными людьми, не только беженцами. В приюте меня провели в комнату, полную женщин, все они были без туфель и с покрытыми головами.

Мы посетили Сач [11]. Это группа женщин, главной целью которых является борьба за перемены. На урду Сач означает «правда». Пока в Сач обучается 100 женщин. Каждая из них начала свой маленький бизнес на воскресных рынках.

Я спросила их: «Вы хотите переселиться обратно в Афганистан?»

Одна из женщин ответила: «Мы хотим быть там, где мы свободны и в безопасности. Вот так».

Другая вручила мне фотографию: «Это мой сын, которого убили талибы».

Женщина с дрожащим голосом и заплаканными глазами вышла из толпы. Ее имя не называю, как и обещала. Она боится за свою безопасность. Ее брат был жестоко избит талибами и теперь не может кормить свою семью, потому что он калека.

Другая женщина показала мне бумагу, и мне объяснили, что это счет на четыре пистолета. Это налог, который она должна была заплатить для поддержания военной экономики. Она продала все, что имела, чтобы отдать Талибану, но все равно этого не хватило, чтобы оплатить четыре пистолета.

Одна женщина, которая работает доктором, сказала, что однажды ночью талибы пришли в ее дом. Ей удалось спастись, убежав к соседям, но ее отца арестовали и посадили в тюрьму. Она осталась одна и даже не знает, жив ли еще ее отец. Она исповедует христианство, что дает ей еще один повод бояться Талибана. Если они узнают об этом, то, скорее всего, убьют ее. Ее до сих пор разыскивают. Она вынуждена часто переезжать с места на место, чтобы они не нашли ее. Несмотря на то, что она в Пакистане, она до сих пор в опасности. Сотрудник УВКБ ООН спрашивает, почему она не обратилась к ним. Они хотят встретиться с ней.

Мужчину пригласили войти. Он хочет что-то рассказать. Он привел свою жену и детей в этот центр, потому что они истощены. Сам мужчина тоже очень ослаблен. У него милые

глаза. Но они светло-желтого цвета — он болен. Он был жестоко избит талибами. Его ноги частично отнялись, а почки сильно повреждены.

Городские беженцы

Мы едем в район трущоб, находящийся рядом с автобусным вокзалом и рынком фруктов. Здесь живут бедные люди, которые живут за счет выброшенной, в основном пропавшей, пищи.

Это ужасный район, где встречается сексуальная коммерческая эксплуатация детей. Мне сказали, что дети продают себя по цене, равной пяти центам.

Организация Сач работает здесь, чтобы помогать детям. Возраст многих детей около шести лет. Их вовлекают в сексуальную торговлю и другие унизительные дела.

Здесь существует много программ, которые обучают правам детей.

Одна женщина сказала мне, что у каждой матери от шести до двенадцати детей, которые работают в сексуальной торговле. Эти родители в отчаянии. У этих детей нет школы, нет детства, нет защиты.

Я пошла прогуляться. Грязные дорожки между глиняными домами.

Я увидела девочку лет четырех, которая несла на голове большую поленницу. Так много других маленьких девочек, которые носят своих младших братьев на руках. Я заметила, что у некоторых девочек были явные кожные болезни. Я прошла мимо школьной комнаты, в которой не было света. В этой глиняной деревне электричества нет нигде.

Здесь никому не разрешается даже говорить о СПИДе. Разговор о СПИДе здесь табу. Различные организации пытаются представить информацию о СПИДе и дать какие-то представления о половом воспитании.

Реабилитационный и обучающий центр Сач

Это центр, куда приходят женщины, которых будут переселять. Кто-то говорит, что им везет. Их выбрали, потому что они подверглись серьезным сексуальным оскорблениям и потому, что у них нет мужей.

Они получают медицинскую помощь в течение 24 часов. Этот центр охраняется охранной компанией Бринкс.

Женщины, ведущие эти программы, очень сильные. В них кидали камни, когда они предлагали построить школу. Комнаты очень маленькие. На одной маленькой кровати могут поместиться двое или трое детей со своими матерями, одна женщина, с которой я встретилась, получает психиатрическую помощь. Она была изнасилована и жестоко избита талибами. Она всего не помнит. У нее трое детей.

Я заметила на стене постер о проституции, на котором были изображены пропавшие женщины и дети.

В ЮЖНОЙ АЗИИ НА ТЕРРИТОРИИ ИНДИИ, ПАКИСТАНА И ФИЛИППИН ПРОПАЛО 74 МИЛЛИОНА ЖЕНЩИН

На другом постере Организации сестер Камбоджи написано:

ЖЕНЩИНАМ НЕ МЕСТО В ТЮРЬМАХ

Восемьдесят процентов заключенных женщин сидят в тюрьме из-за преступлений, совершенных из-за бедности. Девяносто процентов коренных жительниц и 82 процента всех женщин, находящихся в тюрьмах — это оставшиеся живых после инцеста, насилия или физических нападок.

Фраза, написанная на доске: ЕСЛИ КАЖДЫЙ ИЗ НАС СДЕЛАЕТ НЕМНОГО, ТО ВСЕ ВМЕСТЕ МЫ СМОЖЕМ СДЕЛАТЬ МНОГОЕ.

Некоторые из этих семей переселят в США, но мы должны попытаться сделать их ожидания более реалистичными, прежде чем они попытаются начать новую жизнь. Я смотрю на маленькие детские лица. Будут ли им рады? Как их будут называть? Если вы или я увидим их в следующем месяце на улицах США, подумаем ли мы хоть на секунду, поймем ли мы, через что им, возможно, довелось пройти?

7 вечера

Мы ужинали дома у Монсеррат. Там было около пятнадцати людей из УВКБ ООН, американского посольства, министерства Пакистана и женщина из BBC. Когда я присутствую на ужинах, подобных этому, они не перестают меня удивлять. Они всегда вдохновляющие. Все, о чем все говорят ночь напролет, это о глобальных проблемах, гуманитарных нуждах и т. д. Они делятся информацией, обсуждают возможные решения и планируют способы совместного сотрудничества. Они собрались вместе с одним желанием — помочь нуждающимся, положить конец их страданиям. Были и тяжелые моменты в разговоре, и моменты, когда все смеялись. Иногда я была напугана, когда все говорили о политике, а я молчала. Я сегодня узнала, что официальные данные и личный опыт каждого, кто пытается понять, одинаково важны. Также я осознала, что во время разговора я научилась гораздо большему, чем думала. Но осмыслить все это никто не сможет:

• что не со всеми людьми обращаются одинаково;

• что люди вынуждены ложиться спать голодными;

• что миллионы людей испытывают гонения, нарушаются права человека и происходят конфликты.

Никто не может осмыслить этого, потому что это не имеет никакого смысла.

Вторник, 21 августа — 6 утра. По дороге в лагерь Джалозай

Мне сказали, что я могу поехать вместе с американской делегацией. Зачем они приехали сюда? Они сами хотят все увидеть и принять решение, что необходимо сделать и какие программы нужно продолжать.

Мне сказали, что, вероятно, их визит связан с оценкой ситуации для принятия решения о предоставлении части беженцев возможности переезда в США. На сегодняшний день ежегодная квота составляет 1 000 человек. Это число может быть удвоено, по крайней мере, на это надеются. Возможно, многие из моих сограждан считают, что 1000 человек — это слишком много, но это практически ничто, если говорить о миллионах, находящихся в опасности.

Каков ответ?

Где их родина?

Ответ всегда таков: необходим мир дома, на их родной земле. Иногда это кажется невозможным. Пакистан и Иран, очень бедные страны, в которых миллионы беженцев живут уже в течение двадцати лет.

Мне объяснили, что необходимо сделать две вещи, чтобы помочь людям.

1. Увеличить разрешенное число депортируемых лиц в страны, предоставляющие убежище.

2. Сотрудникам необходимо финансирование, поддержка, рабочая сила для оказания помощи и оформления документов беженцев.

Из окна я вижу мечети. Они стоят посреди развалин, самодельных палаток и грязных зданий.

Быки и коровы вдоль дороги относительно толстые по сравнению с теми, которых я видела в других странах.

Разрисованные автобусы ездят по улицам. Я по другому представляла себе одежду мужчин и женщин. В ней есть что-то элегантное. Некоторые одежды имеют очень живые цвета, с маленькими вшитыми зеркальцами для украшения. Однако некоторые выглядят все-таки, как униформа.

Дороги очень гладкие. Мне сказали, что здесь хорошая инфраструктура. Мы едем мимо запряженных лошадьми телег. Лошади кажутся маленькими и тощими. Интересно, расстроятся ли борцы за права животных, скорее всего, просто огорчатся. Вообще, это странно, что некоторые люди больше заботятся о

животных, чем о бедной семье, живущей по соседству.

Я пишу это, сидя одна в машине. Остальные едут позади в грузовике УВКБ ООН. Нас остановила полиция и сказала, что мы превысили скорость, хотя не было никаких знаков, ограничивающих скорость, и все машины, которые проезжают мимо нас, едут куда быстрее.

Здесь полиция не останавливается позади тебя на обочине. Они стоят на краю дороги и просто жезлом приказывают остановиться. Я не хотела делать заметки, пока они разговаривали с водителями. Другие полицейские внимательно наблюдали за нами. Я не знаю, чего они хотели. Напугать нас? Или они хотели денег? Был длинный тяжелый разговор, который, кажется, ни к чему не привел. Двадцать минут спустя мы снова были в пути. По мере приближения к лагерю беженцев Шэмшату я вижу много женщин, закрытых одеждой полностью с ног до головы с одной лишь открытой полоской для глаз.

Мы остановились около небольшого рынка в «маленьком Кабуле» (уголок Афганистана). Предприимчивые люди торгуют здесь уже в течение двадцати лет.

Что- то волшебное есть в этих людях. У меня такое впечатление, что я перенеслась в прошлое, это напоминает библейские времена, только с пыльными кучами стеклянных бутылок и с грузовиками на современных колесах и с клаксонами.

Лагерь Джалозай. Инструктаж на месте

УВКБ ООН основало и финансировало этот лагерь.

Организация «Врачи без границ» находится здесь, чтобы оказывать медицинскую помощь.

Служба католической помощи (CRS), неправительственная организация, которая также находится здесь для оказания медицинской помощи и улучшения санитарных условий (они построили здесь более 1000 туалетных комнат). Они также предоставляют беженцам шерстяные стеганые одеяла и матрацы.

Существует две главных причины, почему афганцы бегут из своей страны:

1. На севере Афганистана идет война между Талибаном и Северным Альянсом.

2. Трехлетняя засуха.

Мы едем через лагерь туда, где мы сможем поговорить с людьми.

Только что мы проехали мимо нескольких маленьких мальчиков. Они улыбаются и приветственно машут нашим грузовикам. Все они узнают ООН, которая здесь уже в течение двадцати лет.

Многие женщины полностью скрыты одеждами. Они могут тебя видеть, а ты их нет. Так одеты даже маленькие девочки, у них тоже только маленькая полоска для глаз. Это заставляет меня сосредоточиться на их взглядах. Во многих глазах читается любопытство, но остальные просто пристально смотрят. Я немного побаиваюсь этих людей, даже детей. Они умные, борющиеся за существование, с сильной верой.

Мы проезжаем маленькие глиняные дома, которым десять — пятнадцать лет.

Внезапно взору открывается море палаток, тряпичных, брезентовых и пластмассовых. Я думаю о цыганах.

Вся площадь ужасно грязная, и здесь очень жарко.

Практически негде укрыться от солнца. Грузовики здесь просто жизненно необходимы. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) активно работает здесь. Но 18 июля от жажды (125 градусов по Фаренгейту) и обезвоживания здесь погибло много людей.

У маленького мальчика в очереди красные пятна и болячки по всему лицу. Сегодня день вакцинации от полиомиелита. Многие дети ждут в палатках. По краям большой палатки стоят старые военные раскладушки, облепленные мухами. В этом районе у местных больниц не так уж много возможностей. Они не

берутся за лечение серьезных болезней. Но центр здоровья открыт двадцать четыре часа в сутки.

«За последнее время ситуация с поставками воды улучшилась. Стало меньше случаев диареи и дизентерии. Установлен контроль за туберкулезом. Но даже когда все кажется под контролем, всегда происходит что-то непредвиденное».

Здесь начала распространяться болезнь, называемая: лейшманиоз, которая приводит к разрушению тела. К счастью, они вовремя получили лекарства из Женевы.

Больница существует в лагере уже девять месяцев, но только в прошлом месяце они получили генератор.

Были введены ограничения рождаемости и практика планирования семьи. Контроль рождаемости практически невозможен даже в городах. Удивительно, что они добились успеха в лагерях.

Я встретила ребенка, чья мать мне сказала, что ему четыре года, но выглядел он совсем как младенец. Я вижу, что он совсем мальчик. Но черты его лица совсем не детские. Он стал таким из-за долгих лет недоедания. Его лечат. Я оглядываюсь вокруг и вижу так много детей, которым необходим медицинский уход.

Через час я вернулась в машину. Те же люди, которые собрались вокруг нас, когда мы въезжали в лагерь, сейчас смотрели, как мы уезжаем. Там так много больных детей. Я вижу маленького мальчика около пяти лет с нарывами на лице, четыре из которых размером в мяч для гольфа. Доктор, который собирался ехать с нами в следующий район, остался здесь, чтобы немедленно его прооперировать.

Правительство Пакистана не разрешает строительство никаких капитальных сооружений. Они говорят, что уже сыты по горло всеми этими трудностями. Я посетила школу. Дети выкрикивают алфавит. Все ученики — мальчики. Девочки занимаются на других циновках. Они выкрикивают числа.

Многие дети кашляют, у многих детей потница. Я встретила маленькую девочку в старом розовом потрепанном платьице. Мне перевели, что она сказала. Она говорила с мудростью сорокалетней женщины.

«Они обстреляли мой дом. Они напали на мой дом с пистолетами и гранатами. Они отрезали ноги моему дяде и убили двух моих кузенов».

Думаю, что это Талибан, но не спрашиваю об этом.

Вместо этого я спрашиваю, чего она хочет. Какие у нее нужды?

«Я хочу мира. Я хочу вернуться в Афганистан. Я хочу домой».

Я спросила, сколько она уже здесь.

«Девять месяцев. Живу под пластиковой крышей».

Меня отвезли в отборочный центр регистрации. Здесь много детей, лежащих на земле и пытающихся найти тень. Мужчины в беретах с винтовками в руках охраняют местность. Мы находимся в пограничной области прямо на афгано-пакистанской границе. Я встретила очень милую ирландскую женщину, она работает с УВКБ ООН адвокатом беженцев.

Какую-то женщину привели в комнату во время нашего совещания. Она потеряла идентификационные документы. Единственным документом, подтверждавшим ее личность, была карточка на еду. У нее нет семьи. Мне сказали, что УВКБ ООН попытается получить дополнительную информацию, чтобы восстановить идентификационную карточку. Регистрация идет уже третью неделю. Это очень организованная программа. Они уже проверили 7000 семей из общего числа 42 000. Всех беженцев спрашивают, хотели бы они быть репатриированы. Если да, та им окажут помощь в возвращении в Афганистан, дадут мешок с 150 килограммами пшеницы, а также деньги в сумме 90 долларов.

Хотя я до сих пар не понимаю, как можно предлагать репатриацию, когда существует Талибан, идет война на севере, а земля усеяна противопехотными минами. Афганистан — одна из двух самых опасных стран мира па количеству противопехотных мин.

Сейчас я нахожусь в комнате, где консультируют одну из женщин. Она очень хочет вернуться в Афганистан, куда уже вернулись ее родственники. Она знает, что там идет война, но все же она говорит: «Что я буду здесь делать одна?»

Ее паранджа поднята, но я думаю, эта не страшно, ведь она находится среди женщин.

Из зарегистрированных 7000 за последние три недели толька шесть семей решили вернуться в Афганистан.

Новоприбывших проверяют ежедневно. Если их признают беженцами, то отправят в следующий лагерь. Этот лагерь, Шэмшату, был основан в 1998 году, и тогда в нем была около 300 семей. Сейчас в нем живет около 3000 семей.

Когда мы возвращались, к нам подошел ребенок без сопровождения. Ему около десяти лет; ан сказал, что у него еще есть младшие сестра и брат. В новом Джалозае очень много вдов и сирот.

Здесь очень жарко. Я хочу снять все свае снаряжение. Мне предложили маленький бумажный стаканчик воды.

Я не прошу еще. Мы выезжаем через небольшую толпу людей, человек восемьдесят, которые собрались посмотреть, как мы уезжаем. Их лица красные от жары.

Организация «Международное убежище» (МУ)

Это та организация, 24 сотрудника которой были взяты в плен па обвинению в распространении христианства: шестнадцать местных афганцев и восемь международных гуманитарных работников.

МУ обеспечивает беженцев питанием.

Я видела медцентр, центр отдыха и центр раздачи пищи. У них также есть детская группа, в которой дети учат детей.

Я встретила Питера, сотрудника МТ в этом лагере. Он австралиец. Он представил меня своим подопечным, мальчикам и девочкам.

Также я встретилась с Шайфулахом — эта десятилетний мальчик с красивым лицам, чистым и добрым. Я задала ему несколько вопросов.

«Ты учишь своих братьев и сестер?»

«Да, семья на первом месте».

«У тебя есть что, сказать миру?»

Он застеснялся и, прежде чем ответить, хихикнул, пряча улыбку. Затем он поднял глаза и сказал: «Мир а Афганистане».

Мировая продовольственная программа (МПП) раздает сегодня в лагере муку, чечевицу и масло. Беженцы получают это раз в месяц. Я нахожусь в офисе медцентра, это основной пункт медицинской помощи в лагере.

Дни вакцинации от полиомиелита с 21 по 23 для всех детей младше пяти лет. В полевых условиях сегодня работают три команды. Здесь функционируют пять основных центров охраны здоровья, основанных УВКБ ООН. Вакцины поставляет ЮНИСЕФ.

Центр профессионального обучения

Профессиональное обучение предлагается в основном для покалеченных. На каждой палатке надписи: каменная кладка, плотницкое дело, сапожное ремесло и лудильное дело.

Двое детей изучают сапожное ремесло. Их отец потерял руку, подорвавшись на мине, поэтому дети должны получить профессию, чтобы помогать семье.

Я хотела купить пару обуви, но они настояли на том, чтобы подарить ее мне. Потом я спросила: «А сколько стоит пара для моего мужа?»

Они ответили: «Мы здесь ничего не продаем за деньги. Мы делаем это все для гуманитарных дел. Это и есть плата».

Эти программы спонсируются УВКБ ООН через Джамалуддин Афган (известная афганская неправительственная организация). Срок обучения на этих курсах составляет шесть месяцев.

Затем мы направляемся на встречу с женщинами и детьми в центр проведения общественных мероприятий. Мужчинам, путешествующим с нами, не разрешили войти в комнату.

Клуб молодежи и Женский комитет социального обеспечения

«Ассаламу алейкум». Я никогда не видела такие счастливые лица. Все улыбаются. Женщины звали меня «Анджелина Биби». (Слово «Биби» означает уважение к женщине).

Они обсуждают проблемы насилия в семье и говорят о том, как можно решить эти проблемы. Они изучают свои человеческие права, права женщин и детей.

Год назад они жили в пластиковых палатках и у них было гораздо больше проблем, чем сейчас. Их положение улучшилось. Они построили маленькие глиняные хижины. Они шутят. Но они беспокоятся: поставки пищи подчас задерживаются. «Мы доходим до отчаяния: ведь у нас большие семьи».

Я встретилась с двумя молодыми матерьми и их детьми. Один ребенок умственно отсталый. Другой болен. Как и большинство матерей во всем мире, они очень любят и заботятся о своих детях. Из-за того, что здесь происходит, они очень беспокоятся за свои семьи. Они напуганы.

У больной девочки зудящая сыпь. У нее большие карие глаза, которыми она смотрит на меня не отрываясь. Мать ребенка поставила ее на ноги и показала мне нарывы на ее спине — это от жары.

Они рассказали мне о шестилетней девочке, которую изнасиловали, задушили и спрятали в туалете. Ее мать не хотела рассказывать полиции — боялась неприятностей. Я спросила у женщины, есть ли что-то, что она хочет сказать Америке.

«Мы хотим мира в Афганистане».

Другая женщина сказала мне, что ее муж умер от теплового удара. Она говорила со мной очень решительно, глядя мне в лицо. Мне перевели ее слова. «Что бы вы сделали, если бы это случилось с вами? Что бы вы сделали? Наша жизнь кончена. Она ушла. У наших детей нет будущего, но у них должно быть будущее».

Услышав это, я не смогла удержать слез. Затем она попросила меня: «Пожалуйста, помните нас и наши семьи».

Я иду в группу молодых девушек. Четыре девушки вручают мне украшенный бисером значок, ленточку для волос и вышитое изделие. Это традиционный обычай приветствовать гостей. Это культура Афганистана.

Как и во всех других лагерях, здесь очень жарко. Здесь нет электричества и охрана лагеря не очень хорошая.

Девушки не получают какого-то профессионального обучения — только основные навыки, которым они потом обучают друг друга.

Но они хотят учиться. Они очень хотят больше учиться, но в основном они просто сидят и вышивают, шьют и изготавливают ювелирные украшения (бесплатно). Они хотят получить работу, чтобы купить больше еды для своих семей. Они хотят работать, чтобы чувствовать, что они делают что-то полезное, чтобы изменить жизнь к лучшему.

Но прежде программ по обеспечению жилья, раздачи еды, профессионального обучения и заботы о детях необходимо обеспечить личную безопасность беженцев. УВКБ ООН предоставляет ту защиту, в которой они нуждаются. Необходимо увеличить финансирование и уровень осведомленности мирового сообщества.

3 часа дня

Мы зарегистрировались в местной гостинице. Мистер Ахмад, мой охранник, настоял на том, чтобы войти в комнату первым и проверить ее. Он осмотрел все вокруг и выглянул из окна. «Все в порядке».

Мистер Ахмад сопровождает меня с момента моего приезда. Он сохраняет почтительную дистанцию, за исключением тех случаев, когда необходима защита. Я не вижу или не понимаю, что он замечает, когда осматривает местность, в которой мы находимся. Вчера в самом центре рынка он внезапно оттолкнул меня назад к машине. Я никогда не спрашиваю, почему. Я не задаю ему вопросов. Я знаю, что здесь есть много того, чего я не понимаю. И как человек со стороны, я многого не вижу.

«Если кто-нибудь постучит в вашу дверь, не отвечайте. Позвоните мне. Я в комнате напротив».

У нас был обед с местными сотрудниками УВКБ ООН. Человек в форме и с пистолетом открыл дверь. Прежде чем войти в комнату, все сняли обувь. Мы сидели на подушках.

Несмотря на маленький кондиционер и дополнительный вентилятор, было очень жарко. Мне сказали, что это не самый жаркий день. Подчас мне казалось, что я умру от жары. Теперь я могу понять, когда говорят, что люди умирают от жары.

Зимой в пластиковых палатках многие, особенно дети, ночью замерзают до смерти. А в жаркие дни эти палатки превращаются в духовки. Это так ужасно, не могу думать об этом.

Среда, 22 августа

Сегодня утром я проснулась в 6.30 утра.

Первая остановка в офисе УВКБ ООН в городе Пешавар для краткой пресс-конференции, в ходе которой я узнала, что две трети беженцев живут здесь уже двадцать лет, для одного из наиболее больших лагерей в этом районе срок 30 июня был установлен крайней датой для выселения.

После переговоров между УВКБ ООН и правительством Пакистана дата выселения была перенесена на 30 сентября. Они предоставляли приют миллионам беженцем в течение двадцати лет, а теперь хотят выгнать их за пределы своих границ, на мины Талибана.

Дается время для отбора, чтобы попытаться спасти как можно больше беженцев от депортации и найти для них места.

УВКБ ООН просил отсрочку для того, чтобы спасти как можно больше беженцев от депортации и найти альтернативные варианты размещения.

На столе я заметила пачки бланков с черно-белыми фотографиями, как для паспорта.

Рой Херманн провел меня в другие комнаты. Еще очень рано, но все кажутся очень занятыми, и я не хочу отнимать у них время.

Мы должны были лететь в Кветту в 4 часа дня, но нам сказали, что все зависит от погоды. Если будет дождь, то мы вряд ли полетим.

Офис достаточно скромный, комнаты наполнены папками и книгами. Есть вентиляторы, но все равно очень жарко. В день поступает около ста заявлений, но только четыре или пять из них могут быть рассмотрены. Необходима помощь. Объемы финансирования УВКБ ООН были сокращены.

Центр для беспризорников и нищих женщин

УВКБ ООН может позаботиться только о беженцах, находящихся в лагерях. В городских районах нет никакой правительственной помощи. Благодаря помощи НПО и местных организаций субсидируются городские зоны. УВКБ ООН поддерживает несколько НПО.

Я вижу двадцать детей, сидящих на полу: мальчики и девочки вперемешку. Это неформальная школа.

В другой комнате занимаются дети в языковом классе, они учат дари. Мой переводчик сказал мне: «Они хотят спеть песню, чтобы поприветствовать вас». Эти дети так бедны, но все же они улыбаются и поют. Их лица очень серьезные, сосредоточенные.

У некоторых детей очень серьезные шрамы. Они все скучают по Афганистану и хотят вернуться.

Когда эти дети пришли сюда, они все были истощены, у всех был авитаминоз. Четырнадцатилетние мальчики выглядят намного младше. Они изучают плотницкое дело и электросварку. Но они хотят быть граверами и докторами.

Учитель сказал: «У них большие надежды».

Лагерь Насир Баг

Скоро этих людей заставят покинуть лагерь. УВКБ ООН договорилось о том, что ему предоставят время для того, чтобы выбрать наиболее беззащитных беженцев и взять их под свою опеку.

Беженцы в центре отбора, около ста человек, ждут снаружи. Они знают о ситуации и беспокоятся.

Входя внутрь, я опустила глаза не потому, что я чувствую себя под угрозой или неудобно из-за того, что я женщина, но потому, что я чувствую себя беспомощной, и мне стыдно. Многие женщины хотят, чтобы в консультационной комнате присутствовали только женщины. Они отчаянно хотят быть зарегистрированными вместе со своей группой. Они хотят быть все вместе, если им придется все начать заново в других местах.

Никто не хочет быть в одиночестве.

Школа в лагере

Сегодня здесь нет детей. Я встретилась с четырьмя учителями (одним мужчиной и тремя женщинами). Одна из женщин держала ребенка. Она преподает здесь уже восемь лет. Так много труда было вложено в этот лагерь в течение многих лет.

Для детей на стенах висят карты. В целом в этой школе двадцать учителей. Здесь учится 3000 студентов (1000 мальчиков и 2000 девочек). Это одна из самых больших школ для афганских беженок.

Я спросила их, что они думают по поводу сентября (месяц, когда большая часть их лагеря будет снесена). До последнего дня, говорят они, лучше продолжать ходить в школу. Они будут оставаться здесь так долго, как смогут. Они надеются, что в скором времени будут созданы такие школы, которые в случае эвакуации можно было бы переместить вместе с беженцами. Комната, в которой мы сейчас сидим, находится в районе, который подлежит расформированию. Потом я посетила маленький домик в лагере.

Эти женщины не хотят быть репатриированы обратно с Афганистан. Там им не позволят учиться. Трудоустройство женщин также запрещено. Но больше всего они боятся Талибана, боятся за свои семьи.

Я стою в стороне и смотрю. Как я могу говорить с этими людьми? Я не знаю ничего о голоде и войне. В углу я вижу двух маленьких детишек, которые делают ковер. Мать объясняет, что если бы они были дома, они ходили бы в детский сад. Вы можете себе представить, каково это родителю заставлять своих маленьких детей работать? Они смотрят на то, как заболевают их дети в лагерях от огромного количества пыли. Практически у всех детей аллергии и серьезный кашель.

Они хотят, чтобы мы знали, что они очень благодарны правительству Пакистана за гостеприимство. Я встретилась с другой женщиной и с четырьмя ее маленькими детьми. Она работает в медицинском центре за 40 долларов в месяц. Она не хочет возвращаться в Афганистан. Там ей не разрешат работать.

Женщины пригласили остаться нас на ланч. Но если бы мы остались, мы бы отняли у них часть их еды. Мы сказали: «Спасибо, но у нас строгое расписание и, к сожалению, у нас нет времени на ланч». Пока мы медленно уезжали, несколько маленьких детей собрались вокруг машины.

Они махали нам и говорили: «Пока!»

Одна маленькая девочка вытерла грязь с окна, чтобы

заглянуть внутрь. Она мне улыбается. Я прислонила руку к стеклу, а она прислонила свою руку с другой стороны — палец к пальцу моей руки.

Я чувствую, что должна дать им что-то, но у меня нет ничего, чтобы дать им всем. У меня есть три браслета и шарф, но, думая об этом, я понимаю, что они не ждут и не просят, чтобы я им что-то дала. Они просто кажутся счастливыми. Они рады, что к ним приехал новый гость, кто-то, кто улыбается им и кто хочет немного поиграть.

Пока мы уезжали, дети бежали за машиной, босые, по грязи и камням. Одна девочка упала. Я оглянулась. С ней все в порядке. Маленький мальчик помогает ей подняться, и она улыбается.

Мы едем в район, который уже находится в процессе сноса. Все окна, двери и доски убраны. Из этого лагеря уже было репатриировано 1042 семьи.

Здесь на людей оказывали сильное давление. Некоторых силой заставляли возвращаться. Из этого района бедные пакистанцы извлекут небольшую выгоду, когда им вернут землю, которую они делили с беженцами. Более двадцати лет они делили эту землю с беженцами. Международное сообщество не должно ожидать от них, что они будут нести такое большое бремя вечно. Это очень сложная ситуация, но обе стороны — и беженцы, и принимающие — задеты войной. Беженцы очень благодарны за предоставленное убежище. Я чувствую, что мы должны не только помогать принимающим странам вести программы, а также сказать им спасибо, всем обитателям этой страны, и благодарить их и их правительство.

Но это сложно в отношении Пакистана. Многие пакистанцы чувствуют ответственность, потому что движение Талибан возникло именно здесь. Один мужчина сказал мне: «Это все равно, что растить крокодила, который вырастет для того, чтобы съесть тебя».

Мы остановились около кладбища лагеря. Кажется, что оно тянется на многие мили. Здесь есть свежие могилы. Мне сказали, что в основном они детские.

Многие семьи бежали в Пакистан, неся мертвые тела, чтобы похоронить их здесь. Разговаривая с семьями, я спросила у них, насколько тяжело получать новости о принудительной репатриации. Эти люди построили новую жизнь, а сейчас они должны срываться с места, уходить и начинать все заново. У них нет слов. Одна женщина начала плакать.

Мне сказали, что для сотрудников УВКБ ООН это тоже тяжело. Их часто заставляют сменять друг друга и не задерживаться слишком долго на одном месте. Эмоционально

трудно оставаться объективным.

Сайед Джамалуддин

Это Афганский центр организации социального обеспечения, финансируемый УВКБ ООН для профессионального обучения. Они обучают и сопровождают около 400 беженцев в год. Как только мы въехали сюда, мимо нас прошел мужчина на четырех протезах. На его руки надеты ботинки. У него тяжелая форма полиомиелита. Все покалеченные люди здесь нетрудоспособны.

Я не представляю себе, как они работают на такой ужасной жаре. Большинство мужчин и женщин здесь либо с ампутациями, либо парализованы.

Люди здесь работают усердно, и то, что они делают удивительно. Рядом с передвижной библиотекой они изготавливают обувь, оконные рамы и даже мини-печки.

После недолгого осмотра нам предложили сесть в тень и выпить содовой — пепси в стеклянных бутылках из пыльного ящика. Это было очень щедро с их стороны. Мы пьем, стараясь не уронить ни капли. Мы посетили класс двенадцатилетних мальчиков, которые сейчас учатся читать. За тем мы видим комнату с девочками, которые практикуют свои первоначальные навыки чтения. Это так приятно — видеть детей, которые получают образование.

Одна женщина сказала: «Благослови вас Господь за всю вашу помощь. Без нее у нас были бы связаны руки». Эти женщины такие сильные. Их глаза улыбаются через паранджу.

Хаджи, мужчина, который показывал нам окрестности, сказал: «Спасибо вам, и благослови вас Господь за то, что вы оставили свою удобную жизнь, чтобы приехать к нам и провести с нами время».

Мы уезжаем. Я заметила группу женщин, полностью скрытых под одеждами. Все тело и голову закрывает одежда с несколькими очень маленькими дырочками около глаз, это называется бурква.

В Иране она черная. В Пакистане обычно она белая. В Афганистане голубая. Никто не может встретиться друг с другом взглядом. Дети не могут видеть выражения лиц своих матерей.

Никакой индивидуальности, никакого «я», И к тому же очень жарко. Я купила одно из таких одеяний и примерила его. Такое впечатление, что я в клетке. Они просто ужасны.

Четверг, 23 августа

Сегодня я проснулась в 6.30 утра.

За кофе у меня был разговор с Юсуфом о недостатке финансирования и сокращениях программ.

Мы говорили, что очень жаль, что у людей сложилось неправильное представление о беженцах, и как неохотно они принимают их в свое общество.

Мы должны изменить отношение к беженцам. Они заслуживают уважения. Мы должны открыть глаза на удивительное многообразие в нашем мире.

Брифинг в Кветте

Здесь работает пятнадцать сотрудников, из них четверо иностранцы. Вероника Нигерии.

Мы обошли комнаты, представляясь друг другу и объясняя, кто чем занимается.

Шесть месяцев назад я начала путешествовать с УВКБ ООН, начала узнавать о беженцах, о людях, живущих в нищете, созданной другими людьми.

Я рассказала им о странах, которые посетила: об Афганистане, Сьерра-Леоне, Камбодже.

Я оглядела эту комнату, их усталые лица. Женщина сказала: «Мы все делаем все, что можем». Она сама из Африки и работает здесь уже почти год.

Серена работает в этом офисе с 1983 года. Для меня большая честь работать с людьми из УВКБ ООН. Это хорошие люди. Они страстно хотят помочь всем беженцам, но они очень ограничены в средствах. С каждым, уменьшением финансирования страдает так много людей. Действительность такова, что жизни зависят от каждого доллара, перечисленного в фонд УВКБ ООН.

В течение часа мы едем в лагерь беженцев под названием Нью Саранан.

Пока мы едем, я вижу верблюдов, разукрашенные автобусы, заборы из колючей проволоки и пыльных людей, которые ютятся в тени. Я узнала, что народ Афганистана занимается в основном земледелием. Они очень активные и трудолюбивые люди. Они живут непонятно где, не имея практически ничего, но им как-то удается быть творческими и артистичными людьми. На небольшой рынок они привозят свои изделия, а иногда и фрукты в телегах, запряженных ослами.

Внутри машины сотрудники УВКБ проверили, что моя дверь закрыта.

Я поняла, что я едва ли смогу увидеть здесь женщин. Мы проехали рынок. Я вижу новые районы беженцев без крова. Здесь также нет ни воды, ни тени. Я заметила мальчика с палкой и двумя маленькими козами.

Как выживают эти люди? Я вижу, что они довольствуются таким малым, но они используют все, что у них есть. Каждая вещь ценна. Я продолжаю думать о том, как много всего я трачу у себя дома и как много у меня есть из того, что мне нужно (вода, еда, одежда и так далее).

Лагерь беженцев Нью Саранан

Все лагеря в Пакистане кажутся одинаковыми. Все они состоят из:

• мира, построенного из пыли;

• грязных дорог;

• палаток и глиняных домов.

Площадь лагеря семь на восемь километров. Единственное место, где можно набрать воды, находится в семнадцати километрах отсюда. Когда я вышла из машины, везде была пыль. Я чувствовала ее у себя в горле, в глазах.

Мы остановились около медицинского центра. Он состоит из очень маленьких комнатушек со старыми столами и пыльными коврами. Здесь они занимаются физиотерапией. Основные болезни: полиомиелит, костный туберкулез, ожоги, травмы от противопехотных мин, пулевые ранения. Более 50 процентов пациентов здесь — это дети старше пяти лет.

Есть комната для женщин. Три женщины лежат на старых матах лицом вниз. У них не двигаются ноги. Они делают упражнения, пытаясь поднимать и растягивать спины.

Снаружи я встретилась с афганским мужчиной с белой бородой. Его жену ослепили, а двоих детей убили. Здесь в лагере Саранан нет средств на обучение физически неполноценных людей.

Другой мужчина рассказал мне свою историю. Он потерял руку и один глаз.

Некоторые люди жалуются и говорят, что УВКБ ООН должны больше помогать беженцам. Слышать такое сотрудникам очень тяжело. Эти люди просто не знают, что средства очень ограничены и что финансирование постоянно урезается.

Как сказал один сотрудник, «люди во всем мире могут жаловаться на нас, а правительство может критиковать наши программы, но изо дня в день мы продолжаем сталкиваться лицом к лицу с голодом, больными людьми, которые чувствуют, что от нас зависит, помогут им или нет».

Как я могу объяснить это? Может быть, это, например, как группа людей, сидящая в машине, и группа умирающих с голоду, раненных на войне людей, стоящих снаружи, у машины. И несколько людей (сотрудники УВКБ ООН, гуманитарные работники и т. д.) вылезают из машины и отдают все, что у них есть, но этого недостаточно, чтобы помочь каждому. А дальше — хуже, с голодным людьми становится трудно иметь дело. А некоторые люди никогда даже не выйдут из этой машины. Не

предпримут никаких попыток к решению проблем, они не смогут решить проблем. Они не хотят, чтобы на них напали. Когда проблемы кажутся огромными, многие люди попросту ничего не делают.

Мы продолжаем идти по лагерю.

Две женщины дают детям вакцину от полиомиелита. Один ребенок плачет. Большинство детей понимают и сами проходят вперед. Это такая простая процедура — всего несколько капель в рот. Но от этого зависит, смогут они пользоваться своими руками и ногами в будущем или нет. Без этой помощи эти люди будут еще больше страдать а будущем от болезней, которые можно было бы предотвратить.

Десять миллионов детей беженцев младше пяти лет умирают каждый год, большинство от предотвратимых болезней и от истощения. Мы вошли в комнату, где учатся молодые девушки.

Мужчины, с которыми мы путешествуем, остаются за дверью, когда мы входим.

Девушки встают. Они хотят прочесть нам «Стихотворение об образовании». Хочется плакать, видя, как эти молодые женщины хотят иметь лучшую жизнь, шанс учиться.

На доске написано несколько математических уравнений, которые я не могу решить.

Они принесли нам содовую, каждому разную, все, что у них есть. В углу я заметила маленький жестяной книжный шкаф на колесах.

Я спросила, кем они хотят стать, когда вырастут. У многих девушек один ответ: они хотят стать врачами. Одна девушка сказала: «Если мы будем очень стараться, то у нас получится».

Я спросила, что самое тяжелое в жизни в этом лагере. «Здесь не хватает работы». Довольно странно слышать это от таких молодых девушек.

«Нам нужна вода. Несмотря на то, что ее привозят грузовиками, нам все равно ее не хватает».

Через переводчика я спросила: «Вы хотите вернуться в Афганистан?» Они ответили все одновременно: «Да!»

Я спросила: «А почему вы не можете вернуться сейчас?»

«В нашей стране сейчас идет война». «Мы не можем получить там образование».

В комнату вошла пожилая женщина. Она сказала: «До появления Талибана женщины в больших городах могли получать образование». Она очень счастлива видеть классные комнаты вроде этой, несмотря на то, что это лагерь беженцев.

Некоторые из этих девушек сами также являются учителями и обучают младших детей. Пока мы прощаемся, девушки стоят и

мило улыбаются. Мы снова выходим на пыльную улицу. Жара просто невыносимая. Мы идем в переполненную маленькую комнату, где обучаются женщины постарше.

Комната примерно пятнадцать на восемь футов. Стены сделаны из глины, а потолок из прутьев. В стенах сделаны маленькие квадратные отверстия для окон. Эти женщины учатся правописанию. Одна женщина показала мне, что умеет писать свое имя. Она так счастлива. «Теперь, могу написать письмо своей семье».

Маленький мальчик заглянул в окно. У него запоминающееся лицо. Он смотрит на нас. Я думаю, может быть, его мать находится в комнате. Женщины говорят, что самая большая польза образования заключается в том, что они могут делиться своими знаниями с другими. Когда затрагиваются вопросы планирования семьи и безопасного секса, они смущаются и смеются. Им неловко говорить об этом. Одна женщин, которая недавно вышла замуж, шутливо закрывает лицо, когда ее спрашивают, что она об этом знает.

Они хотят, чтобы мы их сфотографировали. «Вы можете послать нам копию? Мы хотим, чтобы наши семьи увидели нас в школе». Разговаривать с ними было очень здорово.

Несколько минут мы стояли, прислонившись к теневой стороне стены. Молодые ребята и несколько офицеров с винтовками стояли рядом.

Где- то в течение часа у меня не было возможности делать заметки в дневнике. Я ужасно себя чувствую. Мне надо выпить воды, может быть, тогда я почувствую себя лучше.

Мы едем в следующий район. Проезжаем мимо старых маленьких брезентовых палаток, но так пыльно, что увидеть их очень трудно. Это место выглядит как край света, забытое место. Как люди живут здесь?

Прошел еще час. Мы едем в горах по извилистым дорогам, нас окружает только пыль и скалы. Проезжаем мимо автобуса, переполненного людьми.

Кондиционер в нашем грузовике, кажется, дует теплым воздухом. Я поймала себя на мысли о том, что мечтаю о моем холодильнике и о холодном воздухе, который дует на меня, когда я распахиваю скользящие двери у себя на кухне. Должно быть, это звучит глупо, но искренне. Мозг начинает таять от всей этой жары. Надо думать о чем-то другом. Это помогает мне не чувствовать тошноту.

Я думаю о том, что происходит со всеми этими людьми здесь, где так много глубокой печали. Я чувствую беспомощность. Такая ситуация — ад на земле, но люди здесь очаровательные и

вдохновляющие. Они работают в поте лица, чтобы выжить.

Мы проехали район с несколькими глиняными хижинами и фруктовыми деревьями, которые, вероятно, их единственный источник дохода. Повсюду видны признаки того, что земля была затронута засухой.

Мы проехали грузовик, нагруженный срубленными деревьями. Продажа дров — это источник необходимого дохода. Один из рабочих сказал мне: «Чтобы снова вырасти, этим деревьям потребуется семь лет, и они вырастут только тогда, когда кончится засуха». Если бы эти люди не получали финансовой помощи, это был бы очередной район с людьми, у которых нет будущего. Мы проехали мимо лагеря беженцев, который был закрыт из-за нехватки средств, и его обитателей перевели в другое место. Мы остановились на месте снесенного лагеря. Я вижу несколько семей, которые остались и живут среди руин. Я вижу только женщин и детей.

Маленькие босоногие мальчишки выбежали посмотреть на нас. Они такие юные, но вместе с тем у них на лицах тяжелая печаль. Они все ужасно худые, а их животы слегка надуты. Они играют на траве с острыми камнями и кусками потрескавшейся сухой земли.

Мы дали им несколько бутылок воды из переносного холодильника, который мы возим с собой. Когда ящик грузили на наш маленький самолет, я думала, что это глупо. Теперь я понимаю. Так много всего необходимо предусмотреть в подобных местах.

Мимо нас проходит группа женщин. Этот пустой лагерь выглядит как руины древней цивилизации.

Я спросила одну из женщин: «Ничего, что мы тут?»

Она ответила: «Почему нет? Господу следует посылать нам больше гостей». Одна из женщин беременна. У нее на лице синие племенные татуировки, и она носит яркие украшения.

Женщины рассказали нам, что они пришли из Афганистана в 1979 году. Я спросила, почему.

«Из- за войны с Россией. Мы покинули свои дома и орошаемые земли. А сейчас там Талибан, и мы опять не можем вернуться». Они пригласили нас в маленькую комнатку, где постелили старое, пыльное стеганое одеяло.

Я поинтересовалась, есть ли поблизости больница. Они посмотрели на меня с таким выражением: «Как это?!»

Я заметила маленького мальчика, который выглядел очень расстроенным. У него рваная одежда и большие водянистые глаза. Он прилагает усилия, чтобы улыбнуться.

Я спросила, знают ли они об Америке.

«Да, наши мужчины говорят, что Америка помогает нам». Я спросила, есть ли что-нибудь, что они хотят сказать Америке? «Почему мы должны страдать?» «Почему мы такие безнадежные?»

«Мы благодарны Америке за помощь, но, пожалуйста, нам надо больше еды и воды, мы не хотим больше смертей».

Мы спросили, можно ли их сфотографировать. «Нет, наши мужчины расстроятся».

Мы понимаем. Но они попросили нас сфотографировать их детей.

Маленький мальчик кажется напуганным. «Он никогда не видел фотоаппарата».

Мы говорим о недостатке еды.

«Моя семья может позволить себе только один мешок в месяц. Мы пытаемся приучить наших детей есть меньше».

Одна женщина объяснила нам, что ее одиннадцатилетний сын уезжает сразу на месяц на тяжелые работы. Там платят всего восемь долларов в месяц. Другой мальчик собирает дрова для того, чтобы готовить еду.

«Мы не знаем, живы наши сыновья или нет».

«Мы чувствуем себя, как в тюрьме».

«Мы благодарны вам за то, что вы приехали».

«Такое впечатление, что наши сестры или матери только что навестили нас».

«Мы благодарим вас за то, что вы приехали, и будем молиться за вас».

У меня было около 3000 рупий. Доллар стоит около 60 рупий. Я спросила сотрудников УВКБ ООН, можно ли дать рупии этим женщинам.

«Да, только мы скажем, что это не от УВКБ ООН, иначе они будут ждать, что в будущем им будут давать деньги. Хорошо?»

«Да».

Они были так благодарны. Эти люди благодарны за каждый прожитый день. Они дали мне несколько четок. Они хотят, чтобы я вернулась.

Но я не могу удержаться от мысли, будут ли они живы, когда я вернусь, может быть, через год.

4:30 вечера, полевой офис УВКБ ООН

У нас был ланч. Мы все были очень голодными. Я не знаю, что съела, но я была рада этому.

Лагерь беженцев Суркаб

С нами едут трое вооруженных офицеров в форме. Двое едут за нами, а один стоит на подножке сзади нашего грузовика.

Я не хочу спрашивать, зачем они нужны, но я предполагаю, что это, должно быть, опасный район и для беженцев тоже. Лагеря расположены близко к границе Афганистана и находятся в зоне крайнего риска.

В лагере я встретила группу женщин, которые живут здесь уже двадцать лет.

«Мы пришли во время первой войны». «Мы состарились здесь».

Они постелили нам коврики, на которые можно сесть и попить чаю. Их маленькие девочки вышли и сели рядом с ними.

Женщинам нравится вышивать. Все изделия великолепны. Работа над каждым из них заняла у них три месяца. В Америке каждую работу можно было бы продать, наверное, за сотни долларов. Здесь же, если удача повернется к ним, и они смогут попасть на рынок и продать это, то получат мало, примерно несколько долларов.

Женщин в этом лагере не обучают никаким профессиональным навыкам, но они просят и надеются на будущее своих детей. Одна женщина сказала: «Я третья жена своего мужа». По своему неведению я не понимала, что в этой части мира мужчина может иметь много жен.

Они показали нам небольшой ручеек, протекающий в лагере. Они счастливы, что могут пить из него, когда кончаются их запасы. Мне сказали, что вода в этом ручье грязная, но засуха заставила их пить из него.

Занятия в школе закончились. Мальчишки выбегают нам навстречу. Они видят, что мы фотографируем, и хотят, чтобы их тоже сфотографировали.

Мальчики были горды тем, что немного знают английский. Они продолжали повторять «спасибо» и «пожалуйста» и все время улыбались.

Они рассмеялись, когда кто-то из нас случайно наступил в ручей.

Мы уезжаем с закатом солнца. Небо было чистым, а солнце ярко-оранжевым. Солнце здесь казалось намного, больше, чем во время любого заката, который я когда-либо видела. На маленькой глиняной хижине, которая является школой, я заметила знак. На очень большой разукрашенной доске написано (мне перевели):

ЕДИНСТВО

ПОРЯДОК

ВЕРА

Пятница, 24 августа

Здесь все молятся пять раз в день.

Я видела тут много кладбищ. К веткам привязаны кусочки ткани, которые слегка развеваются на ветру. Там есть несколько высоких белых камней. Я вижу женщин, собравшихся у могилы. Я думаю о потерях. Я думаю о своей семье.

Я вижу несколько пастухов коз. У них в руках палки. Одному мальчику около десяти лет. У него около двенадцати коз, с косматой черной шерстью. Я заметила нескольких людей, спавших под одеялами. С двенадцати до двух часов дня многие спят, чтобы избежать самого жаркого времени дня.

Поселение беженцев Лоралай

Этим утром мы посетили Лоралай. В лагере мы остановились около школы под управлением организации «Спасите детей». Краской на стенах написано:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

ЗНАНИЕ — СИЛА

МЫ ХОТИМ МИРА

ВО ВСЕМ МИРЕ

Еще на стене нарисована яркая карта Афганистана. Сначала мы пошли в класс девушек. Они сидят на полу, скрестив ноги. Комната очень пыльная, но им все равно. Они рады быть в школе.

Учитель спрашивает у них: «Кто из вас родился в этом лагере?»

Они все подняли руки.

«Мы хотим жить на своей родине. Это не наш дом». Они учат пушту, их родной язык.

В шестом классе девочки составляют только одну четвертую часть учеников. Деревня оказывает на них давление, чтобы они работали. Работают только сыновья. Одна девушка улыбнулась мне и согрела мне сердце. Другая девушка читает. Третья поет песню. Мне перевели слова: они о восстановлении Афганистана, об объединении различных родов. Вот перевод части песни: «В эти тяжелые дни как наш друг может стать нашим врагом? Ты пришел навестить нас. Ты наш друг. Мы хотим процветания и счастья нашей стране».

Этим молодым людям надо много сил на восстановление. Они должны быть сильными. Люди, которые управляют школой, сказали: «Мы рады, что вы приехали к нам. Мы усердно работаем, и дети тоже очень стараются. Мы хотим продолжать нашу программу».

Они беспокоятся о закрытии программ из-за недостатка финансирования. Милая босая девчушка, у которой на голове был пыльный шарф, белый с маленькими коричневыми цветочками, вытащила маленький старый блокнот и начала читать

стихотворение:

«Мы обещаем работать, чтобы учиться.

Учение так увлекательно.

Мы не хотим сражаться.

Мы хотим мира».

Одна из сотрудниц УВКБ ООН начала плакать. Пожилой мужчина тоже плачет. Он отвернулся к стене. Затем и я начинаю плакать. Стоим и ревем. Женщина сказала: «Мы не хотим, чтобы Афганистан делили на части. Пожалуйста, пожалуйста — мы хотим мира».

На улице мальчики выстроились в ряд. Они обуты в пыльные пластиковые сандалии. Маленький мальчик вошел внутрь и подошел к доске, чтобы по казать нам, что он знает грамоту. Он пишет слова справа налево.

Я спросила его, кем он хочет быть, когда вырастет.

«Муллой». («Это священник», — сказал кто-то).

Другой ребенок улыбается и говорит, что он хочет быть:

«Учителем».

«Доктором».

«Защитником правосудия». (Это сказал восьмилетний мальчик.) «В правительстве».

Они также сидят, скрестив ноги на ковриках на пыльной земле. Когда они отвечали, то все разом встали. Все улыбаются. Они так рады, что их спросили, кем они хотят быть, когда вырастут.

Я спросила: «А где вы хотите делать все это?»

«В Афганистане».

Учительница подошла ко мне и вручила кусочек вышивки. Она сказала: «Одна из девушек пятого класса хочет подарить Вам это, чтобы поблагодарить Вас за Ваш приезд». Я пошла сказать «спасибо». Они занимались чтением и были очень горды тем, как умеют читать.

Девушки хотят узнать, как меня зовут. Они ничего не знают о моей жизни, для них я кто-то, кто приехал посмотреть, как они живут, и помочь. Они очень милы со мной.

Управляющий школой сказал: «Пожалуйста, не забывайте нас. Я чувствую, что мы очень близки, между нами нет расстояния». Мы все близки. Я никогда не смогу забыть их.

Мы остановились, чтобы посетить «уязвимых людей».

Это только что прибывшие люди, но УВКБ ООН должно называть их «уязвимые». Сюда были переселены три тысячи семей из Кветты. Теперь они будут жить в еще более бедном районе. Условия не позволят им отправить детей в школу. В этом лагере уже ничего не осталось, что можно им дать. Все запасы

исчерпаны. Сотрудникам УВКБ очень тяжело, когда они не могут дать необходимое каждому беженцу. Мировая программа продовольствия и так дает столько, сколько может.

УВКБ ООН поставляет воду в цистернах и отдает все продовольствие, которое у него есть.

К нам подошла пожилая женщина. Она нежно пожимает мне руку, очень мягко. Люди здесь не привыкли пожимать руки, для них это новый обычай, но они стараются.

Несколько мужчин заняты постройкой маленьких глиняных домов. Женщины должны помогать им, собирая хворост для топлива, но здесь нет ни деревца на многие мили.

«Как можем мы готовить нашим семьям? У нас так мало муки, но мы не можем приготовить даже то малое, что имеем, так как здесь нет хвороста для костра. Сначала мы надеемся на Бога, а потом на ваших людей. Мы просим о помощи».

Эти беженцы родом из Меймане, одного из самых северных городов Афганистана. Они проделали очень длинный путь, чтобы добраться сюда.

Я спросила: «Как вы добирались?»

«Через пустыни и горы. Большую часть пути мы шли пешком. И лишь немного мы ехали на ослах». Дорога заняла более шести недель.

Я спросила ребенка: «Когда вы жили в городе (Кветта), чем занимались дети целый день?»

«Каждый день мы старались работать на рынке, но часто мы не могли найти работу».

Женщина объяснила: «Мы сталкивались с множеством притеснений в Кветте. В этом лагере полиция не беспокоит нас, поэтому мы более мирные. Мы просим только немного еды и помощи».

Покидая лагерь, мы видим, как въезжает грузовик с водой.

Все люди так счастливы его видеть, особенно дети, что у них такой вид, как на Рождество.

Это дает надежду на будущее. Мы остановили нашу машину и вышли, чтобы посмотреть, как раздают воду.

Большинство людей не могут платить 100 рупий за семью в месяц за воду, поэтому они пьют из ручья и заболевают дизентерией.

Плохо питающиеся дети, больные диареей часто умирают.

Они опасаются, что без дальнейшей финансовой поддержки не смогут содержать водяные помпы.

Нам показали, как работает насос. Молодые ребята стоят в стороне и смотрят с серьезными лицами. Они слушают, как мы разговариваем.

Внезапно полилась вода. Мальчики побежали под насос. Мы все улыбаемся и смеемся.

Как только я села в машину, я поняла, как сильно мне будет не хватать этих людей.

Я знала, что буду сочувствовать им, беспокоиться за них с того момента, когда увидела их лица. Как можно не сопереживать? Но я не могла предположить, что буду чувствовать себя так, как будто мы уже знаем друг друга давно и стали очень хорошими друзьями.

Когда мы смотрели друг на друга, между нами возникало взаимное понимание.

Мы делились мнениями, шутками, разговаривали о произведениях искусства, о любви к нашим мужьям, о будущем наших детей. Мы хотим чувствовать, что в нашей жизни есть цель.

Наша последняя остановка в основных пунктах здравоохранения, в лагере их два. Каждый из них помогает 10 000 беженцев. В каждом пункте работает один доктор. Всего два доктора на 20 000 беженцев: один мужчина, другая женщина.

Медицинские пункты очень хорошо организованы.

Они сдают ежемесячные отчеты в УВКБ ООН. Доктора здесь очень гордятся тем, что всем детям была сделана вакцинация.

Самая большая проблема здоровья здесь — это дизентерия среди детей и респираторные инфекции во время холодов.

Женщина-врач разговаривает с женщиной. Когда та заметила нас, она быстро закрыла все лицо шарфом, который был у нее на голове. Открытыми остались только глаза. Мы встретились с ней взглядом, пока другие здоровались с доктором. Женщина накинула на себя паранджу и совершенно неожиданно она оказалась вся покрыта большой голубой тканью, как под плащом. Это выглядело, как голубая простыня с маленькими отверстиями — очень много крошечных дырочек перед глазами.

Я хочу взглянуть на нее через эти маленькие дырочки, но не делаю этого. Я хочу улыбнуться ей, но я не знаю, будет ли это правильно. Но я все равно улыбаюсь. Я вообще не вижу ее лица, чтобы знать, как она реагирует.

Мне сказали, что сегодня день борьбы с туберкулезом. Женщина и ее брат сидят снаружи в ожидании результатов.

В маленьком белом холодильнике хранятся вакцины.

«Электричества нет, поэтому он работает от бензинового генератора».

Маленькая девочка с церебральным параличом лежит на белой простыне, а ее мать и помощник пытаются сделать ей массаж. Она лежит тихо и спокойно, когда они двигают ее ноги и

руки.

Мы едем назад в Кветту. Это заняло у нас три часа. Сьюзи остановилась, чтобы сделать несколько фотографий.

Я тоже вышла. В этом Богом забытом месте нет ни тени, ни укрытия.

Я думаю о тех женщинах и детях, которые шли по этой палящей жаре два месяца. Я не могу понять, как они выжили, неся все имущество, едва имея какую-то еду. И как они находили воду?

Я не могу себе представить, как чувствуют себя беженцы, когда, придя куда-то, они слышат: «Мы не хотим принимать вас на своей земле».

В Пакистане уже насчитывается около двух миллионов беженцев. Многие предполагают, что даже больше.

Как, наверное, хорошо найти таких людей, как сотрудники УВКБ ООН, которые принимают тебя и хотят помочь, которые уделяют время тому, чтобы выслушать твою историю, зарегистрировать тебя и твою семью, чтобы вы могли получить помощь.

Представьте себе: получить еду после того, как чуть не умер с голоду.

Неудивительно, что эти беженцы так благодарны даже малому.

В течение трех часов по дороге назад мы едем в молчании по сухой земле. Здесь нет радио. У меня было много времени, чтобы подумать.

Городские беженцы в городе Кветта

В Пакистане есть три типа афганских беженцев. Первый — это те, кто пришел сюда двадцать лет назад во время войны с Россией.

Вторые пришли в 1995—1996 годах, когда началось движение Талибан.

Третьи пришли из-за нынешней войны, а также из-за засухи в течение последних трех лет.

Здесь, в городе Кветта, работают даже дети беженцев. Жизнь здесь почти не отличается от жизни беженцев в лагере в сельской местности. Единственное различие в том, что у них есть доступ к торговле, но они должны платить аренду и взносы за образование (в отличие от беженцев в лагерях).

Часто детям не позволяют ходить в школу, заставляя их целыми днями тяжело трудиться. В оперативном центре «дроп-ин» [12] дети с улицы могут учиться по часу в день. Единственное время, когда они не работают, это тот один час. Центр пытается дать им какие-то стимулы, например, хлеб и чай, чтобы они приходили.

Этот центр финансируется организациями Оксфам (Oxfam) и «Спасите детей» (Save the Children). Детей учат арифметике и основным навыкам чтения и письма. Их также учат правилам гигиены, как следить за своим телом и своим здоровьем.

Доктора говорят: «Детям необходимо учиться, так как многие из них ходят и собирают мусор — это их работа». «Когда они заканчивают основное обучение, мы даем им хлеб с чаем и одноразовую аптечку».

Я встретила маленького мальчика с большими глазами и со множеством порезов на грязных руках. Он сказал мне, что его работа заключается в собирании мусора, он получает две рупии за один килограмм мусора. Две рупии равняются двум американским центам ($1 = 63,95 рупий, а 1 рупия = $ 0,0156372).

Он улыбается и выглядит таким невинным. Он и понятия не имеет, как несправедливо происходящее с ним.

Я спросила нескольких детей, собирают ли они мусор.

Большинство подняли руки. Остальные работают с родителями на рынке.

Я спросила одного ребенка: «Ты хочешь вернуться в Афганистан?»

«Да, но там никогда не будет свободы».

«Кто хочет рассказать алфавит?»

Они все подняли руки, каждый хочет быть первым. Выбрали одного маленького мальчика. Он стоит, воспитанно сложив руки за спиной. Очень милым высоким детским голосом он начинает:

«А, Б, В, Г…»

У меня текут слезы. Но мне надо держать себя в руках. Нам надо посетить еще одну комнату.

Я стою около входа. Мне пока не разрешили войти внутрь. Я вижу кучу маленькой обуви. Я вхожу. Все улыбаются. Они все так добры к незнакомке. «Ассаляаму алейкум».

у них такая же история. Я думаю, насколько это тяжело слушать и видеть их с их ушибами, грязными рваными одеждами, порезанными пальчиками, когда они улыбаются тебе. Они дети. Они до сих пор мечтают. Все они кажутся полными надежды, это разрывает тебе сердце.

Пока мы выезжаем из лагеря, все дети выбегают, строятся у стены и машут нам на прощание. Пока мы едем в машине, я и Захида пытаемся обсудить программы и Конвенцию по правам ребенка, — но мы плачем.

За окном дети, собирающие мусор, у меня нет слов.

Суббота, 25 августа

Мы прилетели обратно в Исламабад. Такое впечатление, что с тех пор, как мы улетели, прошел месяц. Я очень устала.

Я встретилась с Бернадетт в офисе УВКБ ООН. Она отвезет нас в первое по расписанию место. Раньше Бернадетт работала в Пномпене, Камбодже, и у нее для меня была записка от Мари-Ноэль (с кем мы встретились в Камбодже). Мы разговаривали о наших друзьях в Камбодже.

(Несколько недель спустя, после того как мы попрощались в Бангкоке, Мари-Ноэль внезапно получила извещение о перемещении. Через несколько недель она работала в офисе УВКБ ООН на Шри-Ланке. Я удивляюсь, как она приспосабливается. Но внезапные переезды — обычное дело для УВКБ ООН. Это одна из сложностей их работы.)

Это удивительное чувство — быть связанным с людьми во всем мире.

Уважать и ценить другие места и культуры — это очень в духе УВКБ ООН и их сотрудников. Это сущность Организации Объединенных Наций.

Служба здравоохранения Ага Хан

Доктор Джавид Актар Хан — координатор программы медицинской помощи.

Половина сотрудников — профессионалы, половина — добровольцы. Последние работают за «религиозное благословение».

У всех здесь общая цель. Они оказывают помощь и пытаются вылечить афганских беженцев, живущих в городских зонах.

У УВКБ ООН едва хватает средств на оказание помощи около миллиону беженцев в лагерях. Также они не могут помочь беженцам в городских зонах — их где-то от 700000 до 2 миллионов, точно невозможно сосчитать.

Есть и маленькие группы неафганских беженцев. Число таких беженцев в Пакистане около 1700, они из Сомали, Ирака и Ирана. Они находятся в основных городах и получают ограниченную помощь от УВКБ ООН, которое обеспечивает их минимальным прожиточным минимумом, чтобы они могли оплатить еду, жилье, медицинскую помощь и образование, так же как и юридическую помощь и консультации относительно их положения. Мы вошли в комнату, где находилось около двадцати пяти женщин.

«Наши дети не могут ходить в школу».

«Многие из наших мужей и братьев не могут получить работу». «Очень сложно платить арендную плату и за обучение в школе». Как они вообще выживают?

Их отцы продают фрукты, а матери работают в семьях пакистанцев.

«Мы не знаем о своем будущем».

«Здесь нет будущего для наших детей».

«Десять человек живут в одной комнате».

Я спросила: «Есть ли притеснения со стороны полиции?»

«Конечно. Обычно они просто пытаются забрать у нас деньги».

Мне сказали, что их постоянно просят показать их идентификационные карточки или паспорта.

Даже тем, у кого есть документы, иногда приходится платить. Один мужчина рассказал нам историю своего друга, который показал паспорт полиции, а те взяли и разорвали его прямо на глазах у этого человека. Это было его единственное удостоверение личности.

«Это наша вина — мы живем здесь незаконно. Это их страна. Поэтому что мы можем сделать? Мы не можем жить в нашей стране. Мы умрем. И что нам делать?» Я спросила: «Как вы

можете описать ситуацию в Афганистане?» «Ужасающе».

«Что бы вы хотели сказать миру, мировому сообществу, ООН?» Внезапно они все начали говорить. Женщина пере водит:

«Мы хотим мира. Мы хотим продолжать наше образование. Если однажды мы сможем вернуться в Афганистан, мы сможем помогать нашим людям».

Служба должна брать плату с женщин и детей за образование. Это очень тяжело просить деньги в такой ситуации, но это единственный способ, чтобы поддерживать школу.

«Но даже если они могут заплатить мало, все равно это хорошо. Мы будем учить их». Женщина улыбается мне и говорит со мной очень добрым и участливым голосом, пытаясь помочь мне понять.

«Соседствующие районы не хотят, чтобы мы были здесь. Мы всегда в опасности».

Другая женщина говорит: «Мы здесь уже восемь лет. Мои дети не получают образования уже восемь лет. У них нет будущего».

«ООН должна помочь нам. Пожалуйста, нам нужна помощь. Иначе здесь невозможно жить».

Как вы объясните этим женщинам, что попросту не хватает средств? Внешний мир хочет помочь только на выделенные суммы.

«Но, по крайней мере, тут, в Пакистане, мы живы. Хотя у нас и есть множество трудностей, мы благодарны за то, что живы».

Мы встретились с детьми. Я встретила восьмилетнего мальчика. Когда он улыбается, видно, что у него нет двух передних зубов.

Я спросила его: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?»

«Доктором!»

«Ты работаешь?»

«Да, я делаю ковры».

Он показывает мне большой порез на пальце.

Все дети одновременно встают. Своими детскими голосами они говорят: «Добрый день, мисс», а когда я уходила: «До свидания, мисс».

Беженцы вынуждены учиться в разные смены между семью утра и десятью вечера. Взрослые учатся по вечерам.

Меня пригласили в местный театр, где дети и подростки играли пьесу о мальчике, который не хотел ходить в школу.

Он ходил вокруг сцены с плеером в ушах и плохо себя вел. Спустя какое-то время все другие дети убедили его в том, как здорово может быть в школе. Пьеса одновременно была смешной и серьезной, а также очень хорошо сыгранной.

Потом был музыкальный концерт, где они играли традиционную и современную афганскую музыку.

Эти художественные программы были специально организованы для беженцев.

Всем детям, которые играли, танцевали и пели, было от трех до семнадцати лет.

Я поняла не только, как важно для них это представление, но и то, что в Афганистане у них такого не будет. Все пьесы, кино, телевизор, танцы и музыка запрещены — на все наложен запрет Талибан.

Я хочу понять, чем отличается Коран от его толкования Талибаном? Я думаю, что для всех нас важно знать и понимать разницу.

Воскресенье, 26 августа

Я на борту самолета, летящего в Женеву. Все закончилось.

Были моменты, когда я чувствовала, что сбежала из ада.

Сейчас меня вытащили из этого кошмара, и я немного пришла в себя.

Я встретила так много хороших людей, которые выживают в этих ужасных условиях.

Кажется, я не могу мыслить ясно.

Мне потребуется некоторое время, чтобы прийти в себя после этой поездки, и, конечно, я надеюсь, что никогда этого не забуду, что это не пройдет для меня бесследно.

Разум хочет забыть, потому что это причиняет боль и лежит огромным грузом на душе и сердце.

Я устала плакать и ощущать такую беспомощность. Я снова хочу начать дышать свободно. Затем я сделаю все, что смогу, чтобы помочь этим людям. И как я могу не помочь, когда я встретилась с ними, когда я сама их видела.

Постскриптум

Спустя две недели после того, как был написан этот журнал, было 11 сентября 2001 года. Шокирующий трагический день, вне всяких слов. Мир пришел на помощь жертвам и членам семей, пострадавшим в Нью-Йорке.

Не забывая о тех афганских семьях, с которыми я общалась всего несколько недель назад, я настаивала на том, что им нужна помощь, и я лично делала пожертвования. В последующие дни я получила три угрозы, включая телефонный звонок (как он узнал мой номер, до сих пор остается для меня загадкой). Мужчина сказал, что все афганцы должны страдать за то, что сделали в Нью-Йорке, и что он желает смерти всей моей семье. Я понимаю, что эмоции переполняют. Это было трудное время для всех.

Два года спустя в Нью-Йорке перестраивают то место, где раньше стояли Башни-близнецы. УВКБ ООН помогли 1,9 миллиона людей вернуться в Афганистан. И все же потребуется много времени и сильной постоянной помощи от международных организаций, чтобы восстановить эту страну.

Миссия в Эквадор

6 июня 2002 года я совершила поездку в Эквадор с целью ознакомиться с положением беженцев, находящихся в ведении Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), и оказать им помощь.

В Колумбии, без преувеличения, сейчас самый серьезный гуманитарный кризис во всем Западном полушарии, и проблемы, связанные с условиями перемещения внутри страны, одни из худших в мире. Официальная правительственная статистика приводит число внутренне перемещенных лиц (ВПЛ): 720000 человек с 1995 года, в то время как неправительственные организации (НПО) оценивают приблизительное число ближе к 2 миллионам. Согласно Ассоциации финансовых институтов, 158 000 колумбийцев покинули страну в прошлом году. Тысячи из них обратились в страны Латинской Америки, Северной Америки, Европы и в другие с просьбой о присвоении им статуса беженца. Хотя главной обязанностью УВКБ ООН во всем мире является защита беженцев, по приглашению правительства Колумбии УВКБ ООН сотрудничает с НПО в Колумбии с 1999 года.

После краха мирного процесса в феврале 2002 года усилились столкновения между левыми партизанами и правым крылом военизированных формирований, что привело к большому перемещению людей и принесло несказанные страдания мирному населению. Второго мая произошел инцидент, который потряс мир. 119 человек, включая 48 детей, погибли в северо-западном районе Бойайа, когда кто-то выстрелил из самодельного миномета в церковь, полную мирных жителей, бежавших от военных действий. Двадцать шестого мая 53% колумбийских избирателей проголосовали за Альваро Урибе Велеза, нового президента. Мистер Урибе, который приступит к исполнению своих обязанностей в августе, пообещал принять строгие меры против FARC (Revolutionary armed forces of Columbia) — Революционных вооруженных сил Колумбии — и других нерегулярных вооруженных формирований и тем самым поставить точку в сорокалетнем конфликте.

Четверг, 6 июня, 7 часов утра

Ожидая самолет в аэропорту Лос-Анджелеса, я поняла, что прошло уже более девяти месяцев с тех пор, как я последний раз совершала полевой визит. Я много ездила, когда могла, но духовно я чувствовала, что мне чего-то не хватает. Не хватает побега от этого материального мира. Не хватает напряженной, сосредоточенной жизни, где каждый думает о своем выживании или о выживании ближнего, элементарном выживании, и о борьбе за свою семью, страну, свободу.

Это будет моя первая ночь, проведенная вдали от моего сына Мэддокса, впервые с того момента, как мы приехали домой три месяца назад. Было немного забавно, как я волновалась, когда целовала его на прощание. Он остался с моей мамой и братом. Я поняла, как важна семья.

И те друзья, которые для тебя как семья.

И те редкие случаи, когда незнакомые люди становятся семьей, как, например, те гуманитарные работники, с которыми я собираюсь встретиться. Все, с кем я собираюсь встретиться. Они не родственники — но семья. Они борются за жизни людей, с которыми даже не знакомы. Можно понять, почему они быстро заводят новых друзей.

Эквадор — одна из самых маленьких стран в Южной Америке. Она немного меньше Невады, общей площадью 276 840 квадратных километров (106 476 квадратных мили). Она граничит всего с двумя странами: с Перу на юге и юго-востоке, и с Колумбией на севере. Самая высокая точка — Чимборазо — находится на высоте 6 267 метров (20560 футов). Эквадорская гора Котопакси в Андах самый высокий действующий вулкан в мире. Население Эквадора 13184 000 человек, из которых 65% метисов (индейцы и испанцы), четверть индейцев, 7% испанцев и 3% афроамериканцев. В Эквадоре 22 провинции, страна получила независимость от Испании в 1822 году.

Когда самолет приземлился, нас тепло встретили сотрудники ACNUR — УВКБ ООН по-испански. Действительно, как мне сказали сотрудники УВКБ ООН: «Ты будешь чувствовать, что у тебя есть семья во всем мире». Заброшенные в разные места, имеющие одинаковые цели в силу схожих причин. Я думаю, что если их спросят, почему, они все ответят: «Беженцы или перемещенные люди — одни из наиболее обделенных людей в мире». И если ты встретился с ними, то видишь, что они одни из самых сильных, самых красивых и самых способных людей в мире. Удивительные люди, борющиеся за выживание.

Местные сотрудники посетовали на то, как сложно привлечь мировое внимание к этим местам. Борьба и война в Колумбии, продолжающиеся уже сорок лет, кажется, только усиливаются. В новостях показывают насилие, но не его жертвы. Не людей. Не семьи.

Здесь нет больших лагерей. Все распределены по приютам.

Мне также сказали, что очень сложно заставить беженцев говорить, разрешить доступ СМИ, потому что беженцы боятся воинствующих сторон, которые с легкостью пересекают границу и хотят, чтобы те молчали. Мне сказали: «Это не паранойя — многие были убиты».

Ночью, как только мы приехали, меня сразу же отвели в мою комнату в доме для гостей. Я нашла лишние одеяла и обогреватель. Я рада, что здесь прохладнее, чем я ожидала. Я думаю, что они это знали. Местные девушки принесли мне пончо, на случай если я замерзну.

Пятница, 7 июня, 7:15 утра

Уже за завтраком мы начнем информационное совещание.

Первый офис УВКБ ООН в Южной Америке был основан в Аргентине, в Буэнос-Айресе, чтобы помочь жертвам институциональных нарушений в регионе. В 70-х годах УВКБ ООН открыло региональный офис в Перу, в городе Лима. В течение 90-х годов был открыт новый региональный офис в Каракасе, в Венесуэле, чтобы обеспечить убежище в северной части Южной Америки и Панаме для жертв внутреннего колумбийского конфликта. Ситуация ухудшилась, что привело к открытию офисов УВКБ ООН в Боготе и трех других провинциях Колумбии. В 2000 году был создан другой офис УВКБ ООН в городе КИТО, в Эквадоре.

Мне сказали, что людей в Колумбии перемещают каждый день. Кто-то добавил: «И каждый день убивают». Мне сказали, что я замечу отличие от других стран, в которых побывала. В основном здесь живут небольшими группами городские беженцы. Большинство из них имеют профессию. Это не фермеры. Я думаю, это такие же люди, как и вы, читатели этой книги.

Все подразделения ООН работают вместе, это как «общий дом». Специализированные агентства ООН пытаются даже занимать совместные офисы на местах. В городе Кито офисы УВКБ ООН и других агентств ООН расположены в одном здании для всех кажется очевидным, что надо работать рука об руку, но не всегда так бывает. Мне сказали, что Генеральный секретарь является горячим сторонником этой идеи. Мировая продовольственная программа (WFP — World Food Program), Программа развития ООН (UNDP — United Nations Development Program), ЮНИСЕФ (UNICEF — United Nations Children's Fund) и УВКБ ООН — все агентства ООН работают вместе.

Но в большинстве демократических стран так не делается; видимо, это редкость. Колумбия является демократической страной, но агентства вроде УВКБ ООН, Красного Креста и других должны оказывать помощь в защите людей.

В утреннем разговоре очень часто повторялось слово защита. Защита около двух миллионов гонимых беженцев является основной задачей УВКБ ООН. Организация осуществляет ее разными способами. Используя Женевскую конвенцию 1951 года по правам беженцев как основной инструмент, УВКБ ООН гарантирует основные права человека, а также то, что беженцы не будут насильственно отправляться обратно в страну, где они столкнулись с преследованием. Уже достаточно долго УВКБ ООН

помогает мирным жителям репатриироваться в свою страну, интегрироваться в странах, предоставляющих убежище или переселяться в страны третьего мира. Используя мировую коммуникационную сеть, УВКБ ООН также стремится обеспечить хотя бы минимум еды, воды, приюта и медицинской помощи в местах массового переселения беженцев.

Я ошеломлена сложностью ситуации. Я нахожусь в некотором замешательстве, но одно я могу сказать уже сейчас: мне кажется, что есть много вещей, которые я должна была знать раньше. Необходимо, чтобы гуманитарный кризис, настолько сильный, насколько очевидный, а также нарушения прав человека нашли освещение в СМИ, чтобы все мы знали об этом.

Семьдесят четыре процента территории Колумбии находится под контролем партизан и военизированных формирований. (Основная часть сорокамиллионного населения живет в 25 процентах основных городов, до сих пор управляемых демократическим правительством.) Неконтролируемы в основном приграничные зоны, на которые приходится основной нелегальный оборот наркотиков, нефти, кофе, изумрудов. Но кто покупает это? Кто покупает этот «экспортный товар»? Кто поддерживает повстанцев?

В этих семидесяти четырех процентах страны влияние правительства отсутствует или является очень слабым. В этих районах не существует никакой стабильности. Католическая церковь является здесь одним из основных партнеров УВКБ ООН. То же самое можно сказать применительно ко всей Южной Америке.

В этот раз я приехала с визитом только в Эквадор, но мне напоминают, что я вижу лишь малую часть огромной работы. В Венесуэле и Эквадоре, граничащих с Колумбией, а также в самой Колумбии есть офисы УВКБ ООН. Панаме они тоже оказывают помощь, но граница с этой страной представляет собой болота и джунгли, одно из самых непреодолимых мест на земле. Также УВКБ ООН оказывает поддержку Перу, но на границе находятся джунгли, так же, как и на границе Колумбии с Бразилией.

Еще немного информации: в год здесь происходит 3 000 случаев убийств и похищений. В среднем девять-десять человек в день.

Несмотря на то, что за последние три года все больше и больше людей бегут в Колумбию, основная часть — гражданские жертвы конфликта — остается в стране. Высоко число перемещенных внутри страны лиц (ВПЛ). Кажется, что получить помощь и достоверную информацию становится все сложнее. Возможно, международному сообществу сложно правильно

оценить ситуацию. По последним данным, внутри страны в день перемещается от 500 до 900 человек. Я спросила, почему они остаются в стране. Сотрудник УВКБ ООН сказал, что единственная причина в том, что в Колумбии им легче найти работу.

Продолжающийся долгое время вооруженный конфликт унес сотни тысяч жизней и заставил покинуть свои дома более 1,5 миллиона человек. Тысячи убежали в соседнюю Венесуэлу, Панаму и Эквадор. В 2001 году колумбийцами было подано 2000 запросов на предоставление убежища в Эквадоре по сравнению с 30 в 2000 году. В течение первой половины 2002 года было зарегистрировано 2198 запросов о предоставлении убежища. Согласно Официальной статистике, за период январь-май 2002 года колумбийские беженцы находятся на седьмом месте по объему поданных заявок на предоставление убежища.

Четыре года назад президентская кампания победила благодаря обещаниям мира. В феврале прошлого года мирный процесс развалился. Выборы были выиграны разговорами о войне, об использовании силы для наведения порядка. Я могу себе представить, как этот новый способ повлияет на судьбы людей. В любом случае гуманитарные работники готовятся к ухудшению конфликта.

Я посетила офис УВКБ в церкви, чтобы встретиться с ищущими убежище или с теми, кто уже получил статус беженцев, чтобы послушать их истории. Ерта Лемос является главой Комитета по делам беженцев, одного из партнеров УВКБ ООН в Кито. Она говорит, что рада быть миссионером. У нее приятная улыбка, и она носит кольцо с распятием на пальце, на котором обычно носят обручальные кольца. На стенах висят постеры УВКБ ООН с фотографиями детей из различных частей света. Один ребенок выглядит в точности, как Мэддокс.

Ерта объясняет нам, как работает этот офис. Он открывается в 7 утра, чтобы начать принимать людей, обращающихся за убежищем. Самые худшие случаи — это когда людей преследуют военизированные группы. В основном обращаются родители или одинокие дети. Много случаев, когда обращаются люди, которых пытали.

«Эти случаи, помимо всего прочего, требуют эмоциональной и духовной поддержки», — говорит она.

Сначала проходит краткая консультация: надо выяснить, ищут ли они убежище. Если да, то они начинают заполнять документы, чтобы заявить о своем случае. Затем идет серия консультаций. Каждый день в офис приходит около двадцати пяти или тридцати дел. Все случаи разные. Например, мать и

семь детей: значит, в этом деле уже восемь человек. Офис тесно сотрудничает с правительством Эквадора, представляя тех, кто ищет убежище.

Через окно я вижу людей, пришедших на консультацию. Я видела людей, ищущих защиты, но эти кажутся особенно подавленными, сломленными. Язык тела говорит о том же: голова немного опущена, руки крепко сжимают бумаги или пакет, в котором находится все, что у них осталось.

Мы прошли по коридору, полному людей. Один мужчина водит взад и вперед своего плачущего ребенка. Несколько детей сидят вдоль стены. Не могу точно сказать, но кажется, что они без родителей.

Мне сказали, что сейчас я встречусь с человеком, чью жену и детей убили у него на глазах. «Он очень травмирован, но понемногу приходит в себя». Ерта вышла, чтобы привести его. Я нервничаю.

Он невысокого роста, одет в черно-серый свитер и рабочую рубашку. Заметно, что он старался хорошо одеться; даже имея так мало вещей. В его свитере много дырок. Его волосы зачесаны назад, и у него очень грустные глаза. Наверное, ему за пятьдесят. Доброе лицо. Симпатичный мужчина. Очень обходительный.

Он объяснил, что он из того же района, в котором три недели назад произошла ещё одна бойня. Его несколько раз просят говорить помедленнее, чтобы они могли переводить.

У него была маленькая кукурузная ферма. Мне кажется, он говорит так быстро, потому что воспоминания причиняют ему боль. Он хочет быстрее пройти через это. «У меня был даже джип», — говорит он. Партизаны начали вымогать у него деньги.

Кажется, он начинает нервничать. Может быть, из-за того, что я записываю? Я попросила перевести ему, что я не буду писать его имени и что мы просто хотим, чтобы люди поняли ситуацию в его стране.

Он продолжает. Военизированные группы пришли в его деревню и завязали бой с партизанами. Позже партизаны обвинили жителей деревни в поддержке военных. Началась бойня. Семьдесят человек в деревне было убито. «Мы не уверены, — говорит он, — партизаны ли это были». Он немного дрожит, когда говорит, и трет свои ладони.

Ему задали вопрос на испанском. Внезапно у него на глаза навернулись слезы, и он не смог сказать ни слова. Вильям объяснил: «Я спросил его, как была убита его семья». Я смотрю на того мужчину, а он смотрит на меня, как будто говоря: «Пожалуйста, не заставляйте меня говорить об этом».

Я перестала записывать. Он пытался сдержать слезы. Вильям

сказал ему, что все в порядке. Он может говорить, о чем хочет. Мужчина извиняется. Вы можете себе это представить?! Кто-то извиняется потому, что не может объяснить, как была убита его семья.

Он встает, задирает рубашку и показывает нам два пулевых ранения. Сейчас на месте ран небольшие шрамы, размером в пять центов. «Сестры помогли организовать медицинскую помощь. Это было три года назад».

«УВКБ ООН помог мне начать небольшой бизнес, и я открыл свое кафе. Дела налаживаются. Когда я пришел, все, что у меня было, — это только одежда, которая была на мне».

Он говорит, что незаконные вооруженные формирования находятся где-то в Эквадоре. Здесь он получил письмо с угрозой.

«Мы не убили тебя в Колумбии, мы убьем тебя здесь».

Я спросила его, почему они считают, что такие люди, как он, представляют опасность. Потому что он был кем-то вроде местного авторитета в своей старой деревне, и там были убиты партизаны. Он вытаскивает старый, потертый кошелек и разворачивает бумагу, которая явно представляет для него ценность. Это официальный документ. Это доказательство того, что он подавал жалобу и беспокоится о своей безопасности. Другое письмо запрашивает переселение в другую страну, так как он не чувствует себя в безопасности в Эквадоре.

Мы поблагодарили его за беседу. Он поблагодарил нас за то, что выслушали. Когда он уходил, он улыбался. Вильям извинился за то, что заставил его вспомнить печальные моменты его жизни. Он собрал наши чашки из-под кофе. Я думаю, что по привычке. Он вытер стол так, как если бы он обслуживал нас в ресторане.

Несколько минут спустя он вернулся и вручил мне маленькую тарелку с едой. Вильям сказал: «Он приготовил это, чтобы угостить нашего гостя». Он улыбнулся. Я не знала, что сказать.

Следующей вошла женщина, она принесла свечи и икебаны из цветов, чтобы показать, чем она зарабатывает на жизнь. Она достала фотографии своего сына. На одной из них ему три года. «Когда мы приехали». Другая фотография — это школьная идентификационная карточка. «Сегодня ему восемь лет». Ее муж был юристом. Очень видная семья. Ее кузен был кандидатом в президенты. «Его убили». Ее муж расследовал это дело.

«Он получал письма с угрозами о том, что он не должен больше этим заниматься». Мы спросили почему.

«Торговцы наркотиками были одними из тех, кто ему угрожал, поэтому дело касалось и того, чтобы остановить их деятельность. Мой муж не отвечал на угрозы и продолжал

защиту. Затем они убили его брата. Правительство дало нашей семье охранников. Потом стало известно, что торговцы наркотиками дали деньги телохранителям, чтобы те убили нас. Тогда мы сбежали. Когда мы приехали, мой муж не смог работать. Здесь другие законы, и мы сами не отсюда. Мне надо было кормить семью, поэтому я вспомнила, как все это делается».

Она указала на свечи и икебаны, которые принесла с собой. «Сестры в этом лагере помогли мне начать производство, чтобы я могла зарабатывать на жизнь». Она продолжает: «Мой муж заболел и умер».

Она хотела продолжить свой рассказ, но расплакалась. Кажется, она не может остановиться. Сейчас она говорит очень быстро. Я спросила Вильяма, о чем она говорит. Она говорит о том, что пыталась заработать достаточно денег на лекарства.

Когда он умер, она осталась вдвоем с сыном. Она продолжает говорить, но смотрит в окно, и слезы текут по ее лицу. «Мой муж умер 16 сентября».

Мы пытаемся поговорить с ней о чем-нибудь другом, чтобы отвлечь ее от болезненных воспоминаний. Мы говорим о ее цветах. Я купила у нее несколько икебан, чтобы украсить домик для гостей УВКБ ООН.

Потом мы встретились с мальчиком, который только что приехал из Колумбии. Он представился, но я снова опускаю его имя ради его безопасности. Четырнадцатого июня ему исполнится шестнадцать лет. Он крутит в руках свой рюкзак. У него большие широко открытые карие глаза.

«У меня есть два брата, одному семнадцать, другому пятнадцать. Сейчас мы живем здесь с нашей тетей, они из Эквадора. У нас нет отца. В январе 2000 года мою мать заставили присоединиться к партизанам. Они разрешали нам навещать ее каждые три месяца, в мае и июне 2000 года. Они заставляли ее обучать их компьютеру и письму. Когда мы приходили к ней в прошлый раз, командир пытался заставить меня остаться и присоединиться к войскам. Моя мать отговорила их тогда, но просила меня передать бабушке, чтобы мы уезжали. Бабушка продала все наше имущество, чтобы переехать. Три месяца спустя мы услышали о том, что наша мать исчезла, бежав от партизан, а также и от полиции, потому что теперь они и ее считали партизанкой».

Я заметила, что его рука темно-красного цвета. Возможно, родимое пятно? А может быть, ожог.

«В апреле прошлого года умерла моя бабушка. В Эквадор мы попали незаконно. Но нам пришлось так сделать, у нас не было паспортов. Мы были очень напуганы. Я до сих пор еще не могу

ходить в школу».

Я спросила его, кем он хочет быть, когда вырастет, нравится ли ему спорт?

«Да, когда я пойду в школу, я буду хорошим учеником. Я хочу быть образованным. Но сначала я должен помочь своим братьям и только потом себе».

Затем в комнату вошла женщина, очень взволнованная. Она извиняется. Только что она говорила с сестрами о том, почему покинула Колумбию. Она нервно крутит кольцо на своем пальце. Она была вынуждена уехать из Колумбии, так как военизированные группы убили ее мужа, у нее девять детей: пять мальчиков и четыре девочки.

«Они вытащили моего мужа из дома, протащили его несколько кварталов и там убили. Нам сказали, что у нас всего два часа, чтобы уйти. Мы пошли на автобусную остановку, где какой-то мужчина заметил, что мы плачем. Он посочувствовал нам и дал немного денег, чтобы мы могли на автобусе доехать до границы. Мы с детьми бежали через границу. Мужчина, ехавший в грузовике, остановился и спросил, что у нас случилось. Я рассказала ему, и он посадил нас в кузов своего грузовика и накрыл тентом. Я продала все драгоценности, что у меня были, и мы смогли заплатить за мотель и немного еды. Несколько дней спустя владелец отеля дал нам конфеты на продажу, чтобы мы могли продать их на автобусной остановке и заработать немного денег. Я встретила другого жителя Колумбии, который рассказал мне об этом месте, где можно попросить убежища».

Затем она пришла сюда. Это было в прошлом декабре. «Теперь я нахожусь здесь на законных основаниях, я могу работать уборщицей. Я плачу арендную плату за небольшую комнату, где мы живем с детьми».

Она вытаскивает бумагу — это сертификат, подтверждающий то, что ее заявление о статусе беженца было принято. «Наконец-то мои дети смогут постоянно ходить в школу».

Она очень рада, что люди здесь все очень добрые и отзывчивые. «Я благодарна людям Эквадора».

Когда мы возвращались в машину, два человека, с которыми мы только что разговаривали, сказали, что они очень огорчены смертью монахини, которая им помогала. Монахиня погибла в автомобильной катастрофе. С ней были еще три монахини, выжила только одна. Авария произошла из-за отказа тормозов. Организация монахинь Бразилии работала здесь двадцать лет. Сестра, с которой я только что встречалась, получила письмо с угрозой, в котором говорилось, что тормоза были специально поломаны, чтобы убить ее сестер, и что это послужит ей

предупреждением. Смысл в том, чтобы перестать помогать колумбийцам.

Мы разговариваем за ланчем.

В основном все беженцы — замечательные люди, но они всего лишь люди. И их миллионы. Поэтому, конечно, многие оказываются травмированными, они не могут пройти через все эти ужасные ситуации и остаться в здравом уме. Случается, что беженцы нападают на сотрудников УВКБ ООН.

Одна из историй была о мужчине, который во второй раз подал заявление об убежище, после того, как ему было отказано. (Причиной могло быть, например, уголовное прошлое.) Он внезапно вытащил канистру с бензином, вылил все на себя и на сотрудника УВКБ ООН и поджег. К счастью, на работнике был кожаный плащ, и он смог высвободиться от державшего его мужчины. Оба выжили, но с сильными ожогами. Позже этот сотрудник получил письмо от мужчины, который пытался его убить, с извинениями и объяснениями того, как отчаянно он просил о помощи. Но, как они говорят, помни, что на одного такого человека приходится тысяча, которые остаются добрыми и терпеливыми. Которые мирно живут без всякой агрессии.

Разговор зашел о женщине, которая делает икебаны, и которая рассказала о смерти своего мужа и о том, как тяжело было достать деньги на лекарства. Во время ланча мне сказали, что кто-то, кто знал дело ее мужа, сообщили, что он был действительно болен и осознавал, какой обузой он стал. Поэтому он совершил самоубийство…

Мы остановились около рынка-выставки Отавалос (товары и ремесленные изделия). Это очень знаменитый рынок в этой части мира. Я купила шахматы ручной работы, фигуры которых изображали испанцев и индейцев. Еще я купила свитер из шерсти альпаки для Мэддокса. Удивительные, красивые, волевые, сильные лица мягкого темно-коричневого цвета, загорелые на солнце. Их руки говорят о том, что жизнь полна тяжелой работы. Многие мужчины носят мягкие фетровые шляпы с длинными черными кисточками по краям. Женщины одеты в широкие хлопковые платья, украшенные вышивкой цветов. Эти люди — успешные торговцы; известно, что они торгуют с Нью-Йорком.

Маленькие гитары, сделанные из панциря броненосца.

На улице они играют в теннис, как они это называют, но у них нет ракеток, и они отбивают мячик руками. Пока я наблюдаю за ними, сидящий рядом мужчина играет на гитаре троим своим детям. Простая, но в то же время богатая история и культура. Простая из-за их честного и прямого образа жизни. Просто гуляя среди них по улицам, начинаешь чувствовать себя лучше, чем

дома. Есть в этом что-то удивительное и приятно отличное от того, к чему мы привыкли. Когда мы уезжаем, кто-то говорит: «Здесь в Имбабура основным блюдом является гвинейский поросенок. Мясо маринуется накануне ночью, затем они запекают его в арахисовом соусе. Лучше, чем кролик, не такой жирный». Я до сих пор не знаю, что об этом думаю.

Мы получили очередной звонок по поводу багажа Лионелло. Багаж находится в Милане и прибудет только в 11 вечера. Ему придется вернуться обратно в Кито, это два часа пути. Какое-то время спустя снова позвонили и сказали, что багаж сегодня не прибудет вообще.

Суббота, 8 июня

Я проснулась в 7 утра. Холодно. Прошлой ночью Италия играла в футбол. У нас в группе УВКБ ООН два итальянца. Попытка узнать счет матча получилась весьма забавной. Сначала им сказали, что итальянцы выиграли со счетом 2:0, потом, что проиграли 1:2. Мы до сих пор не знаем точно.

Некоторые из нас проспали, и их пришлось будить. Мне сказали, что это из-за того, что мы находимся на большой высоте. Также это является причиной икоты. Я как раз икала. Странно.

Я скучаю по Мэддоксу. Я не представляю, как сотрудникам ООН не позволяют привозить с собой семью. Они месяцами не видят своих детей. Если вы спросите у них об этом, они ответят, что для них это очень тяжело. У всех есть фотографии, но потом они говорят, что люди, с которыми они работают, — беженцы; многие из них потеряли своих детей. А они, по крайней мере, знают, что их семьи находятся в безопасности.

Сейчас мы поехали в полевой офис УВКБ ООН, находящийся в городке Ибарра. Он небольшой, и они делят его с местной церковью.

Сейчас мы в непосредственной близости от колумбийской границы. Ближе подъехать нельзя: это слишком опасно. Это первое место, куда попадают беженцы, пересекая границу. Этот офис открыли в октябре из-за растущего числа людей, бегущих из Колумбии. В ведении офиса находится 250 километров границы, и он постоянно сотрудничает с полевым офисом в Колумбии.

Многие молодые люди, которые не хотят участвовать в войне, пересекают границу. Это служит основной причиной для открытия проектов, ориентированных на профессиональное обучение, которое позволит обучаемым впоследствии самим зарабатывать на жизнь. Чтобы предоставить им дальнейший выбор в жизни.

Я встретилась с еще одной сестрой из Бразилии, которая тоже носила распятие на кольце на безымянном пальце. В 1998 году епископ Ибарры начал пытаться помочь насильственно переселяемым в Ибарру людям. Епископ попросил сестер о помощи. Число мигрантов сейчас еще выше, чем в 1998 году.

В этом офисе, как и в большинстве других офисов УВКБ ООН, работают социальные работники, адвокаты, офицеры защиты, добровольцы, служащие программы и регистрации, люди со всего мира. Они подготовили специальный «безопасный дом», который я посещу позже.

В период с января по июнь 2002 года здесь было более 4000

беженцев, в том числе 3000 ищущих убежище.

УВКБ ООН замечает возрастающее количество несовершеннолетних, избегающих насильственного призыва в армию. Мне сказали, что сейчас я встречусь с их друзьями из Колумбии. Это семейная пара с маленьким ребенком (наверное, ему года четыре) и еще какой-то мальчик, который, кажется, сам по себе. У мужчины с собой гитара. Я снова обещаю не использовать их имена в своем журнале. Они кивают в знак согласия, говоря: «Да, это важно». Несмотря на то, что они находятся здесь, они опасаются за себя. Эта пара показывает мне на карте, где они жили в Колумбии. Чтобы уехать из Колумбии, необходимо преодолеть много препятствий. Каждые десять километров военизированные группы устраивают проверочные пункты, а через следующие десять километров — проверочный пункт партизан. У военных есть список тех, кто должен умереть, и они проверяют документы. Иногда они сжигают машины или просто убивают людей. Иногда из семьи в восемь человек на место прибывают только трое. Из-за этого много людей приезжают шокированными.

«Мы ушли из дома 10 октября прошлого года. Партизаны угрожали моему мужу».

Они сказали что-то на испанском, и все заулыбались. Они протестанты. Тогда ночью у них был пост накануне праздника. На ночь они уходили из дома. Когда они вернулись, то обнаружили, что их дом сожгли. У УВКБ ООН есть фотографии.

«У нас три сына и одна дочка. Все, что не сгорело, мы отдали своим детям».

Они улыбаются, рассказывая свою историю. Маленький мальчик сидит на коленях сотрудника и жует банановые чипсы.

«Что нам оставалось после того, как они сожгли дом?».

Они прибыли в Ибарру 22 октября.

«Мы любим нашу страну, — говорит она, но еще больше мы любим свою жизнь».

Следующими входят мужчина с гитарой и его жена. Он управлял маленькой фермой. «Она мне не принадлежала, я был управляющим».

Ворвались вооруженные люди. То ли военные, то ли партизаны. Никогда не знаешь, кто есть кто, потому что они не носят никакой формы.

Иногда они могут просто остановиться и сказать: «Дай нам что-нибудь поесть». Я всегда отвечаю «да», И не спрашиваю, кто они. Двадцать пятого октября к дому подошли трое мужчин и попросили еды. Я не знал, что кто-то из враждующей группы следил за домом. Я шел по дороге в магазин, и меня остановили

двое мужчин. Было семь часов вечера, немного темно, но я заметил за ними еще несколько человек.

Они сказали: «Ты помогаешь партизанам». Тогда я понял, что это военные.

«Выверни карманы», — сказали они.

Я так и сделал и положил все на землю.

«Подними свою идентификационную карточку». Они забрали ее.

«Теперь мы можем выследить тебя по всей Колумбии. Мы можем убить тебя». (Это обычное дело для военных забирать идентификационные карточки. У них есть компьютерная база данных и агентурная сеть по всей стране).

Они сказали, что у меня есть двадцать четыре часа на то, чтобы убежать, иначе они сожгут весь дом вместе с моей семьей, пока мы спим. Поэтому я ушел со своей женой и сыном Фернандо».

Когда он произнес это имя, ребенок поднял голову и улыбнулся. У него кашель. «К счастью, мы знали нескольких людей в Эквадоре, поэтому остались там на восемь дней».

«Вы не хотели оставаться рядом с границей?» Это я спросила. Все засмеялись. Мальчик сказал, что он слишком напуган, чтобы говорить. Одно из вооруженных формирований пыталось завербовать мальчика, ему тогда было очень тяжело.

Мужчина хочет сыграть песню на своей гитаре.

В связи с выборами усилилась насильственная вербовка людей. Я не знаю или не понимаю позицию УВКБ ООН по отношению к этой ситуации, но я думаю, что всем ясно: различные группы пытаются создать свои армии, готовясь к войне.

Они проводили нас до машины. Семьи пожимают мне руку и говорят спасибо. Но я плохо себя чувствую — я не сделала ничего, чтобы помочь им.

Наша следующая остановка — столярная мастерская, профессиональное обучение. УВКБ ООН одолжило денег Хосе при условии, если он согласится обучать и нанимать на работу других беженцев.

Отец избранного президента Колумбии был убит при попытке похищения членами FARC. Поэтому у него были причины для ненависти. Некоторые люди беспокоятся, что будет еще больше военных действий. Насилие порождает только одно — еще большее насилие.

Многих мужчин здесь зовут Хосе. Они шутят, что Хосе в Южной Америке то же самое, что Мухаммед в арабских странах. Я встретилась с человеком по имени Хосе. У него был мебельный

магазин, когда он жил в Колумбии.

Это место было основано в феврале. В марте они начали работать. Хосе очень горд: они уже сделали пять комплектов. У них проблемы с продажами, нет места для витрины.

«Они могут более успешно торговаться, зная, что мы беженцы и отчаянно хотим продать».

Снаружи у них есть склад. Они не считают это плохим образом жизни. «Мы хотим поддерживать надлежащие навыки, рабочие места».

Они уже пытаются связаться с большими магазинами в городах. Колумбийцы очень предприимчивые люди.

Мы подходим к группе молодых ребят, неуверенно стоящих в углу. Один мальчик — он новенький — слишком стесняется, чтобы говорить. Двум близнецам я дала фотоаппарат Полароид — поиграть. Они гордо фотографируют друг друга, держа футбольный мяч, который мы принесли. Хосе показал нам место на задворках, где они выращивают свеклу, морковь и салат-латук. Он говорит о том, как можно обеспечить еще больше рабочих мест.

«Я знаю, что тем, кто недавно приехал, очень трудно найти работу, и даже когда ты получаешь статус беженца, это все равно сложно. Мы не хотим, чтобы люди ходили и попрошайничали».

Я спросила его, как он попал сюда и стал беженцем. «К счастью или нет, я заключил контракт на изготовление мебели для армии. Партизаны рассердились».

Затем, как обычно, ему угрожали. У него было двадцать четыре часа, чтобы уйти.

«Я взял чемодан. Я потерял все. Я посадил семью на самолет. К счастью, у меня были на это деньги».

Ночью он уехал на мотоцикле.

«Меня остановили люди с фонариками. Я увидел, что они носят такие же ботинки, как партизаны. Я подумал, что это партизаны. Меня трясло. Я дал им документы, когда они попросили. Я ни о чем не спрашивал. Я солгал и сказал, что у меня назначен прием у доктора очень рано утром, поэтому я вынужден ехать ночью. Они проверили. Потом я понял, что они военные. Меня не было в их списках».

Военные предупредили его, что недалеко находится контрольной пункт партизан, и сказали ему, чтобы он был осторожнее. Он был напуган, но продолжил свой путь и успешно доехал.

«Слава Богу».

Я спросила его, хотел бы он вернуться в Колумбию.

«Я думаю, что любой колумбиец хочет вернуться в Колумбию.

Но там должен быть мир. Мои детишки ходят в здешнюю школу, и я очень этому рад».

Один маленький мальчик сказал, что, возможно, он присоединится к УВКБ ООН, когда вырастет. «У тебя все отлично получается», — сказал Вильям.

Хосе ответил: «Когда у тебя есть добрая воля, и ты усердно работаешь, ты справляешься».

Уезжая, я замечаю нового мальчика, очень тихого, облокотившегося на дверь мастерской. Я помахала рукой на прощание. Он слегка помахал мне и вошел внутрь. Сейчас мы уезжаем в «безопасный дом», как они его называют.

В целях безопасности нигде нет знаков ООН, флагов или каких-то пометок на фасаде дома. Люди остаются здесь в среднем на десять-пятнадцать дней и никогда больше месяца. Дверь открылась, маленькая девочка лет двух в беленьком платьице вышла на порог. Это место для одиноких женщин с детьми. Все люди, живущие здесь, работают вместе. У каждого здесь есть ежедневные обязанности, поэтому они могут сами о себе позаботиться. Они сами управляют этим местом. Здесь есть комната, где стоят девять двухъярусных кроватей (мужчины и женщины живут в разных комнатах). Внутрь я не вхожу. Один мужчина выглядит очень больным и лежит в постели. В женской комнате на кровати спит маленькая девочка. «Она из семьи, которая приехала только в прошлый четверг», — сказал кто-то.

Затем я встретилась с маленькой девочкой, которая жила в офисе УВКБ ООН некоторое время. Она выглядит, как маленький ангел. Ее случай особенный, поскольку она жертва насилия.

Внезапно у мужчины начинаются конвульсии. Он падает на пол. К нему подбегает другой мужчина. Он поддерживает его голову, другие держат его руки. Всю жизнь у него была тихая эпилепсия, но она ухудшилась из-за травмы. Ему двадцать семь. Они отнесли его на кровать. «С ним все будет в порядке». Интересно наблюдать, как они пришли ему на помощь. Зная, что все они были странниками всего неделю назад, сейчас они выглядят, как семья. Они помогают друг другу в самых сложных ситуациях.

У них очень маленькая кухня. Маленький мальчик лет семи помогает матери готовить. Он очень энергичный, протягивает мне руку: «Buenos diets».

УВКБ ООН помогло мне купить школьные тетради и различные принадлежности для дома. Мы выносим все это и кладем на стол. Удивительно видеть, как дети взволнованы новинками. Здесь есть также книги для взрослых. Мать быстро взяла книгу Габриэля Гарсия Маркеса и улыбнулась. Мы

принесли несколько игрушек, и, когда сказали, что ими можно играть, дети гурьбой сбежали с лестницы. Это замечательно.

Одна из женщин живет здесь уже восемь лет. Она работала в Колумбии с НПО по реабилитации партизан под названием «Восстановление». Она рассказала нам свою историю. Она работала, помогая бывшим партизанам вернуться к гражданской жизни. Научить их снова жить нормальной жизнью. Она отвозила их на фермы, финансируемые правительством, чтобы по-новому научить их работать. (Пока она рассказывает, неподалеку маленькая девочка учится прыгать через веревку. Другие дети сидят вдоль стены, читая книжки). Поскольку она работала с бывшими партизанами, теперь военные преследуют ее. Они реквизировали ее ферму. Оставили ее ни с чем.

«У меня не было времени даже на то, чтобы собрать чемодан», — говорит она. Она бы хотела присоединиться к НПО в Эквадоре.

«Я думаю, что у меня есть много что предложить. Я специалист по сельскому хозяйству. У меня много планов, чтобы помочь людям научиться помогать себе самим».

Эта женщина также уделяет время тому, чтобы постараться переубедить или просто уверить людей в необходимости конверсии плантаций коки в фермы с пищевыми зерновыми культурами.

«Это очень тяжело, поскольку они делают очень много денег на коке, даже очень бедные крестьяне. Как можно сказать им выращивать зерновые, когда это приносит намного меньше денег?»

Она начинает плакать. «Когда они отняли ферму, они убили троих людей, которые работали со мной. У нас был детский сад для детей работающих на ферме людей. Они убили учителя».

Она вытирает глаза бумажной салфеткой, собирается с силами и говорит: «Я знаю, что мне все придется начать заново, и Бог мне поможет».

Я смотрю фотографии фермы, которые она принесла. Все выглядит таким совершенным. Так много надежды на этих фотографиях. Хорошие люди пытаются помочь своей стране, помочь друг другу. Она знала женщину, которая работала по вопросам прав человека и которой рассказали про УВКБ ООН. Поэтому она приехала в Эквадор в поисках этой организации.

«У Эквадора есть свои проблемы. Беженцам необходимо много вещей, поэтому я забочусь о детях. Это не их страна. У их семей ничего нет. Нам необходимо помочь Эквадору развить благосостояние своей собственной страны, чтобы они могли помогать нам».

Она наклонилась к моей записной книжке. «Все в порядке?» — спросила я. «Да», — говорит она. Она рада, что я записываю.

Она добавила, что, когда она говорит, все вокруг понимают, что она из Колумбии. «Люди смотрят на тебя так, будто ты монстр. Не все из нас плохие люди. Среди нас много хороших людей».

Вильям спросил, хотела бы она вернуться в Колумбию. Она смотрит на него, будто он сошел с ума. Я начинаю понимать, что у этих людей, должно быть, особая формула жизни: насколько они отчаянны, настолько они полны жаждой к жизни.

«Это замечательная страна, и я люблю свой народ, но я не могу вернуться. По крайней мере, еще несколько лет, я думаю. Насилие должно остановиться. Мы не выживем, если сейчас вернемся».

Только что в дверь вошел тот стеснительный мальчик из столярной мастерской. Должно быть, он шел сюда пешком. Это очень длинный путь. Он держит футбольный мяч, который мы ему подарили. Он показывает его и дает своим братьям. Сейчас он улыбается и кажется расслабленным. Я встретилась с его матерью, она очень милая.

В гараже мы встретились с семьей — одинокой женщиной с шестью детьми. Она вынуждена была покинуть страну, поскольку партизаны вербовали двух ее детей.

Южная Америка не похожа на другие страны, где массы людей перемещаются вместе и живут в лагере. Из своего дома в чужую страну и общество уезжают индивидуальные семьи. Они показывают мне вещи, которые они делают своими руками. Молодой человек говорит, что он делал успехи в capoeira (бразильский стиль борьбы), а затем группа мятежников попросила его научить их. Он согласился их учить, но они хотели, чтобы он сражался, поэтому он ушел из группы.

«Я отказался носить оружие или работать на плантациях коки. Они угрожали мне, но это против моих принципов. После этого мы поняли, что, если бы мы остались, нас бы убили. Мы ушли из города по направлению к границе. Когда мы приехали, тетя сказала нам, что мы в черных списках. Мы потеряли все — продали все, что могли. Мы приехали сюда и начали работать, где только могли. У нас был ресторан, но служба иммиграции его закрыла, потому что у нас не были готовы документы. К счастью, они нас не депортировали. Мы узнали об УВКБ ООН. Сейчас наши документы в порядке».

Сейчас они занимаются ремеслом. Они показывают нам подарочные коробки, кукол, икебаны и продают их прямо в гараже.

«Я бы хотел начать хороший бизнес. Я мог бы делать хорошую пиццу».

Монахини приглашают нас в свои комнаты, чтобы мы могли освежиться. Они миссионеры, поэтому они живут, как обычные женщины. Внезапно я как-то странно себя почувствовала. Может быть, потому, что была воспитана католичкой, но когда они показали мне их спальни, у меня было чувство, что я не должна смотреть. Я не знаю, почему мне было так удивительно, что у них есть небольшие тренажеры, беговые дорожки. Наверное, мы просто не думаем, что монахини могут делать зарядку и быть столь похожи на обычных людей. В одной комнате на полу лежат подушки и стоят маленькие деревянные статуи. Сестра складывает руки жестом: «Вот где мы молимся». Одна из монахинь рассказывает мне про годы, проведенные в Колумбии. Она рассказывает, что была миссионеркой восемнадцать лет, восемь из них за пределами Бразилии. Их группа сестер была организована для помощи мигрантам. Она говорит, что сейчас одевается в нормальные вещи. Затем она снимает свое кольцо с распятием, чтобы показать мне. Я чувствую, что не должна касаться его.

«Мы из Бразилии. Наш орден работает в двадцать одной стране. Мы работаем с мигрантами. Мне нравится ездить в разные части мира, узнавать разные мировоззрения. И всегда ты многому учишься у детей».

Я говорю, что моя мать католичка и будет рада, что я провела время с монахинями. Они хихикают. Как бы там ни было, каждая организация, каждая страна, каждая религиозная группа состоит из простых людей.

Одна из сестер говорит: «Я мечтаю работать на границе Мексики и США». Я говорю, что она, скорее всего, единственный человек, мечтающий об этом. Она улыбается. Мы прощаемся.

«Возможно, когда-нибудь мы увидимся на мексиканской границе. Никогда не знаешь», — говорит она.

Они рады, что Бразилия победила в последнем футбольном матче.

2:45 дня

Мы посетили лагерь беженцев в изолированной зоне. Там живут сорок человек, из них семнадцать дети. Добирались туда мы достаточно долго. Мне сказали, что у них на всех всего одна машина. Поэтому, как правило, за ними приходит автобус. Они приехали два года назад из Сент Августина, что в Колумбии. Это одно из самых древних мест в Колумбии. Причины побега: «Они заставляли наших детей брать оружие. Партизаны постепенно захватили власть. Но мы — духовное сообщество».

В этом уединенном районе у них есть школа и церковь. «Наконец, у нас есть мир».

Они живут непонятно где, но тем не менее они не хотят, чтобы мы их фотографировали.

«Мы боимся, что они придут за нами».

Нас отвели на кухню, она находится под навесом, все очень аккуратно. Они очень гостеприимны и приготовили ланч, состоящий из говядины, риса и супа.

Они рассказали мне о человеке, чьему учению они следуют. Это современный философ Самаэль Аун Виор, он учит людей тому, как люди могут совершенствоваться. Развитие человека в поисках Бога. Смысл его философии в том, что все религии, в сущности, одинаковы. Возможны перевоплощения. Будды в Иисуса. Много тысяч последователей в Латинской Америке — не какой-то дурной культ.

«Мы не преследуем ни политических, ни экономических целей. Мы учим нашим убеждениям совершенно бесплатно, мы открыты для каждого. Нет расовых, этнических или социальных различий».

Некоторые люди здесь не являются беженцами. Одна семья из Эквадора. Им помогали построить школу, но еще потребуются окна и школьные принадлежности.

Я не говорю по-испански, поэтому все диалоги мне переводят. Я начинаю чувствовать себя какой-то глухонемой. Мне не очень хочется, чтобы кто-то пытался говорить со мной, потому что я не могу ответить. Я спросила, в чем они нуждаются.

«Вода. Электричество. Канализация. У нас есть один генератор, но его недостаточно».

Мы спросили мужчину-колумбийца о его жизни. До того как он попал сюда, он жил в своей стране.

«Там я продавал инструменты и уголь — я был торговцем. Но мятежники вымогали деньги у всех, кто вел бизнес, и в городах невозможно было иметь магазин слишком опасно. А здесь земля

не достаточно хороша для возделывания зерновых».

Он наклонился ко мне. «Вы задаете много вопросов. Должно быть, очень интересуетесь».

Когда ему объяснили, что я пишу дневник, который люди потом смогут прочитать, он сказал: «Вы посыльный между теми, у кого ничего нет и теми, у кого есть многое. Это замечательно».

Мы немного поиграли с детьми. Сейчас я осознала, что все, что тебе надо, чтобы растопить лед в отношениях с детьми (особенно маленькими мальчиками) во всем мире, — это футбольный мяч. Мы принесли подарки, и они сохранили оберточную бумагу для школы. Мы с коллегами из УВКБ говорили об этом, когда уехали. Мы рассказывали истории о тех удивительных поделках, беженцы делают из полиэтиленовых пакетов, проволоки и т. д. Все согласились, что самая популярная вещь — это машинки, которые они делают из проволоки и которые можно толкать и катать. Также они скручивают полиэтиленовые пакеты, чтобы делать веревки, из которых потом плетут корзины.

Они рассказывают об наиболее трогательных историях семей или какие-то безумные вещи, например, когда супружеская пара в спешке бежала через границу и прихватила с собой свинью. Они убегали на лодке; свинья, очевидно, испугалась, и им пришлось засунуть ее в сумку. Вокруг меня люди, которые так увлечены своими подопечными. Они думают, что беженцы — замечательные люди, и говорят о них, как о друзьях.

Возвращались мы очень рано, поэтому остановились, чтобы посмотреть пирамиды. Жующий травинку мужчина в старой красной бейсболке, джинсах, рабочих ботинках и традиционном свитере провел нас на поросший травой холм.

«Это одна из четырнадцати пирамид».

Прошло какое-то время, прежде чем я поняла, что нахожусь в долине холмов, имеющих странную форму, все с наклонами. Мы стоим на одном из них. Если расчистить траву и грязь, то обнаружатся постройки из глины. Символы на их поверхности для того, чтобы определять время.

Проводник сказал, что Кита и Кара соединились и стали известны как Китокара. Две культуры, существовавшие до инков. Их поселения появились здесь примерно в 500 году до н. э. В этих краях они противостояли инкам много лет. Они были матриархальным обществом. Было найдено несколько керамических изделий того времени.

Кремниевые вулканические породы использовались ими для того, чтобы отражать солнечный свет в целях коммуникации. Другие способы связи — дым, свет и звук. Остается только

удивляться, на сколько далеко вперед продвинулось человеческое общество. Или, может быть, вопрос в том, насколько качество нашей жизни отличается от той жизни, которая была у наших предков. Этот вопрос особенно актуален для людей из этих краев, вовлеченных сегодня в войну.

Возвращаясь к машине, мы прошли зерновую плантацию. Я заметила семью, у них много детей — старшие помогают родителям, а младшие играют. На сегодня работа окончена, и они ждут автобуса. Уже поздно. Отец семейства попросил у Вильяма телефон, чтобы позвонить и попросить о помощи. Дети едят кукурузные початки, так же как люди едят сахарный тростник. Я попробовала кукурузу. Она сладкая.

За ужином мы говорим о трудностях оказания помощи в этом районе. Например, основная задача УВКБ ООН — помогать беженцам. Но спустя несколько лет, из-за общей ситуации в мире, они также начали помогать и ПВЛ, перемещенным лицам. 98 процентов финансирования УВКБ ООН зависит от добровольных пожертвований правительств и организаций. Им едва хватает средств на выполнение своей основной задачи. В прошлом году из-за сокращения бюджета многие потеряли работу.

Кто- то за столом замечательно объяснил проблему ПВЛ для УВКБ ООН: «Это все равно что ты родитель четырех детей. И ты потихоньку справляешься со всем. У тебя едва хватает денег, чтобы накормить их, и тут ты встречаешь двух брошенных детей, которых ты должен усыновить. Если ты этого не сделаешь, то знаешь, что этого не сделает никто. И что тебе делать? Тебе надо найти выход. Если больше никто в международном сообществе не оказывает помощь свыше миллиону внутри перемещенных лиц в Колумбии, — а они все живые люди — то тебе приходится найти выход. На карту поставлены человеческие жизни».

Я обнаружила, что подобные совместные обсуждения для сотрудников УВКБ ООН — это обычное дело, это замечательно. Как жаль, что мир не может участвовать в каждом таком ужине и слышать то, что слышу я — о внутри перемещенных лицах в Анголе, о ситуации в Конго, о курдах и о том, как они были забыть об Абиджане и о том, почему так важно понимать ситуацию там. Также мы говорим и о Панаме. Это другая страна затронутая конфликтом в Колумбии. Мы начали составлять план нашего визита в июле.

Воскресенье, 9 июня

Завтрак в 7 утра. Вчера Эквадор проиграл 1:2. Лионелло спустился вниз и спросил о своем багаже. Нет, багажа не было. За завтраком разговор зашел о Венесуэле. Я не могу выяснить, как на самом деле обстоят дела. Люди забирают из банков свои деньги.

Президент Венесуэлы Уго Чавес — весьма противоречивая фигура, и его страна глубоко разделена стилем его правления и политическими решениями. Его оппоненты несколько раз требовали его отставки, устраивая уличные демонстрации и забастовки. Его последователи также участвовали в демонстрациях в его поддержку. Одиннадцатого апреля венесуэльская армия отстранила Чавеса от власти после того, как несколько участников демонстрации были застрелены. Неизбранное временное правительство захватило власть в Венесуэле, большинство стран в этом районе признали это неконституционным. На следующий день сторонники Чавеса в армии и в бедных районах Каракаса объединились и потребовали его возвращения. Чавес был освобожден из-под ареста и возвращен к власти. Венесуэльское общество продолжает быть глубоко разделенным, а длительная политическая нестабильность негативно отразилась на экономике.

Также в Колумбии во время мирных пере говоров существовала демилитаризированная зона, полная партизан. Сегодня эту зону бомбила армия. Свыше сорока человек были убиты.

Аэропорт

Мы подъехали к забору из сетки. Одна из сотрудниц УВКБ ООН, Грейс, пошла в сопровождении военного служащего открыть замок. Проверка багажа. Проверка личности. Затем мы прошли внутрь, где встретили других сотрудников УВКБ ООН. Мы летим минут тридцать, и вдруг из окна становится видно густые джунгли, они простираются настолько далеко, насколько хватает взгляда. Амазонка. Захватывающее зрелище. Когда самолет начал спускаться, мы смогли различить небольшие домишки, а потом маленький городок. Сейчас мы в Лаго Агрио — «зеленое озеро» — также его называют Нуева Лойа. Мы приближаемся очень близко к колумбийской границе. Эта часть границы была известна тем, что ее много раз пересекали вооруженные формирования. Очевидно, что даже вооруженным силам необходим отдых, и я уверена, что также у них были и другие причины. Но, по-видимому, пересекающих границу стало теперь меньше, поскольку военизированные группы взяли под контроль большую территорию на колумбийской стороне этой границы.

Мы встретились еще с несколькими сотрудниками УВКБ ООН — Энн и Рене. Туманный дождь наполняет воздух. Кто-то сказал, что дождь идет уже два месяца. Этот район богат нефтью, природными ресурсами. Но богатства распределяются нечестно. Здесь 70 процентов населения бедные и 21 процент живут в полной нищете. До мая здесь не было электричества. Вероятно, это самая ужасная часть Эквадора. Недавно здесь было совершено массовое убийство, погибли 68 человек. Около 80 процентов убитых колумбийцы. Половина беженцев, приходящих сюда, дети.

Рене работает в Колумбии в Путумайо. В этом районе высокий процент нелегальных вооруженных формирований. Многих людей преследуют партизаны или военизированные группы. В этой области Колумбии присутствие правительства чувствуется слабо. В одном только Путумайо существует 10 624 ВПЛ, из них 60 процентов несовершеннолетних и семнадцатилетних. В Нарино находится 16 218 ВПЛ. Это Официальные данные на конец мая. Но все думают, что незарегистрированных людей еще больше. На всей территории Колумбии насчитывается приблизительно около двух миллионов внутри перемещенных лиц. Число ВПЛ возросло после провала мирного процесса. Также возросло количество одиноких женщин, являющихся главами семьи, наиболее вероятно, из-за насильственного призыва мужчин в армию.

Дороги, соединяющие Путумайо и Нарино, очень плохие, и

сотрудникам трудно передвигаться. Упоминаются вопросы здравоохранения. Это ответственность государства, но они не способны позаботиться о тех, кто попал в ловушку на территории, контролируемой незаконными вооруженными группами. Напоминаю, это составляет 74 процента национальной территории. Норвежская гуманитарная помощь, неправительственная организация, помогает церкви финансированием.

Рене также сказала, что после про вала мирного процесса все стало еще хуже. Несколько лет назад ты мог выходить на улицу по ночам, а сейчас со всеми этими убийствами это очень опасно.

Брифинг уже начался. Я никак не могу сосредоточиться. Так много информации. Так много важных вещей, которые необходимо понять. Может быть, я чувствую себя как-то отстраненно. Как и большинство людей, я предпочитаю личные контакты графикам и страницам документов. Но тем не менее я знаю, что мне повезло: я получаю всю информацию, присутствуя на совещаниях, ведь, к сожалению, если вы просто смотрите новости, то вы не можете понять ситуацию.

Марте говорит о том, как сложно заставить людей говорить, ведь это всего лишь в тридцати километрах от границы. Координатор ООН объясняет, что обеспечение безопасности сотрудников любых организаций — это приоритет, вы можете себе представить. Например, мы работаем с МОКК (Международное Общество Красного Креста). Когда какой-то человек идет на задание, ради предосторожности он предупреждает: «Если вы ничего не услышите обо мне в такой-то день…»

В машине, по дороге в приют Энн говорит о девочке-беженке, больной лейкемией, что она умерла. Международная организация миграции (МОМ) помогла достать лекарства. (Не ООН, но очень тесно связанная организация — они проделали большое количество работы в прошлом, помогая людям, которые бежали из Кувейта.) Но для этой девочки было уже слишком поздно. Энн говорит, это ужасно: за несколько дней до того, как она умерла, она испытывала страшную боль. Никто не мог достать болеутоляющее средство.

«Это было очень тяжело видеть», — говорит она. Мы приехали в приют. Строительство было закончено в 2001 году. МОМ собирается помочь с водой и канализацией.

«У нас до сих пор есть проблемы», — сказала Энн.

Сейчас здесь живут двадцать пять человек. Здесь есть центр заботы о детях и места, где женщины могут работать. У них есть помещения на 400 человек плюс палатки в случае наплыва

большого количества людей. Здесь есть сады, где женщины могут работать. Мы решили пройтись и встретили около восьми женщин, работающих в саду. Им помогает мужчина. Они все из Колумбии. Они представились, любезно нас поприветствовав. Они сказали, что очень приятно видеть гостей. Они очень благодарны всем организациям за помощь.

«Пожалуйста, не оставляйте нас одних. Мы будем очень усердно работать».

Мы попросили одну женщину рассказать нам ее историю.

«У меня десять детей, девять со мной. Военизированные группы дали нам пятнадцать минут на то, чтобы уйти. После того как мы приехали сюда, они взяли моего сына и били его кнутом. Они забрали его, и мы ничего о нем не слышали».

Она назвала нам его полное имя, его прозвище, которое знала только она. Она сказала нам, что он был замечательным игроком в футбол.

«Пожалуйста, постарайтесь найти его».

Другая женщина не просто готова, она хочет говорить.

Сначала она показывает нам, как она стирает, — деревянный валик для стирки белья, ведро и пластмассовая кружка. «Обе группы заставляли наших детей присоединиться к ним, поэтому мы убежали сюда. Но сейчас наша проблема заключается в том, что мой муж болен, он все время лежит».

Мы зашли в комнату школьного типа, где матери собрались со своими детьми.

Так красиво. Малыши. Один выглядит больным — продолжает бороться за жизнь. Одна маленькая девочка спросила, есть ли у нас кукла. «Мой отец не может купить куклу».

Мы принесли с собой подарки, включая двух кукол, но им придется поделить все между собой.

«Я бы хотела, чтобы я могла спать с ней», — сказала девочка.

Я встретилась с двадцатилетней женщиной и с ее тремя детьми. Мы спросили, в чем они нуждаются. «Легализовать наши документы' чтобы мы могли работать и чтобы нам не пришлось возвращаться в Колумбию, где мы потеряем своих детей на войне».

Эти люди очень милые и порядочные. Я встретилась с отцом одной из семей.

«Шестнадцать лет назад в провинции Путумайо я встретил свою жену. У нас была ферма. Мы построили дом, разводили скот. Я очень гордился тем, что у меня было то, что я мог бы передать своим детям после смерти. Я не волновался о будущем своих детей. То, как они выгнали нас, было очень жестоко. Моих жену и детей забрали. Я был взят под арест. Они унижали нас.

Они пытали нас. Мне ничего не разрешили взять с собой, и что самое ужасное, даже мою жену и детей. Я набрался храбрости спросить, что будет с моими детьми и женой. Мне четко сказали: они были убиты. Они сказали мне: «Мы сделали то, что должны были сделать, — не думай о них больше». Я сходил с ума. Спустя семь месяцев я нашел их. Я не мог этому поверить. Они были живы. Это было величайшее счастье в моей жизни. Моя жена так долго плакала — она не могла поверить, что я жив. Они сказали ей: «Не волнуйся о своем муже, мы собираемся похоронить его как следует». Мы воссоединились в Эквадоре. Наш общий друг узнал, что мы оба здесь. «Будьте завтра в десять часов утра в парке», — сказал он каждому из нас по отдельности. Это было в парке, где мы неожиданно встретились. Я не мог этому поверить. Моя жена была спасена».

К нам подошла другая женщина поговорить. Она здесь с женщиной старше ее, они друзья и помогают друг другу. Она держит мальчика, того, который, я думала, был болен. «Я вынуждена была уйти, поскольку партизаны забрали моего шестнадцатилетнего сына, я больше его не видела. Я вывезла остальных своих детей из страны настолько быстро, насколько могла. Я приплыла на каноэ по реке Сан Мигель. Я сказала капитану, что у меня нет денег, и рассказала ему свою историю. Он помог мне».

Я спросила другую женщину, которая несла на руках ребенка: «Почему вы уехали из Колумбии?»

«Они убили моего мужа. Я боялась за свою жизнь и за жизнь своих детей. Как-то мой муж сказал: «Я собираюсь пойти поискать работу». Он ушел в 7 часов утра. В 4 дня они позвонили его родителям — не могли бы они опознать тело? Его нашли на дороге. Я спряталась в доме у друзей, и они сказали, что я должна уехать в Эквадор. У них было немного денег, чтобы дать мне на поездку. Мы, мой малыш и двое остальных детей доехали на автобусе до границы. Мы вспомнили, что надо взять свои идентификационные карточки из дома, слава Богу, до того, как они сожгли его. Поэтому мы въехали законно, как приезжие».

«Когда все это произошло?» — спрашиваю я. «Две недели назад». Мы опаздываем, поэтому согласились пропустить ланч.

В машине по дороге на встречу с одной из семей я разговариваю с Рене, сотрудницей УВКБ ООН. Я опять получила возможность вспомнить, как трудно делать заметки в движущейся машине.

Мы остановились около маленького двухэтажного домика, в котором живут пять братьев и их мать. Они приехали сюда месяц назад. Человек десять детей перегнулись через поручни балкона,

чтобы поздороваться. Мне сказали, что арендная плата за дом 100 долларов в месяц, поэтому весь дом им не принадлежит. Поначалу у них не было воды, и им приходилось мыться вне дома. Хозяева дома поначалу были недовольны, что в доме живет слишком много народа. Но потом хозяева успокоились, потому что «мы хорошо себя ведем и соблюдаем чистоту и порядок».

Однажды их задержала местная полиция по обвинению в сотрудничестве с вооруженными группами, «потому что мы колумбийцы». Полиция говорит, что в городах проблема с беженцами.

«К счастью, полиция действовала профессионально. Они все выяснили и отпустили нас. Но мы до сих пор напуганы. Мы находимся близко к границе и знаем, что такое вооруженные группы».

Все истории разные, но общее у них — угрозы или насилие со стороны вооруженных групп. Один мужчина двадцать лет работал регистрационным чиновником в правительстве. Последние два года он начал получать угрозы. Обе враждующие стороны хотели иметь доступ к документам.

«Они заставляют тебя помогать одним, а затем обвиняют в помощи другим», — говорит он.

Мне дали воды. Меня столько раз предупреждали о небезопасности местной воды, но я решила, что я лучше заболею, чем буду невежливой. Рене тоже пьет.

Мы разговариваем с одним из беженцев. Он пересек границу с тремя детьми. На это у него ушло три дня и две ночи. «Дети были напуганы?» — спросила я.

«Да. Нам пришлось проходить через множество контрольных пунктов, трех партизанских и трех военизированных групп. На последнем забрали все наши документы. Без документов невозможно легально перейти границу. Внезапно мы оказались без документов, поэтому были нелегальными. У нас в Колумбии осталось три сестры. Одна работала медсестрой; нам только что сообщили, что ее захватили партизаны. Мы говорим людям, что мы являемся беженцами под защитой УВКБ ООН. Это помогает — помогает защищать наших детей».

Другой мужчина говорит: «Нам пришлось бежать из-за постоянного конфликта между партизанами и военизированными группами».

Он заплакал, затем сказал: «Я вынужден был оставить свою семью — троих детей. Им угрожают».

Партизаны угрожали, что разрушат дом, где живут дети. Ему нужна помощь, чтобы привезти их сюда, в Эквадор.

«Я хочу сказать вам всем то, что вы никогда не увидите в

новостях: останавливаются автобусы, людей вытаскивают на улицу и убивают. Дети боятся бомбежек, часто становятся жертвами перекрестного огня».

Он начинает говорить, но слезы мешают ему.

«Меня связали и собирались убить. Я не хочу это вспоминать. Я взял с собой двоих детей, потому что они хотели завербовать их. Я доктор, и я отказываюсь работать с партизанами. Они угрожали мне. У меня есть много что сказать, но это так унизительно. Я больше не хочу говорить».

Мы благодарим его. Они с Вильямом обнялись. Они оба отцы и могут понять боль друг друга.

Мы с Энн говорим о том, как УВКБ ООН может помочь его семье в Колумбии, помочь оставшимся там детям. Что, если они помогут ему обратиться в офис в Колумбии? Могли бы мы тогда помочь им? Да, возможно, но им надо найти способ добраться туда. Несмотря на то, что многие люди боялись эскалации войны, президент Урибе говорит о новой попытке восстановления мира. Пока не ясно, что произойдет в последующие месяцы в Колумбии. Война, которая продолжалась в течение сорока лет, усиливается. Возможно, будет заключительное сражение. Кто поддержит людей? Как долго это будет продолжаться? Что станет с их семьями? С двумя миллионами уже перемещенных людей?

Заключительная запись: Лионелло, Тоби и я планировали путешествие в Панаму, чтобы изучить развитие ситуации в Колумбии с другой стороны границы. Но, пока я готовила этот дневник к публикации, пришло сообщение о том, что ситуация ухудшилась и ехать туда слишком опасно.

И одна последняя запись: багаж Лионелло наконец-то прибыл.

Заключение

В начале хартии Организации Объединенных Наций написано: «Мы люди».

Это одна из самых замечательных вещей, которые я когда-либо читала: мы живем бок о бок друг с другом, все люди мира, защищая нашу историю, наши культуры, и учимся друг у друга.

Беженцы, их семьи — такие же, как мы, только у них нет той свободы, что есть у нас. Их человеческие права нарушены.

Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев помогает свыше 20 миллионам людей. Приблизительно 8 миллионов из них — дети младше восемнадцати лет.

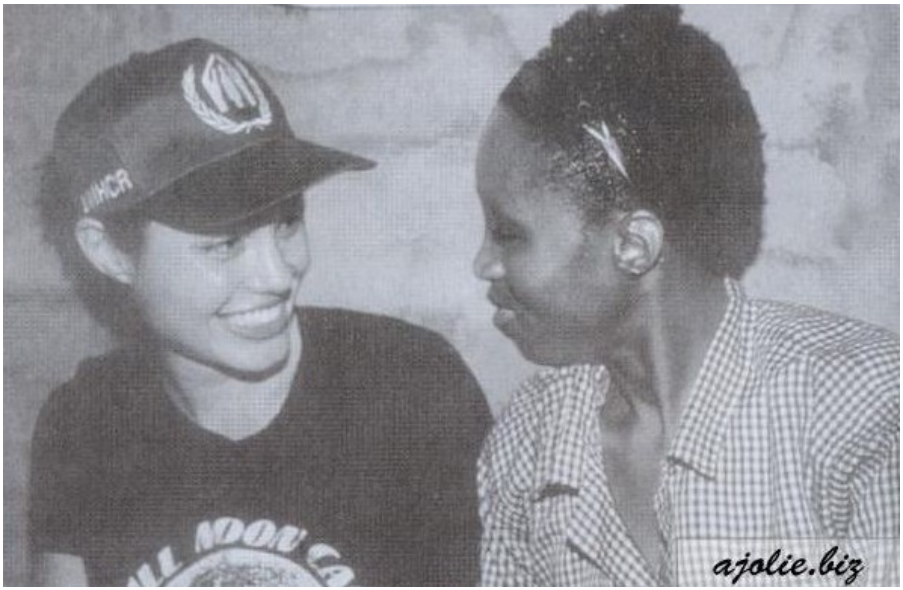
«Те, кто отрицают свободу для других, сами ее не заслуживают».

Авраам Линкольн.

Актриса Анджелина Джоли — сексуальная красавица нашего времени — хорошо знакома российскому зрителю. Значительно менее она известна ему в другой своей ипостаси — Посла Доброй Воли Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев. Между тем, в этом качестве Джоли за последние годы посетила множество стран: Эквадор. Сьерра-Леоне, Танзанию, Косово, Кению, Намибию, Камбоджу, Пакистан, Таиланд. Побывала актриса и в России — на Северном Кавказе, в Ингушетии и Северной Осетии. Своими впечатлениями от поездок Джоли поделилась уже с большой разноязычной аудиторией. Теперь ее "Путевые записи» станут доступны и русским почитателям таланта голливудской знаменитости.

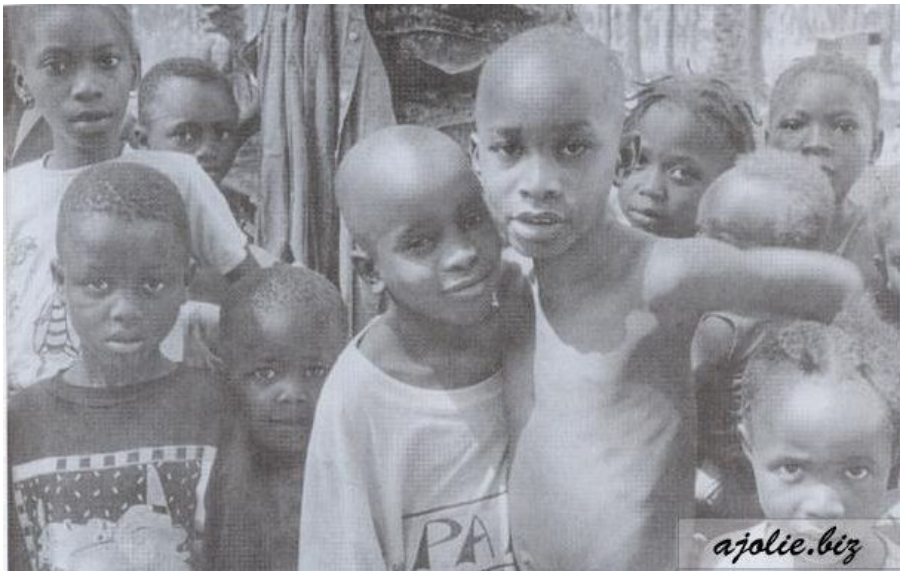
Фотографии

В 1994 году в Руанде разразился геноцид, и в течение 24 часов около 250 000 руандийцев бежали в Танзанию.



Секретничаем с уроженкой Сьерра-Леоне, которая вернулась на родину из Гвинеи. Фото сделано в Женском центре Форума африканских женщин — педагогов в Крафтоне (FAWE Forum for African Women Educationalists).

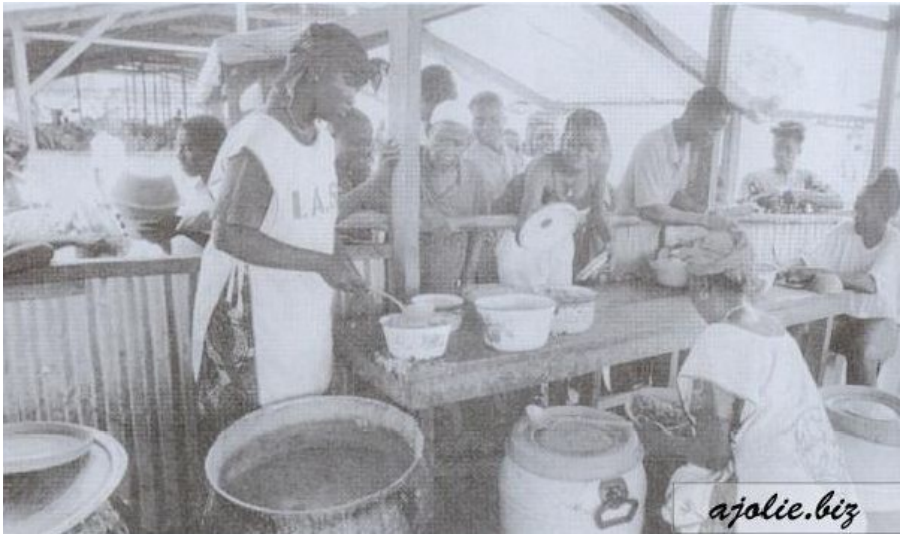
Урок ремесленного мастерства с юными беженками из числа тысяч жертв преследований, насилия и войны в Сьерра-Леоне.



Вернувшиеся на родину дети в Транзитном центре Ватерлоо в районе Фритауна.

Дети из Сьерра-Леоне, которые были беженцами в Гвинее. После приезда из Гвинеи они проводят несколько дней в Транзитном центре Джуи перед тем, как продолжить свой путь домой. В центре им предоставляется питание.

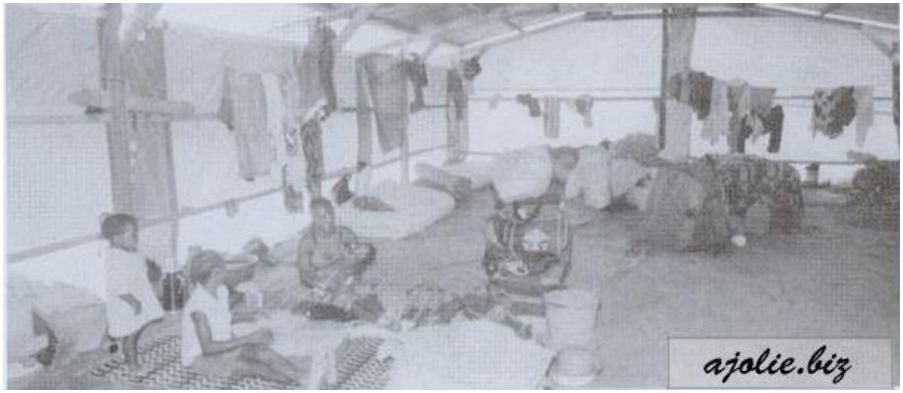
Жертвы ампутации. Многие гражданские лица подверглись насильственной ампутации конечностей во время гражданской войны в Сьерра-Леоне.



Раздача питания беженцам, вернувшимся из Гвинеи в Сьерра-Леоне. Фотография сделана в Транзитном центре Джуи в районе Фритауна.

Корабль «Фанта», который только что привез во Фритаун из Гвинеи беженцев, возвращающихся в Сьерра-Леоне.

Помещения в транзитном центре Джуи в районе Фритауна для краткосрочного пребывания беженцев, возвращающихся в Сьерра-Леоне.



Беженцы, возвращаясь в Сьерра-Леоне из Гвинеи, делают временную остановку в в транзитном центре в районе Фритауна.

Беженцы, вернувшиеся из Гвинеи в Сьерра-Леоне на корабле «Фанта», ожидают регистрации в порту Фритауна.

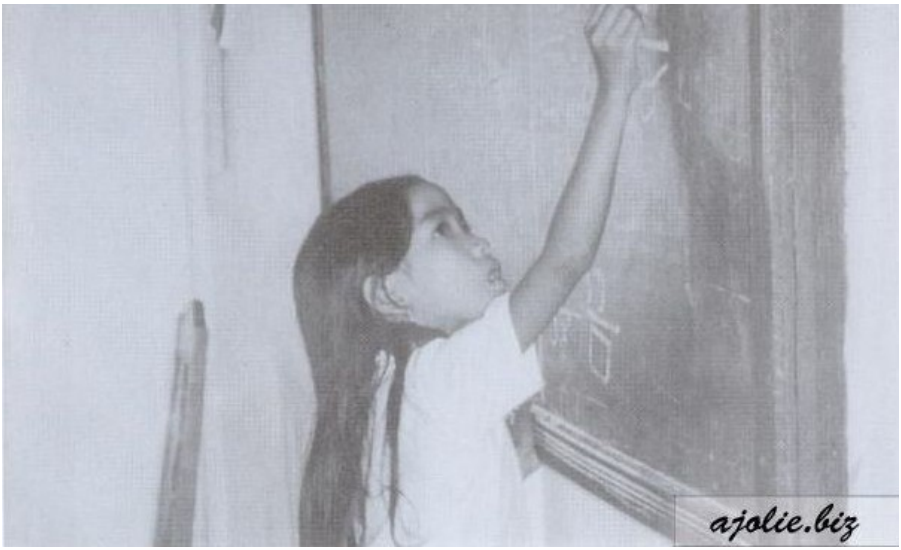
Занятия в школе, построенной УВКБ ООН для беженцев, вернувшихся в Самлот, Камбоджа.

Разговор о необходимости медицинской помощи. Клиника итальянской неправительственной организации «Скорая помощь» в Самлоте, Камбоджа.

Брифинг с персоналом неправительственной организации HALO о проблеме обезвреживания мин в районе Ан Лонг Венг, Камбоджа. В настоящее время более 110 миллионов мин в боевом состоянии разбросаны на территории 68 стран.

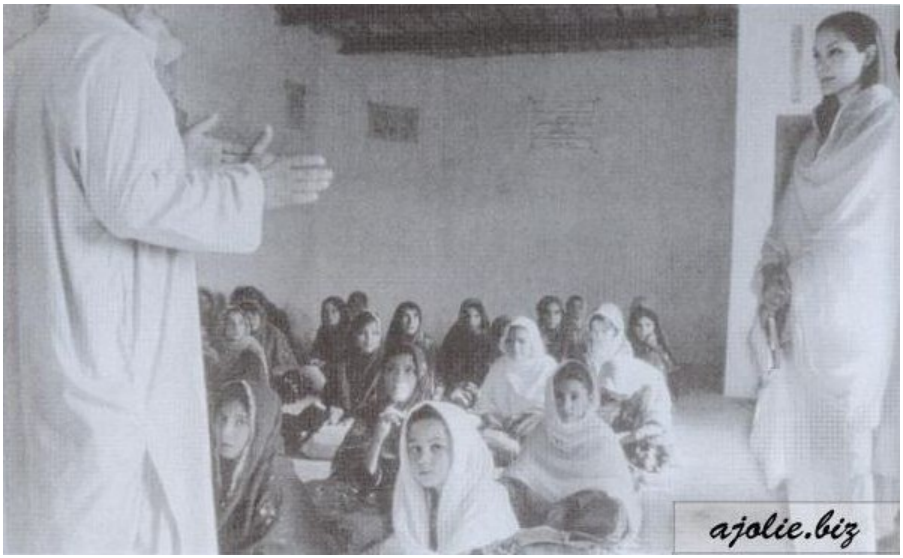
Женщины и дети собирают воду из колодца, построенного и обслуживаемого УВКБ ООН в районе Ан Лонг Венг.

Мать с детьми в клинике организации «Скорая помощь» в Самлоте. Мальчика лечат от малярии.

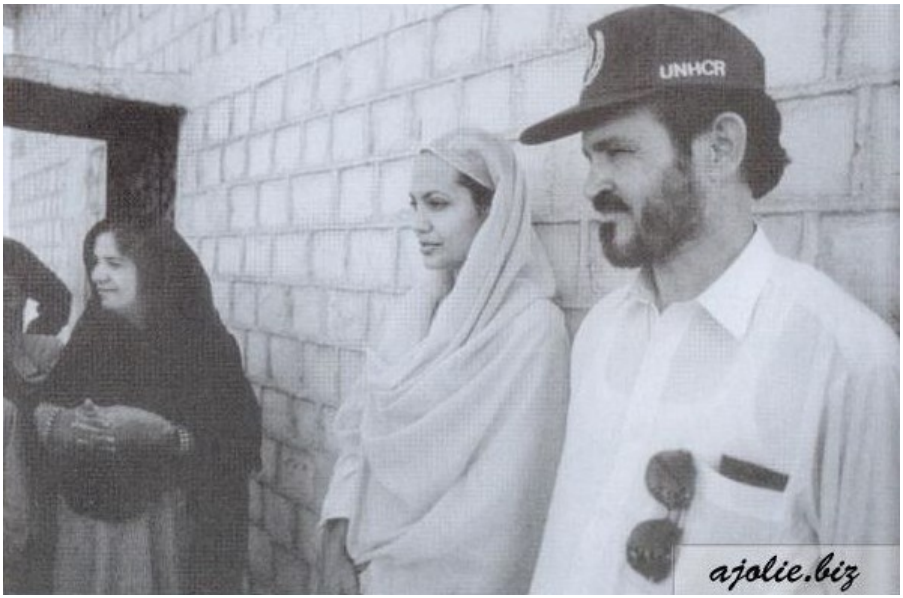


Девочка-ученица в школе, построенной УВКБ ООН для беженцев, возвращающихся в Самлот.

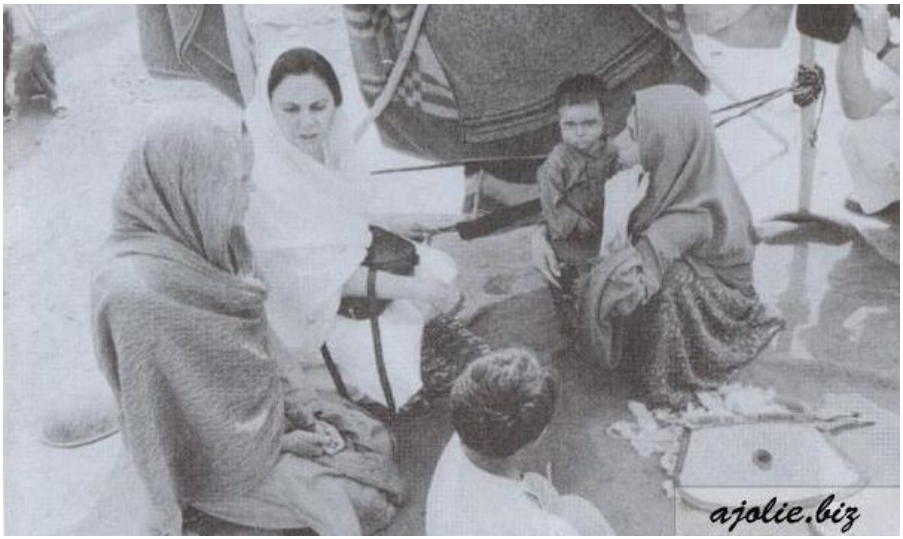
Ученики делают зарядку во дворе школы, построенной УВКБ ООН для беженцев, возвращающихся в Самлот.



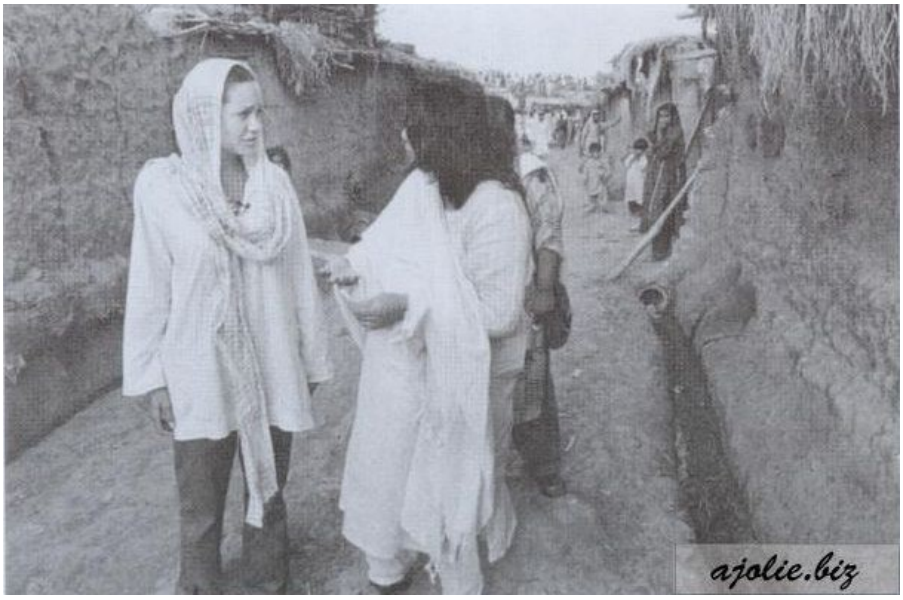
Школа для детей афганских беженцев в Лора-Лаи, Пакистан.



Афганские беженцы демонстрируют работу водяной помпы (лагерь Зар Караз 2 в Лора-Лаи, Пакистан).

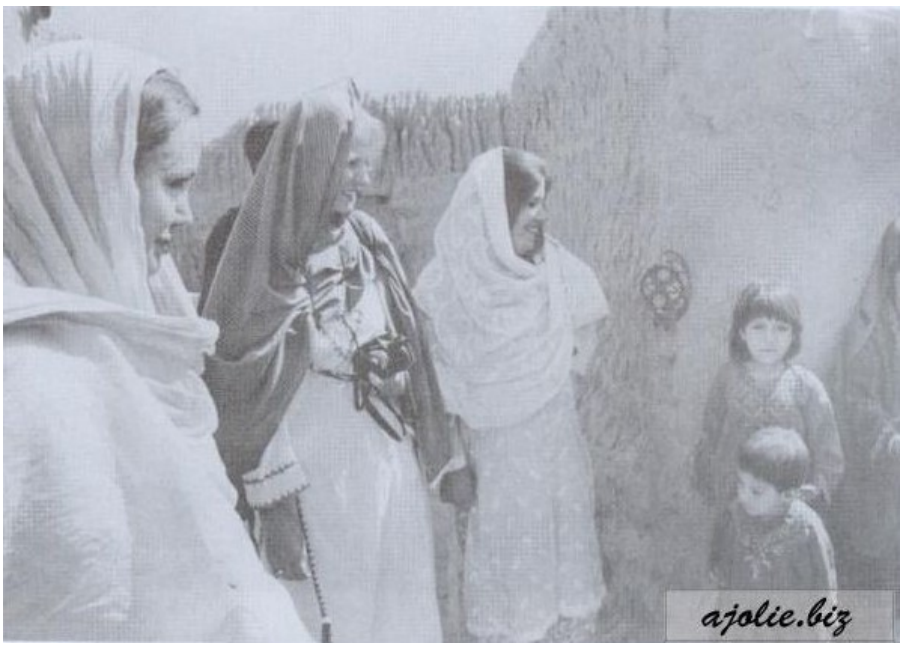


Общение с вновь прибывшими афганскими беженцами в лагере Джалозай, Пакистан. В августе 2001 года в Пакистане находилось более 2 миллионов беженцев; многие в настоящее время вернулись на родину.



Посещение с сотрудниками УВКБ ООН лагеря афганских беженцев в Пешаваре, Пакистан.

Встреча с участниками программы «Дети учат детей». Лагерь Насыр Баг для афганских беженцев в Пакистане.



Посещение деревни беженцев Саранан в Пакистане.

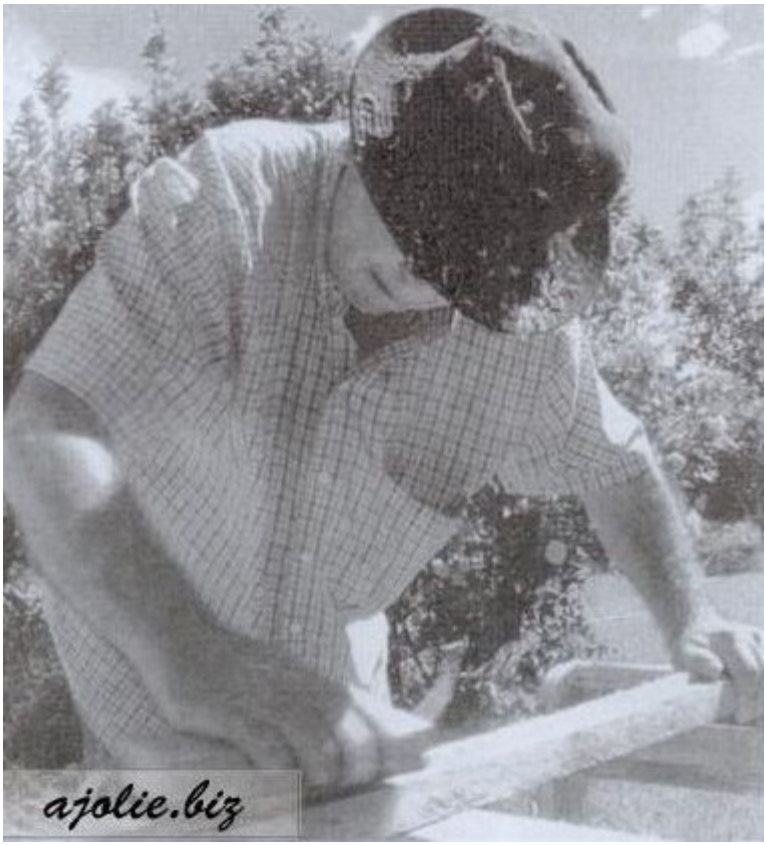
Посещение школы, основанной организацией «Спасите детей», в пригороде Куетта, Пакистан.

Посещение деревни афганских беженцев в пригороде Куетта, Пакистан.

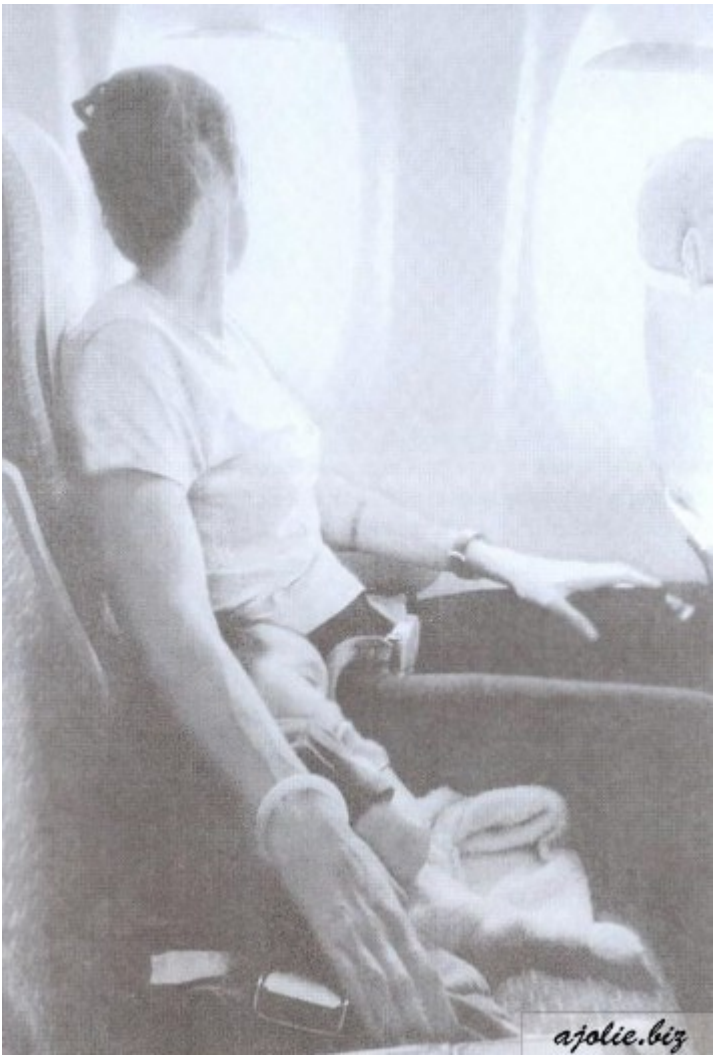
Беседа с беженцами и персоналом УВКБ ООН в центре занятости Джамалуддин в Пешаваре, Пакистан.

Колумбийский малыш на руках сотрудника УВКБ ООН. В приюте для семей беженцев.

Колумбийский малыш в Эквадоре, продолжающийся военный конфликт в Колумбии привел к тысячам смертей и более чем полутора миллионам беженцев. Тысячи колумбийцев бежали в соседние страны — Венесуэлу, Панаму и Эквадор.



Колумбийский беженец работает плотником при мастерской, организованной УВКБ ООН.



На пути в Камбоджу. Апрель 2003 г.

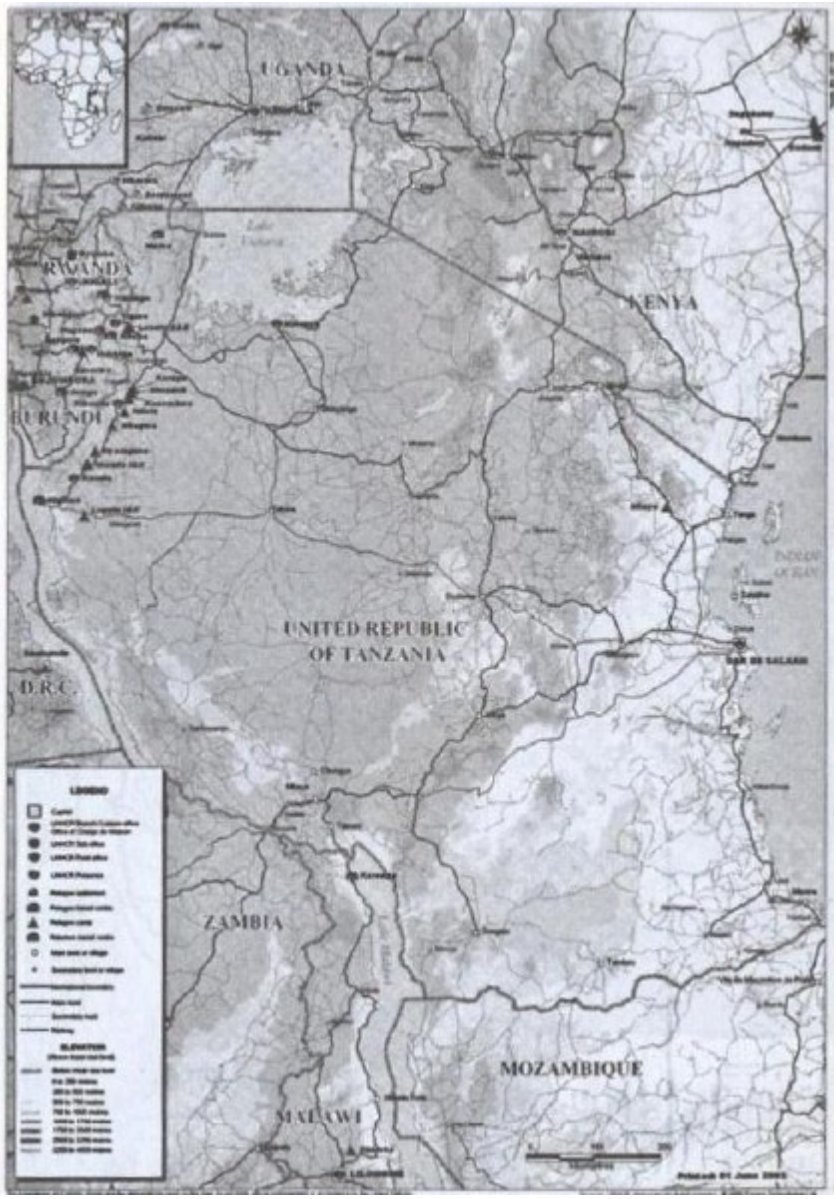
Карты

Сьерра-Леоне

июнь 2003

Объединенная республика Танзания

июнь 2003



Камбоджа

июнь 2003

Пакистан

июнь 2003

Эквадор

июнь 2003

Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН — www.unhcr.ru) предоставляет защиту и помощь беженцам во всем мире. Это агентство было создано по решению Генеральной Ассамблеи ООН и приступило к работе в 1951 г., оказав помощь более чем одному миллиону беженцев в Европе, оставшихся без крова в результате Второй мировой войны.

В начале 2001 года количество лиц, попавших в сферу деятельности УВКБ ООН, составило 21,8 миллиона человек, или 1 человек на каждые 275 человек, проживающих на земном шаре.

По имеющимся данным, общая численность беженцев во всем мире в начале 2003 г. составила около 10,3 миллиона человек. По

сравнению с предыдущим годом это число уменьшилось на 14 процентов или на 1,7 миллиона человек.

Ежедневно около 6 тысяч сотрудников УВКБ ООН более чем в 150 странах мира помогают нуждающимся. Важной составляющей их деятельности является привлечение внимания общественности к проблемам беженцев. Эта функция является основной для Послов Доброй Воли УВКБ ООН. Используя свое общественное положение и таланты, они доносят послания беженцев до всего мира. Они выступают голосом тех, кто зачастую является жертвами забытых или гуманитарных кризисов, «неизвестных» широкому кругу лиц.

На сегодняшний день в УВКБ ООН существует пять Послов Доброй Воли — это Барбара Хэндрикс (с 1987 года), Адель Имам (с 2000 г.), Анджелина Джоли (с 2001 г.), Джорджио Арман и (с 2002 г.) и Жульен Клерк (с 2004 г.).

13 октября 2003 года Анжелина Джоли согласилась продлить срок пребывания на посту Посла Доброй Воли УВКБ ООН еще на два года. За все время своего пребывания на этом посту она посетила множество стран, в частности: Эквадор, Сьерра-Леоне, Танзания, Косово, Кения, Намибия, Камбоджа, Пакистан и Таиланд. В августе 2002 года Анжелина Джоли приехала в Россию, посетив Северный Кавказ, Ингушетию, Северную Осетию.

notes

Примечания

1

Special Air Service — элитные войска специального назначения Великобритании, прим.

2

Практика ампутации конечностей у представителей враждующей стороны во время войны существует у многих африканских племен. Цель этого бесчеловечного метода сводится главным образом к устранению способности противника принимать участие в боевых действиях, прим.

3

Nongovernment organization (NGO), неправительственная организация, как правило, международная не коммерческая общественная организация, имеющая гуманитарные цели, например, «Врачи без Границ», и др., прим.

4

Western Union — система срочных международных денежных переводов, прим.

5

Для передвижения транспорта с гуманитарными грузами и беженцами, прим.

CORD — Christian Outreach Relief and Development, прим.

HALO — Hazardous Areas Life-Support Organization, прим.

8

Вопросы «How much?» и «How many?» переводятся с английского на русский одинаково — «Сколько?», «Как много?». Но фраза «How much?» используется, как правило, для неисчисляемых существительных, а фраза «How many?» для исчисляемых, прим.

9

Дуриан — фрукт, название которого происходит от малайского Слова «дури» — шип. Это плод зеленого цвета, покрытый мягкими шипами. Фрукт очень сладкий, но при разрезании издает резкий запах тухлых яиц прим.

JRS — Jesuit Refugee Service, прим.

11

В английском оригинале текста — Sach, прим.

12

Drop in — заглянуть, заскочить на минутку, прим.